

Финно-угорский мир

Научный журнал

DOI: 10.15507/2076-2577

Том 15, № 4. 2023

DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68

Адрес редакции:
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 28.12.2023.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 838

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2023

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Certificate ПИ № ФС77-70644
August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign
countries

Subscribe index: 42059,
Catalog "The Press of Russia"

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on December 28, 2023.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 838

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2023

Finno-Ugric World
Academic Journal

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ЭТИКА

DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04

ISSN 2076-2577 (Print), 2541-982X (Online)

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его научометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04

ISSN 2076-2577 (Print), 2541-982X (Online)

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchkova@mail.ru
- Вичинене Даива** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузикологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Половодский государственный технологический университет» (г. Иошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), rekka.kauppala@savonlahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкоznания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Луутонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкоznания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), iuutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martyanova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкоznания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticasak.sandor@arts.unideb.hu
- Минниахметова Татьяна Гильдияхметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordyarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_popov@mail.ru
- Пустая Янош** – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fennno-Ugricum» (г. Бадачонтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seili@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunif@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусства ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Иошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčinienė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhtatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illkomisc.ru
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuga@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticcsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticcsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyahmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (Innsbruck, Austria) minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvar@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullenon@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Puszta** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fennno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_puszta@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksandr V. Rodnjaev** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tónu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seillu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrnf@yandex.ru
- Eve Toulouze** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04

ISSN 2076-2577 (Print), 2541-982X (Online)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. П. Гришунина, Н. И. Ершова. Функционирование русских заимствований в лексике мокшанских говоров	392
А. А. Конгоева. Сомат <i>nepä</i> ‘нос’ в карельских фразеологизмах	401
М. В. Кошелева. Особенности функционирования I инфинитива в вепсском языке на основе материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков	408
Т. И. Мочалова, А. Ю. Маслова, М. З. Левина. Ремесленная и промысловая фразеология в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия	421
А. П. Родионова, Т. П. Бойко, Н. А. Пеллинен. Современная орфография сквозь призму Открытого корпуса вепсского и карельского языков (на примере посложных падежей)	432
Е. А. Цыпанов. Коми лексические архаизмы в сказке И. А. Куратова “Микул”	441

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. П. Девяткина, С. С. Панфилова. Религиозно-магическая основа гаданий в традиционной культуре мордвы	450
С. Н. Уваров. Удмурты: ассимиляция или депопуляция? (к итогам Всероссийской переписи населения 2021 г.)	461

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. С. Иликаев. Мотивы творения мира из яйца в мифах прибалтийско-финских народов, коми и мордвы в контексте образа божественной птицы: сравнительный анализ	472
Л. А. Молчанова. Шаманский микрокосм в символике свадебных головных уборов в удмуртской и русской традиции	483

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

М. С. Выхрыстюк, С. Р. Муратова. IX Всероссийский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: угры»	493
Т. А. Дятлова, Е. Н. Ломшина. Объединяя финно-угорских писателей	496
Т. В. Пашкова. Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края	498
Н. А. Лимкина. Старотеризморгская вышивка: сохранение культурного наследия	501
Л. Г. Скворцова, А. А. Раслова. Виктор Иванович Федюнин – иллюстратор, график, живописец. К 75-летию со дня рождения художника	504

CONTENTS

DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04

ISSN 2076-2577 (Print), 2541-982X (Online)

PHILOLOGY

V. P. Grishunina, N. I. Yershova. Functioning of the Russian borrowings in the vocabulary of Moksha subdialects	392
A. A. Kongoeva. Somat <i>nenä</i> ‘nose’ in Karelian phraseological units	401
M. V. Kosheleva. Features of the functioning of the I infinitive in the Veps language based on the materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages	408
T. I. Mochalova, A. Yu. Maslova, M. Z. Levina. Craft and trade phraseology in Russian and Moksha subdialects on the territory of the Republic of Mordovia	421
A. P. Rodionova, T. P. Boyko, N. A. Pellinen. The modern orthography through the prism of the Open corpus of Veps and Karelian languages (on the example of postpositional cases)	432
E. A. Tsypanov. Komi lexical archaisms in fairy tale “Mikul” by I. A. Kuratov	441

HISTORICAL STUDIES

T. P. Devyatina, S. S. Panfilova. Religious and magic foundations of divinations in traditional culture of the Mordovians	450
S. N. Uvarov. Udmurts: assimilation or depopulation? (to the results of the All-Russian population census of 2021)	461

CULTURAL STUDIES

A. S. Ilikaev. Motives of the world creation from an egg in the myths of Baltic-Finnish peoples, Komi and Mordovians in context of the image of the divine bird: a comparative analysis	472
L. A. Molchanova. Shamanic microcosm in the symbolism of wedding headdresses in the Udmurt and Russian traditions	483

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

M. S. Vykhrystyuk, S. R. Muratova. IX All-Russian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia: Ugrians”	493
T. A. Dyatlova, E. N. Lomshina. Uniting Finno-Ugrian writers	496
T. V. Pashkova. Prose folklore of the Karelians of the Kesteng’s territory	498
N. A. Limkina. Embroidery of Staraya Terizmorga: preserving cultural heritage	501
L. G. Skvortsova, A. A. Raslova. Viktor I. Fedyunin is an illustrator, graphic artist, painter. To the 75th anniversary of the artist’s birth	504

Функционирование русских заимствований в лексике мокшанских говоров

Валентина Петровна Гришунина

Наталья Игоревна Ершова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия

Введение. В статье проанализирована лексика, заимствованная из русского языка и функционирующая в говорах мокшанского языка на территории Мордовии и за ее пределами. Предмет анализа составляют количественный состав и дублетность русизмов в говорах мокшанского языка.

Материалы и методы. Авторами использованы различные методы исследования, основным из которых был описательный. Кроме того, применялись элементы метода дистрибутивного и компонентного анализа. Языковой материал составили русизмы, извлеченные из полевых наблюдений авторов, Мокшанско-русского словаря, Мордовского словаря Х. Паасонена.

Результаты исследования и их обсуждение. Проанализированы структурно-семантические особенности русизмов в говорах мокшанского языка, функционирующих на территории Мордовии и Пензенской области. В ходе исследования были определены причины и рассмотрены основные способы семантического развития (сужение и расширение) отдельных значений слов. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проведен лексико-семантический анализ около 100 лексических единиц, функционирующих в говорах мокшанских диалектов. Систематизация проанализированных единиц языка, относящихся к разным лексико-семантическим группам, позволила зафиксировать не описанные ранее языковые явления, связанные с выразительными возможностями диалектной лексики мокшанского языка.

Заключение. Исследование имеет практическое значение, его результаты могут быть использованы при написании учебно-методических пособий по мокшанской диалектологии, в вузовской практике преподавания курсов «Диалектология мокшанского языка», «Русская диалектология» и соответствующих спецкурсов для студентов гуманитарных направлений подготовки.

Ключевые слова: лексика, язык, синонимия, семантика, говоры, заимствование, дублетность

Для цитирования: Гришунина В. П., Ершова Н. И. Функционирование русских заимствований в лексике мокшанских говоров // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 392–400. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.392-400.

Введение

В современном языкоznании в зоне исследовательского интереса часто оказываются общие закономерности и основные тенденции формирования и развития национальных языков. Без них не представляется возможным глубокое и всестороннее изучение диалектов. Известно, что диалектный язык является исторической категорией, развивающейся в неразрывной связи с историей общества. Изучение лексического богатства диалектов признается одной из актуальных проблем в современном мордовском языкоznании, так как в последнее время встает серьезная проблема исчезновения исконной лексики

в мокшанских говорах. Актуальность вопроса изучения лексики мокшанских говоров обусловлена также необходимостью создания сводного словаря диалектов и атласа говоров мордовских языков.

Преимущества изучения словарного состава диалектов как системы, элементы которой связаны между собой разного рода отношениями, становятся очевидными для современных лингвистов. Так, ведущий финно-угровед Д. В. Цыганкин отмечает: «Лексическая система говоров характеризуется своеобразными особенностями в своей целостности. ...Слова отражают, регистрируют и показывают нам

как процесс в целом, так и детали языкового развития, новые, современные, длительные и кратковременные факты языковой жизни» [19, 80].

Обзор литературы

Лексико-семантические модификации заимствованной лексики (как в литературном языке, так и в диалектах) – феномен, привлекающий внимание лексикологов, диалектологов и историков языка, среди которых Л. И. Баранникова [6], Т. С. Коготкова [10], В. Д. Черняк [22], Р. В. Семенкова [17], В. П. Гришунина, Н. И. Ершова [7; 8], А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова [25] и др.

В проблемном поле работ, посвященных разноспектному изучению лексики мордовских языков, находятся вопросы теории и методологии [18; 20], морфемики и морфологии в говорах [1; 5], а также анализа процессов фонетической адаптации заимствований в мокшанском языке [9], грамматического освоения слов-руссизмов [21], обогащения морфологической системы мокшанского языка под влиянием русского [12], освоения русских заимствований в условиях двуязычия [15].

В рамках нашей статьи наибольшую значимость представляют труды отечественных и зарубежных финно-угроведов: А. П. Феоктистова [18], Д. В. Цыганкина [20; 21], Н. А. Агафоновой, И. Н. Рябова [1–4], М. Н. Коляденкова [11], К. И. Ананьиной [5], С. И. Липатова, П. Г. Матюшкина [15], М. В. Мосина [16], М. З. Левиной [12–14], Н. Ф. Кабаевой [9], А. Алквиста [23], Х. Габеленца [24]. Однако в данной отрасли языкоznания остались исследовательские «лақуны» и неразработанные вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Материалы и методы

Материалом исследования явились полевые наблюдения авторов, Мордовский словарь Х. Паасонена (MW), Мокшанско-русский словарь (МРС), а также «Образцы мордовской речи диалектов Заволжья и Южного Урала»¹. В работе применялись

описательный, сравнительный методы; прием лексико-семантического анализа, элементы компонентного анализа; статистическая обработка данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Хорошо известно, что нет языка, совершенно свободного от иноязычных влияний, так как ни один народ не живет изолированной, обособленной жизнью. Общественный характер человеческой речи, исторические процессы, определяющие социальное развитие, неизбежно влекут за собой включение одним языком элементов другого, их взаимодействие. Наиболее ярко это отражается в лексике.

Данному процессу способствуют как языковые, так и неязыковые причины. Неязыковые связаны с появлением нового предмета или понятия. Если говорить о русских заимствованиях в мокшанском языке, то они, как правило, сохраняют свое значение и звуковую оформленность. Это относится прежде всего к интернациональным словам, научным терминам и т. п: *спутник, атом, лектор, район, товар, доклад, индустрия, поэма* и др.

Среди языковых причин лексического заимствования следует назвать необходимость замены описательного наименования, существующего в языке, одной лексемой. Далее приведены примеры замены сложного или составного наименования в мокшанском языке однословной заимствованной лексемой из русского языка: *śra langaks* (досл. ‘покрывало стола’) / *skat’er t’* ‘скатерть’; *jaRcama sama* (досл. ‘приход еды’) / *appetit* ‘аппетит’; *er’afən’ ki* (досл. ‘дорога жизни’) / *sud’ba* ‘судьба’, *val’mē pakar’n’at* (ЗыцвКрснсл) (досл. ‘окна косточки’) / *rata* ‘оконная рама’; *skalən’ pot’aj* / *dajarka* ‘доярка’; *śaban’ tonafn’i* (досл. ‘детей учащий’) / *ucit’el’n’ica* ‘учительница’; *vid’e ronga* (досл. ‘прямое туловище’) / *strojnaj* ‘стройный’; *sel’mē vij* (досл. ‘сила глаза’) / *zr’en’ijä* ‘зрение’; *s’uk pr’ä* (досл. ‘поклон головы’) / *spas’iba* ‘спасибо’; *l’ämbə śir’* (досл. ‘тёплая сторона’) / *juk* ‘юг’ и др.

¹ См.: Образцы мордовской речи диалектов Заволжья и Южного Урала / Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов, Г. В. Рябова, Д. В. Цыганкин. Саранск, 2022.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Данное явление прослеживается во всех говорах мокшанского языка.

В ряде случаев для обозначения одного и того же понятия наряду с исконным словом или сочетанием используются слова или словосочетания, заимствованные из другого языка. Приведем примеры подобных дуплетов в мокшанском языке, образованных исконными словами и русизмами: *vas 'ftəms* (литер.) / *strecams* (КлдМСтШ) ‘встретить’ < рус. встретить; *iL'təms* (ПрмзЗП) / *rərvažams* (литер.) ‘проводить’ < рус. проводить; *s'ic'əms/krojams* (ЗйцвКрснсл) ‘материться, ругаться нецензурными словами’ < рус. крыть в значении ‘бранить, критиковать’; *är'askadəms* (ЗйцвКрснсл) / *torapams* (СтШ) ‘торопиться’ < рус. торопиться; *n'iksams/n'uχams* (МКзлАтр) ‘нюхать’ < рус. нюхать; *šatol* (литер.) / *svec'ä* (МКзлАтр) ‘свеча, свечка’; *tərva* (литер.) / *guba* (ЗйцвКрснсл) ‘туба’; *vir'* (литер.) / *l'es* (ЗйцвКрснсл) ‘лес’; *menəl'* (литер.) / *n'oba* (ЗйцвКрснсл) ‘небо’; *jam* (литер.) / *kaša* (НСндрКрснсл) ‘каша’, *oš/gorət* (литер.) ‘город’; *šaržu* (литер.) / *s'edoj* (ЛвжРзв) ‘седой’; *ul'e* (литер.) / *s'eraj* (СтЛпвКрснсл) ‘серый’; *aši* (литер.) / *bednaj* (ЗйцвКрснсл) ‘бедный’; *ruc'ä* (СтЛпвКрснсл) / *šal'ka* (ПчпзП) / *šal'n'e* (АлькКвлк) ‘платок; шаль’; *ov* (литер.) / *vəz'äd'* (НСндрКрснсл) ‘зять’; *aru* (литер.) / *čistaj* (АдшКдш) ‘чистый, свежий’; *pingə/vr'ema* (повсем.) ‘время’; *kunara/davno* (ПчпзП) ‘давно’; *s'idəsta/časta* (литер.) ‘часто’; *šurəsta* (литер.) / *retka* (НСндрКрснсл) ‘редко’; *kurək/šipka* (МШдМКвлк) ‘быстро’ и др.

Ниже представлен список лексико-семантических групп русизмов, зафиксированных в мокшанских говорах.

1. Наименования флоры:

- 1) *kartof(a)* / *karčka* (Пнз) – картофель
- 2) *kartoška* (ЛвжРзв) / *kartof* (МШдМКвлк) – картошка
- 3) *markof* (смеш.г.) – морковь
- 4) *romaška* (АлькКвлк) – ромашка

2. Наименования фауны:

- 1) *kaza* (ЗйцвКрснсл) – коза
- 2) *uta* (ЗйцвКрснсл) – утка

3. Наименования объектов социально-го характера (человек, семья, общество):

- 1) *bat'ka* (ЗП) – крёстный
- 2) *bat'ä* (ЗП) – отец

- 3) *vəzäd'* (НСндрКрснсл) – зять
- 4) *d'äd'ka* (МКзлАтр) – старший брат, дядя

- 5) *mama* (ЗП) – мама
- 6) *pat'ä* (ЗйцвКрснсл) – дядя
- 7) *radn'ä* – родственник, родственница / *rodn'a* (КжлдТрб) (собир.) – родственники

- 8) *r'ovks* (МШдМКвлк) – плакса
- 9) *soldak* (МРС, 651) – солдат
- 10) *χval'bun* (ЗйцвКрснсл, КшлАтр) – хвастун, щеголь (о человеке)

4. Наименования предметов домашнего обихода, утвари:

- 1) *bukstams* (MW, 147) – разбухать
- 2) *dobra* (ЗйцвКрснсл) – собственность, имущество

- 3) *durba* (МКзлАтр) – труба
- 4) *kubəskä* (АлькКвлк) – кубышка – глиняный сосуд с длинным горлом

- 5) *nadobijä* (ЗйцвКрснсл) – лекарство, снадобье

- 6) *podarka* (ЗйцвКрснсл) – подарок
- 7) *pórak* (МКзлАтр) – порог

- 8) *spic'kat* (МПлЗП) – спички
- 9) *tal'eka* (ЗйцвКрснсл, НСндрКрснсл) – часть чего-либо, полученная при дележе

5. Наименования кушаний, напитков:

- 1) *gonka* (ПрхлРзв, СлзгТрб) – самогон
- 2) *žar'afkst* (БлдРзв) – шкварки

6. Обозначения элементарных явлений жизни, действий:

- 1) *bešakodəms* (МПлЕлин) – взбеситься (о человеке)

- 2) *bedalažendams* (СтШ) – шалить, ба-ловаться

- 3) *bod'r'əndams* (МПлЗП) – щеголять
- 4) *bajams* (MW, III) – задремать, (ЗйцвКрснсл) – банишки (элемент детской речи)

- 5) *ven'c'ams* (ЛвжРзв) – выйти замуж
- 6) *vod'əndams* (ЗйцвКрснсл) – направить, руководить

- 7) *gor'avams* (СтШ) – горевать, испыты-вать глубокую скорбь, тосковать

- 8) *dumams* (СтШ) – думать
- 9) *kod'ams* (ЗйцвКрснсл) – угодить

- 10) *kolduvams* (Пнз) / *koldundams* (ЗйцвКрснсл) / *kaldubams* (СтШ) – колдо-вать, околовать

- 11) *kr'ef* (СтЛпвКрснсл) – грех
- 12) *kr'iz* (ЗйцвКрснсл) / *gr'iza* (МКзлАтр) – грыжа

- 13) *kur'ams* (КртАтр) – курить
 14) *l'es t'ams* (Пнз) – льстить
 15) *lečindams* (ЗйцвКрснсл) – лечиться
 16) *metams* (ЗП) – целиться, прицелиться
 17) *mešams* (МКзлАтр) – мешать, препятствовать
 18) *n'učams* (МКзлАтр) – нюхать
 19) *pl'et'ams* (НСндрКрснсл) – обманывать
 20) *risavams* (МКзлАтр, КшлАтр) / *risavandams* (ЗйцвКрснсл) – рисовать
 21) *róbatams* (НСндрКрснсл) / *rábotams* (АтрАтр) – работать
 22) *r'ovf* (ЗП) – рёв, шум
 23) *stopams* (ЗйцвКрснсл) – занять (место)
 24) *torapams* (КлдмСтШ) – торопиться
 25) *χvat'ams* (МПлЗП) – схватить
 26) *χvorajams* (ЗП) – заболеть, захворать
 27) *χvorajgadməs* (МПлЗП) – заболеть
 28) *χol'ed'əms* (АлькКвлк) – холить, заботливо, с большим вниманием ухаживать за кем-, чем-либо
 29) *χul'əd'əms* (МПлЗП) – хулить, хаять, ругать

7. Названия качеств, свойств, состояний:

- 1) *bednaj* (ЗйцвКрснсл) – бедный
 2) *boltas* (Пнз) – болтливый
 3) *gož* (ЗП, СлзгТрб) – хороший
 4) *dren'* (ПчпЗП) – плохой, плохо
 5) *žal'd'ez'* (МПлЗП) – с сожалением, с жалостью
 6) *istovaj* (ПвКдш) – спелый (о фруктах, овощах), (ЗйцвКрснсл) – своё собственное, честно нажитое
 7) *pervaj* (СтЛпвКрснсл) – 1) сначала, вначале, сперва, 2) раньше, в первую очередь, сначала, прежде всего
 8) *pogan'* (ЗйцвКрснсл) – эпилепсия
 9) *raznaj* (ЗйцвКрснсл) – 1) неодинаковый, непохожий, 2) всякий, всевозможный
 10) *rovna* (ЗйцвКрснсл) / *rona* (МПлЗП) – точно, как раз

- 11) *ronasta* (МПлЗП) – равномерно, по-ровну
 12) *s'eraj* (повсем.) – серый
 13) *χuža* (ЗйцвКрснсл) – хуже
 14) *šipka* (СтШ, МШдмКвлк) – быстро

8. Названия, служащие для ориентации в пространстве и времени:

- 1) *pozda* (МКзлАтр) – поздно

- 2) *petru* (ПвКдш) / *Pätru* (ЗйцвКрснсл) – Петров день (религиозный праздник)
 3) *s'ičas* (повсем.) – сейчас
 4) *sklän'n'ä* (ЗйцвКрснсл) – всклень
 5) *strana* (ЗйцвКрснсл) – большой город; чужая сторона
 6) *t'ol'ki* (РбкКвлк, НПшнКвлк, АлькКвлк) – только что, совсем недавно
 7) *ubornaj* (ЗйцвКрснсл) – уборная, помещение для отправления естественных надобностей

9. Наименования одежды и обуви:

- 1) *val'ən'c'at* (ЗйцвКрснсл) – валенки
 2) *šal'* (ПвКдш) – цветастый платок
 3) *šal'əvaj* (АтрАтр) – платок цветастый
 4) *šal'ka* (ПчпЗП) / *šal'n'e* (АлькКвлк) – платок
 5) *t'oplaJt'* (ПвКдш) – валенки

10. Наименования явлений природы и окружающей среды:

- 1) *balota* (ПвКдш) – грязь (бездорожье)
 2) *duc'ä* (МКзлАтр) / *tuc'ä* (МРС, 758) – туча

- 3) *šironka* (КртАтр) – поле
 4) *škabaz* (Пнз) – небо

11. Наименования частей тела:

- 1) *gal'aška* (ЗП) – 1) голень, 2) голая нога
 2) *klok* (КшлАтр, МРС, 262) – кулак
 3) *kubat* (ЗйцвКрснсл) – губы
 4) *kapita* (ЗйцвКрснсл) – копыто
 5) *l'ofkaJt'* (ЗйцвКрснсл) – лёгкие

Согласно статистическим данным, самой многочисленной по наличию русизмов является группа слов для обозначения элементарных явлений жизни, действий (29 лексем), далее следуют названия качеств, свойств, состояний (14) и наименования объектов социального характера (10), наименования домашнего обихода (9 лексем). Самыми малочисленными являются группы заимствований, служащих для ориентации в пространстве и времени (7 лексем), наименований частей тела, а также одежды и обуви (по 5 в каждой представленной группе), явлений природы и окружающей среды (4), кушаний, напитков (2), флоры и фауны (4 и 2 лексемы соответственно).

Итак, нами зафиксировано около 100 лексем-русизов, относящихся к различным лексико-семантическим группам.

Из современного мокшанского языка и говоров почти совсем исчезли такие слова, как *tičke* (литер.) ‘творог’, *sardon’at* (ЗйцвКрснсл) ‘спички’, *čiža* (АльКвлк) / *top* (ПрхлРзв) ‘мяч’, *topa* (НСндрКрснсл) ‘начинка для пирогов’ и т. д.

В лексико-семантической группе терминов родства и свойства при фонетической и лексической вариантности понятия «мать» – *t’äd’ä* (КрнКвлк), *t’er’e* (ПвКдш), *t’id’ä* (НСндрКрснсл), *d’ed’e* (ЛвжРзв), *ava* (СтШ), *tata* (ЗП) – по частотности употребления доминирует лексема *tata* ‘мать’. В современном мокшанском языке вместо четырех названий для бабушек и дедушек по линии матери и отца *ego* – *at’ä* ‘дедушка по отцу’, *baba* ‘бабушка по отцу’, *šč’ät’ä* ‘дедушка по матери’, *ščava* ‘бабушка по матери’ – чаще функционируют два термина без указания линии родства: *baba* ‘бабушка’, *at’ä* ‘дедушка’.

Относительно семантического освоения заимствований следует заметить, что некоторые из них, не изменив семантику, дополнили словарный запас как говоров, так и всего мокшанского языка: *torapams* (КлдмСтШ) ‘торопиться’, *tuc’ä* (СтЛпвКрснсл) ‘туча’, *c’ortams* (ЗйцвКрснсл) ‘зачеркнуть’, *sklänn’ä* (НСндрКрснсл) ‘всклень’ и др.

Другие заимствования сузили свое значение, оказав существенное влияние на семантическую микросистему исконного словарного состава заимствующего языка. Например, заимствованное из русского языка слово *rabota* заметно повлияло на семантическое поле и в связи с этим на сферу функционирования исконного слова *t’ev* ‘дело, работа’. Ср.: *Mon vešənd’an kodaməvək rabota* (СтСндрКрснсл). «Я ищу себе какую-нибудь работу»; *Mon tujan kodamovok t’ev*, *štoba af n’ur’ks’ems stak* (ЗйцвКрснсл). «Я найду себе какое-нибудь дело, чтобы не сидеть просто так». В данном контексте лексемы *rabota* и *t’ev* – абсолютные дублеты. Вместе с тем семантика слова *t’ev* в мокшанском языке гораздо шире, чем слово *rabota*, которое сузило свое значение: *Ton kosa rabotat?* (ЗйцвКрснсл). ‘Ты где работаешь?’. Это слово не может заменить мокшанское *t’ev*. В современном языке наблюдает-

ся тенденция к употреблению лексемы *pokama vasta* ‘место работы’ и *pokəd’əms* ‘работать’. Такое переменное употребление исконных и заимствованных слов приводит к исчезновению достаточно большого количества исконной лексики.

Ряд слов, наоборот, расширили свою семантику: *god’ams* (АтрАтр) ‘угождать; угодить’/ *kod’ams* (ЗйцвКрснсл) ‘угождать; угодить; поймат’ и др. У некоторых лексем в результате освоения и употребления в заимствующем языке произошел перенос значения *balota* (ПвКдш) ‘грязь’. И наконец, отдельные заимствования приобрели значение, не свойственное им в языке-источнике: *strana* (ЗйцвКрснсл) ‘большой город’, *t’oplaJt’* (ПвКдш) ‘валенки’, *istəvaj* (ПвКдш) ‘спелый (о фруктах, овощах)’ и др.

Сегодня в Республике Мордовия лингвисты, писатели, работники национальных СМИ возобновили работу, направленную на обеспечение чистоты литературного языка. Вместо русских заимствований, стихийно проникших в мокшанский и эрзянский литературные языки, всё чаще стали вводиться ранее игнорируемые слова родного языка: *словарь* – *валкс*, *собрание* – *пуромкс*, *предложение* – *валрисьме*, *вопрос* – *кизефкс*, *церяда* – *вержи* ‘среда’, *читверик* – *шуваланя* ‘четверг’, *май* – *панжиков*, *январь* – *кельмеков* и др.

В настоящее время в речи мокшан и эрзян, живущих вдали от районных центров, русизмы встречаются гораздо реже, чем у жителей близлежащих сел и деревень. Наши полевые наблюдения подтверждают вывод, сделанный известным мордовским исследователем М. В. Мосиным, о влиянии тех или иных демографических признаков на чистоту речи [16, 126].

Заключение

Наблюдения над заимствованной лексикой мокшанских говоров позволили сформулировать ряд выводов.

Во-первых, лексический запас мокшанских говоров в силу языковых и неязыковых причин представляется суженным из-за ухода из повседневной жизни реалий, процессов и явлений в связи с существенными изменениями в материальной

и духовной жизни народа, а также из-за чрезмерной замены без особой необходимости исконной лексики всевозможными заимствованиями (и их абсолютное большинство).

Во-вторых, лексические единицы в мокшанских говорах, заимствованные из русского языка или через русский язык, претерпевают фонетическую адаптацию, образуют ряды синонимов, являющихся абсолютными эквивалентами и взаимно дублирующих друг друга, что, в свою очередь, не нарушает самобытности мордовских языков и ведет к обогащению словарного состава мокшанских диалектов.

В-третьих, изучение распространения заимствований и их употребления в разных говорах позволяет во многих случаях определить и современную ситуацию, и историю употребления отдельных слов,

которая имеет большое значение для выяснения общих закономерностей языка.

Наконец, заимствования ведут, с одной стороны, к расширению лексического богатства мокшанских говоров, а с другой – к заметному количественному сокращению исконной лексики.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>диал.</i> –	диалектное слово
<i>досл.</i> –	дословно
<i>литер.</i> –	литературное слово
<i>мокши</i> –	мокшанский язык
<i>повсем.</i> –	повсеместно
<i>рус.</i> –	русский язык
<i>смешн.г.</i> –	смешанные говоры
<i>MPC</i> –	Мокшанско-русский словарь. 41 000 слов / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М., 1998.
<i>MW</i> –	Paasonens X. Mordwinisches Wörterbuch = Мордовский словарь X. Паасонена. Helsinki, 1990. Bd. 1.

ГОВОРЫ МОКШАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

АдшКдшк – Адашево, Кадошкинский район; АтрАтр – Атюрьево, Атюрьевский район; АлькКвлк – Алькино, Ковылкинский район; БлдРзв – Болдово, Рузаевский район; ЗП – Зубово-Полянский район; ЗйцвКрснсл – Зайцево, Краснослободский район; КжлдТрб – Кажлодка, Торбеевский район; КшлАтр – Кишалы, Атюрьевский район; КлдмСтШ – Кулдым, Старошайговский район; КрнКвлк – Курнино, Ковылкинский район; КртАтр – Курташки, Атюрьевский район; ЛвжРзв – Левжа, Рузаевский район; МКзлАтр – Мордовская Козловка, Атюрьевский район; МпвИнс – Мордовская Паёвка, Инсаарский район; МПлЗП – Мордовская Поляна, Зубово-Полянский район; МПштЕлн – Мордовские Пошаты, Ельниковский район; МШдмКвлк – Мордовский Шадым, Ковылкинский район; НПшнКвлк – Новое Пшенево, Ковылкинский район; НСндрКрснсл – Новое Синдрово, Краснослободский район; ПвКдш – Паево, Кадошкинский район; Пнз – Пенза; ПрхлРзв – Перхляй, Рузаевский район; ПрмзЗП – Промзино, Зубово-Полянский район; ПчпЗП – Пичпанда, Зубово-Полянский район; РбкКвлк – Рыбкино, Ковылкинский район; СлзгТрб – Салазгорь, Торбеевский район; СтСндрКрснсл – Старое Синдрово, Краснослободский район; СтШ – Старое Шайгово, Старошайговский район; СтЛпвКрснсл – Старое Лепьево, Краснослободский район

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологическое маркирование аккузатива в грамматических формах существительного и местоимений эрзянского диалектного ареала // Вестник угрovedения. 2022. Т. 12, № 2. С. 207–216. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-207-216.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура словоформ глаголов будущего времени объектного спряжения в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала // Вестник угрovedения. 2021. Т. 11, № 3. С. 407–417. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Ульяновской областенъ Новомалыклиной райононъ эрзянъ велень kortavkstnэсэ азоркscчинъ невтица суффикстнэнъ башка ёнксост // Multilingual Facilitation. Helsinki, 2021. Р. 263–274.
4. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Юбилей Д. В. Цыганкина // Linguistica Uralica. 2021. № 1. С. 63–65.
5. Ананьина К. И. Лексические особенности в говорах мокшанского языка // Вопросы лексикологии финно-угорских языков: межвуз. сб. науч. тр. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева. Саранск, 1989. С. 137–145.
6. Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. Саратов, 1962. Вып. 1. С. 101–121.
7. Гришунина В. П., Ершова Н. И. Структурно-семантические особенности названий

- построек и их частей в говорах Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 368–378. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.368-378.
8. Гришунина В. П., Ершова Н. И. Фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 224–232. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
 9. Кабаева Н. Ф. Фонетическая адаптация заимствований в мокшанском языке // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литературу народов Поволжья и Приуралья: материалы Межрегионал. науч. конф. Саранск, 2006. С. 136–139.
 10. Коготкова Т. С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора // Слово в русских народных говорах: сб. ст. Л., 1968. С. 37–52.
 11. Коляденков М. Н. К вопросу о заимствованиях в мордовских языках // Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1946. № 5. С. 68–75.
 12. Левина М. З. Лингвогеографические данные о категории числа существительных (на материале мокшанских диалектов) // *Linguistica Uralica*. 2021. Т. 57, вып. 2. С. 102–112. DOI: 10.3176/lu.2021.2.02.
 13. Левина М. З. Обогащение морфологической системы мокшанского языка под влиянием русского // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литературу народов Поволжья и Приуралья: материалы Межрегионал. науч. конф. Саранск, 2006. С. 185–189.
 14. Левина М. З. Электронный языковой корпус как фактор сохранения мордовских (мокшанского и эрзянского) языков // *LINGUISTIC TYPOLOGY* 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии: сб. науч. ст. Ижевск, 2021. С. 145–151.
 15. Липатов С. И., Матюшкин П. Г. Освоение русских заимствований в мокша-мордовском языке в условиях двуязычия // Проблемы мордовско-русского билингвизма. Вопросы мордовского языкоznания. Саранск, 1985. С. 110–118. (Труды НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Мордовии АССР. Сер.: Лингвистическая; вып. 81).
 16. Мосин М. В. Мордовские языки: настоящее и будущее: сб. ст. и докл. Саранск, 2010. 336 с.
 17. Семенкова Р. В. Лексические диалектизмы-существительные в русских говорах Мордовии // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2001. С. 249–253.
 18. Феоктистов А. П. Мокшанский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 178–189.
 19. Цыганкин Д. В. Лексические особенности эрзянских говоров // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск, 2000. С. 80–86.
 20. Цыганкин Д. В. Русско-мордовские межъязыковые контакты (на лексическом уровне) // Проблемы межъязыкового контактирования. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. С. 3–18. (Труды НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Мордовии АССР. Сер.: Лингвистическая; вып. 61).
 21. Цыганкин Д. В. Фонетическое и грамматическое освоение слов, заимствованных из русского языка и через русский язык (по материалам говоров эрзянского языка) // Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовии АССР. Сер.: Филологическая. Саранск, 1962. Вып. 23. С. 177–196.
 22. Черняк В. Д. Каузативные глаголы и их лексико-системные связи (на материале брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1989. С. 24–35.
 23. Ahlgvist A. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p.
 24. Gabelentz H. C. Versuch einer Mordwinischen Grammatik // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1893. Bd. 2. S. 235–284; 383–418.
 25. Maslova A. Y., Mochalova T. I. Peculiarities of expression of the gender aspect in the Russian dialects of the Republic of Mordovia // The Social Sciences. 2015. Vol. 10, issue 8. P. 2188–2193. DOI: 10.36478/sscienc.2015.2188.2193.

Поступила 10.07.2023; одобрена 20.07.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

В. П. Гришунина – кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, grishunina.64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1784-1757>

Н. И. Ершова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, tascha80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9092-0243>

Functioning of the Russian borrowings in the vocabulary of Moksha subdialects

Valentina P. Grishunina

Natalia I. Yershova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The article analyzes the borrowed vocabulary from the Russian language in the dialects of the modern Republic of Mordovia and beyond. The subject of the analysis is the quantitative composition and dimorphism of the Russian borrowings in the subdialects of the Moksha language.

Materials and Methods. The authors used various research methods, with the main one being descriptive. Additionally, the elements of the distributional and component analysis methods were applied. The linguistic material consisted of the Russian borrowings extracted from the authors' field observations, the Moksha-Russian dictionary, and the Mordovian dictionary by H. Paasonen.

Results and Discussion. The structural and semantic features of the Russian borrowings in the subdialects of the Moksha language functioning on the territory of Mordovia and beyond are identified and analyzed. During the research, the reasons were identified, and the main ways of semantic development of individual meanings of words (narrowing and widening) were considered. The scientific novelty of the work lies in the fact that, for the first time, a lexical-semantic analysis of about 100 lexical units functioning in the Moksha dialects' speech has been conducted. The systematization of the analyzed language units, belonging to various lexical-semantic groups, allowed documenting previously undescribed linguistic phenomena associated with the expressive capabilities of the Moksha dialectal lexicon.

Conclusion. The research has practical significance, and its results can be used in the development of educational and methodological materials on Moksha dialectology, University teaching practices for courses such as "Moksha Dialectology", "Russian Dialectology", and related special courses designed for students majoring in humanities.

Keywords: vocabulary, language, synonymy, semantics, subdialects, borrowing, dimorphism

For citation: Grishunina VP, Yershova NI. Functioning of the Russian borrowings in the vocabulary of Moksha subdialects. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15:4:392–400. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.392-400.

REFERENCES

- Agafonova NA, Ryabov IN. Morphological marking of the accusative in grammatical forms of a noun and pronouns in the Erzya dialect area. *Vestnik ugrovedenia* = Bulletin of Ugric Studies. 2022;12;2:207–216. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-207-216.
- Agafonova NA, Ryabov IN. The structure of word forms of future tense verbs of object conjugation in the Erzya dialects of the Zavolzhye and Southern Urals. *Vestnik ugrovedenia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;3:407–417. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417.
- Agafonova NA, Ryabov IN. Peculiarities of possessive markers in the Erzya dialects of the Ulyanovsk region of Novomalaklinsky district. *Multilingual Facilitation*. Helsinki; 2021:263–274. (In Erz.)
- Agafonova NA, Rjabov IN. D. V. Cygankin 95. *Linguistica Uralica*. 2021;1:63–65. (In Russ.)
- Anan'ina KI. Lexical features in dialects of the Moksha language. *Voprosy leksikologii finno-ugorskikh iazykov: mezhvuz. sb. nauch. tr.* *Mordov. gos. un-ta im. N. P. Ogareva* = Questions of lexicology of Finno-Ugric languages. Interuniversity collection of scientific works of Ogarev Mordovia State University. Saransk; 1989:137–145. (In Russ.)
- Barannikova LI. On dialect synonymy. *Voprosy stilistiki* = Stylistic issues. Saratov; 1962;1:101–121. (In Russ.)
- Grishunina VP, Yershova NI. Structural-semantic features of buildings names and their parts in the subdialects of the Republic of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;4:368–378. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.368-378.
- Grishunina VP, Yershova NI. Phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:224–232. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
- Kabaeva NF. Phonetic adaptation of borrowings in the Moksha language. *Vzaimodeistvie i vzaimovlianie iazykov i literatur narodov Povolzh'ia i Priural'ia: materialy Mezhhregional'nykh nauchnykh konferentsii*. Saransk; 2019:13–14. (In Russ.)

- nauch. konf.* = Interaction and mutual influence of languages and literatures of the peoples of the Volga and Urals regions. Materials of the Interregional scientific conference. Saransk; 2006:136–139. (In Russ.)
10. Kogotkova TS. On the doublet-synonymic relationship in the lexicon of modern vocabulary. *Slovo v russkih narodnyh govorah: sb. st.* = The word in Russian folk dictionaries. Collection of articles. Leningrad; 1968:37–52. (In Russ.)
 11. Koliadenkov MN. On borrowings in the Mordovian languages. *Zapiski MNIIalIE* = Notes of the Mordovian Research Institute of Literature, Language, History and Economics. Saransk; 1946;5:68–75. (In Russ.)
 12. Levina MZ. Geolinguistic data in the description of the grammatical category of nominal number (based on Moksha dialects). *Linguistica Uralica*. 2021;57:2:102–112. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2021.2.02.
 13. Levina MZ. The enrichment of the morphological system of the Moksha language under the influence of Russian. *Vzaimodeistvie i vzaimovliyanie iazykov i literatur narodov Povolzh'ia i Priural'ia: materialy Mezhhregion. nauch. konf.* = Interaction and mutual influence of languages and literatures of the peoples of the Volga and Urals regions. Materials of the Interregional scientific conference. Saransk; 2006:185–189. (In Russ.)
 14. Levina MZ. Electronic language corpus as a factor of preservation of Mordovian (Moksha and Erzya) languages. *LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Problemy lingvisticheskoi tipologii i kul'turologii: sb. nauch. st. po materialam II Mezhdunar. simp.* = LINGUISTIC TYPOL-OGY 2: Problems of linguistic typology and cultural studies. Collection of scientific articles based on the materials of the II International symposium. Izhevsk; 2021:145–151. (In Russ.)
 15. Lipatov SI, Matiushkin PG. Mastering Russian borrowings in the Moksha-Mordovian language in bilingual conditions. *Problemy mordovsko-russkogo bilingvizma. Voprosy mordovskogo iazykoznanija* = Problems of Mordovian-Russian bilingualism. Questions of Mordovian linguistics. Saransk; 1985;81:110–118. (In Russ.)
 16. Mosin MV. Mordovian languages: present and future. Collection of articles and reports. Saransk; 2010. (In Russ.)
 17. Semenkova RV. Lexical dialectisms-nouns in Russian dialects of Mordovia. *Aktual'nye problemy prepodavaniia filologicheskikh distsiplin: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Current problems in teaching philological disciplines. Materials of the International scientific and practical conference. Saransk; 2001:249–253. (In Russ.)
 18. Feoktistov AP. Moksha language. *Iazyki mira: Ural'skie iazyki* = Languages of the world: Uralic languages. Moscow; 1993:178–189. (In Russ.)
 19. Tsygankin DV. Lexical features of Erzya dialects. *Mordovskie iazyki glazami uchenogolinguista* = Mordovian languages through the eyes of a linguist. Saransk; 2000:80–86. (In Russ.)
 20. Tsygankin DV. Russian-Mordovian interlingual contacts (at the lexical level). *Problemy mezh'iazykovogo kontaktirovaniia* = Problems of interlingual contact. Saransk; 1981;61:3–18. (In Russ.)
 21. Tsygankin DV. Phonetic and grammatical acquisition of words borrowed from and through the Russian language. *Trudy NII iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Mordovskoi ASSR. Ser.: Filologicheskaiia* = Proceedings of the Research Institute of Language, Literature, History and Economics under the Council of Ministers of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic. Series: Philological. Saransk; 1962;23:177–196. (In Russ.)
 22. Cherniak VD. Causative verbs and their lexical-systemic connections (based on the material of Bryansk dialects). *Dialektnoe slovo v leksiko-sistemnom aspekte: mezhvuz. sb. nauch. tr.* = Dialect word in the lexical-system aspect. Interuniversity collection of scientific papers. Leningrad; 1989:24–35. (In Russ.)
 23. Ahlgvist A. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik. Saint-Petersburg; 1861.
 24. Gabelentz HC. Versuch einer Mordwinischen Grammatik. *Zeitschrift für die Kundes des Morgenlandes*. Göttingen; 1893;2:235–284;383–418.
 25. Maslova AY, Mochalova TI. Peculiarities of expression of the gender aspect in the Russian dialects of the Republic of Mordovia. *The Social Sciences*. 2015;10;8:2188–2193. DOI: 10.36478/sscienc.2015.2188.2193.

Submitted 10.07.2023; reviewing 20.07.2023; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

V. P. Grishunina – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, grishunina.64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1784-1757>

N. I. Yershova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Russian Language, National Research Mordovia State University, tascha80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9092-0243>

Сомат *лепä* ‘нос’ в карельских фразеологизмах

Анастасия Алексеевна Конгоева

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия

Введение. В статье представлены результаты анализа карельских фразеологизмов, содержащих компонент-соматизм *лепä* ‘нос’. Предлагается классификация идентифицированных фразеологических единиц в соответствии с их семантическими особенностями.

Материалы и методы. В основу исследования легли материалы фразеологического и диалектных словарей карельского языка. В работе применены принципы сравнительно-сопоставительного метода.

Результаты исследования и их обсуждение. В данной статье автор уделяет внимание одной из малоисследованных групп фразеологизмов, а именно представленной в идиомах соматической лексике. Рассматривается семантика фразеологизмов, содержащих в качестве основного компонента сенсонимическое наименование *лепä*. В карельском языке лексема *лепä* полисемантична, но в контексте идиом она встречается исключительно в значении ‘нос’. При определении содержательной стороны собранного языкового материала удалось выделить 21 тематическую группу, включающую 63 фразеологические единицы.

Заключение. В статье впервые представлена классификация фразеологизмов, извлеченных методом сплошной выборки из фразеологического и диалектных словарей карельского языка. В поле зрения исследователя попали устойчивые сочетания, содержащие сенсонимическую лексику, а именно фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *лепä*. Выявленное многообразие указывает на яркую образность, несложность грамматического и стилистического оформления, народность и актуальность содержания карельских фразеологизмов.

Ключевые слова: карельский язык, фразеологические единицы, семантика, языковая картина мира, сомат *лепä*

Для цитирования: Конгоева А. А. Сомат *лепä* ‘нос’ в карельских фразеологизмах // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 401–407. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.401-407.

Введение

Фразеологизмы по сравнению с другими единицами языка содержат наиболее полные сведения о культуре народа, а также о национальной специфике и самобытности языка. Во фразеологии отражены богатый опыт этноса, его представления о быте, труде и культуре. Отдельную группу среди фразеологизмов составляют фразеологизмы-соматизмы.

Многие исследователи считают, что соматические фразеологические единицы принадлежат к одному из древнейших пластов лексики (см., например: [2; 3]).

В финно-угроведении понятие «соматический» было введено языковедом Ф. Вакком, который использовал его по отношению к фразеологизмам эстонского языка, имеющим в составе названия частей человеческого тела. Исследователь пришел к выводу, что соматические фразеологи-

ческие единицы составляют наибольшую часть фразеологического состава эстонского языка [2, 153].

Под фразеологическими единицами с компонентами-соматизмами подразумеваются фразеологизмы, зависимыми компонентами которых являются лексемы, обозначающие части тела. Ученые выделяют шесть групп соматической лексики: ангионимическая (кровеносная система); остеонимическая (кости тела); обозначающая болезни; сенсонимическая (органы чувств); союзническая (части и области человеческого тела); спланхнологическая (внутренние органы) [6, 72].

В данной статье рассматриваются устойчивые сочетания, содержащие сенсонимическую лексику, а именно фразеологические единицы с компонен-

том-соматизмом *nepä*. Научная новизна работы обусловлена малоизученностью устойчивых выражений на материале карельского языка. Исследование является актуальным, так как в настоящее время ученые уделяют пристальное внимание различным аспектам грамматики и лексики карельского языка. Теоретическая значимость определяется возможностью расширить знания о лексическом составе карельского языка. Практическая значимость проведенного исследования заключается в применении его результатов в лекционно-практических курсах по карельскому языку (диалектология, лексикология, развитие устной речи).

Обзор литературы

Исследованием фразеологических единиц на карельском материале занималась Виено Петровна Федотова (см., например: [12]). В 1977 г. в университете г. Тарту (Эстония) В. П. Федотова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Фразеологические единицы в карельском языке»¹. В 1985 г. на основе диссертации ею была подготовлена монография «Фразеологизмы в карельском языке» [13], которая получила высокую оценку у языковедов. Среди достоинств монографии отмечалось, в частности, то, что в ней впервые представлен анализ фразеологической системы карельского языка посредством метода синхронного описания [1, 316]; на внушительном объеме фактического материала дано системное описание семантической и синтаксической структур карелоязычных фразеологизмов [4, 168].

К вопросу функционирования фразеологизмов с компонентами-соматизмами,

¹ См.: Федотова В. П. Фразеологические единицы в карельском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1977.

² См.: Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990; Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994; Словарь собственно-карельских говоров Карелии / сост.: В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск, 2009; Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000; Karjalan kielen sanakirja / päätoim. P. Virtaranta. Helsinki, 1983. Osa 3; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.

³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 225; Словарь карельского языка (тверские говоры). С. 176; Словарь собственно-карельских говоров Карелии. С. 380.

⁴ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 225; Словарь собственно-карельских говоров Карелии. С. 380.

⁵ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 225.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Karjalan kielen sanakirja. S. 473.

обозначающими в числе прочего и органы чувств, исследователи обращались неоднократно на материале разных языков (см., например: [3; 5; 7–11]).

Материалы и методы

Источниковой базой и материалом для данного исследования стали фразеологический и диалектные словари карельского языка². Фразеологический словарь карельского языка, составленный В. П. Федотовой, включает более 4 000 примеров идиом на ливвиковском, собственно карельском и людиковском наречиях карельского языка, что свидетельствует об удивительном богатстве и разнообразии карельской фразеологии.

Исследование выполнено с применением сравнительно-сопоставительного и семантико-типологического методов.

Результаты исследования и их обсуждение

В карельском языке лексема *nepä* является полисемантичной и зафиксирована в следующих значениях: 1) (ливв., ск., твр.) ‘нос (часть лица, морды)’³; 2) (ливв., ск.) ‘нос, передняя часть (лодки и т. д.)’⁴; 3) (ливв.) в диминутивной форме *nepäine* ‘носик (у посуды)’⁵; 4) (ливв.) ‘носок (обуви, чулка и т. д.)’⁶; 5) (ливв.) ‘конец, оконечность, нос (например, *nietep nepä* ‘оконечность мыса’)’⁷; 6) (ливв., ск., люд.) (мифол.) ‘некая болезнь, приставшая от леса, ветра, воды и др.’⁸.

В указанных выше источниках нами были зафиксированы 63 фразеологизма с лексемой *nepä* ‘нос’, которые были разделены на 21 группу в соответствии с их семантическими особенностями.

1. Близость нахождения:

(ск.) *[Il'l'an päivä] on n'en'ässä* ‘[Ильин день] скоро наступит (букв.: [Ильин день] на носу)⁹;

(ливв.) *nenän iez on* ‘перед глазами находится (букв.: перед носом имеется)¹⁰.

2. Быстрота действия:

(ск.) *nenä tuata piirtää* ‘очертя голову (букв.: нос землю очерчивает)¹¹.

3. Внешний вид:

(ск.) *n'en'ä polveh vaštauduu* ‘скрючится (букв.: нос с коленями встретится)¹².

4. Высокомерие, гордыня:

(ск.) *nenä kiändiä* ‘воротить нос’; *nenä on nošsin* ‘возгордился, поднял нос (букв.: нос поднялся)’; *nenä pissysshä* ‘задрать нос (букв.: нос кверху)’; *nenäšulat pissysshä* ‘чваниться (букв.: перья на носу кверху)’; *nošsellä nenäšulkie* ‘чваниться (букв.: поднимать перья на носу)’; *[kävelöy] nenä ylähänä* ‘заносится (букв.: ходит, нос кверху)’; *nošsellä neneyä* ‘кичиться, задирать нос (букв.: поднимать нос)¹³;

(ливв.) *nenä pystys* ‘задрать нос (букв.: нос кверху)’; *nenäšulgii nosteloo* ‘чваниться (букв.: поднимать перья на носу)’; *nenä yleni* ‘он поднял нос (букв.: нос поднялся)’; *nenä ylähän on* ‘поднять нос (букв.: нос кверху)¹⁴.

5. Желание:

(ливв.) *nenä n'evvou da kärzy käsköy* ‘очень хочется (букв.: нос советует и рыло велит)¹⁵.

6. Конфиденциальный разговор:

(ливв.) *nenäz da nenäh pagizoo* ‘секретничает (букв.: из носа в нос говорит)¹⁶.

7. Наказание:

(ливв.) *nenä tyjutetah* ‘зададут трепку, нос расквасят (букв.: нос раскрасят)¹⁷.

8. Недовольство:

(ск.) *nenä on toisse päin kiäntyn* ‘недоволен (букв.: нос в другую сторону повернулся)’; *nenä viärälläh mäni* ‘недоволен (букв.: нос искривился)¹⁸’;

(ливв.) *nenä on veäräs* ‘недоволен (букв.: нос кривой)’; *veäristelöö neneä* ‘воротит нос¹⁹.

9. Нездоровый интерес, любопытство:

(ливв.) *sydie neniaä* ‘совать нос²⁰; *syväitä nenä* ‘совать нос²¹; *nenän čökkiät* ‘нос сунешь’; *ehtiit nenän kele* ‘вмешиваешься (букв.: успеваешь с носом)’; *olla nenäker* ‘соваться, вмешиваться (букв.: быть с носом)²².

10. Неопытность в делах:

(ск.) *nenyüä ryuhkie ei [malta]* ‘неумеха (букв.: нос вытереть [не умеет])²³.

11. Неудача, досада, уныние:

(ливв.) *jäi nenän kele* ‘осталась с носом²⁴.

12. Обида:

(ливв.) *nenä on jungalleh* ‘надулся (букв.: нос в сторону)’; *nenä on kičkalleh* ‘надулся (букв.: нос в сторону)’; *noštua nenä* ‘обижаться, дуться (букв.: поднять нос)²⁵; *nenän [kiekahutii] yläh päi* ‘он обиделся (букв.: нос вздёрнул вверх)²⁶.

13. Осаждивание, усмирение:

(ск.) *nenäšulat lankesi* ‘спесь пропала (букв.: перья на носу упали)’; *on nenäšulat šorruutti* ‘опустил крылья (букв.: перья на носу опустились)’; *on nenäšulat šulettu*

⁹ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. С. 138.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 137.

¹² Словарь собственно-карельских говоров Карелии. С. 380.

¹³ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. С. 137.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Словарь карельского языка (ливвицкий диалект). С. 226.

²¹ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. С. 137.

²² Там же. С. 138.

²³ Там же. С. 137.

²⁴ Там же. С. 138.

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Там же. С. 138.

‘он опустил крылья (букв.: перья на носу растаяли)’²⁷;

(ливв.) *nenašullad langettih* ‘спесь пропала (букв.: перья на носу упали)’²⁸.

14. П послушание:

(ливв.) *[hänien] nenä pidäy noudoa* ‘[к нему] надо прислушиваться (букв.: надо [к его] носу принюхиваться)’²⁹.

15. Привередливость:

(ливв.) *nenä suuri* ‘привередливый (букв.: нос большой)’³⁰.

16. Рассерженность, злость:

(ск.) *nenä pol'calla* ‘сердится (букв.: нос на полке)’³¹;

(ливв.) *pitky nenä on* ‘злопамятный (букв.: длинный нос)’³²; *nenä pualicál* ‘сердится (букв.: нос на полке)’³³; *nenän ker kävelöö* ‘сердится (букв.: с носом ходит)’; *nenän nostau* ‘дуется (букв.: нос поднимает)’; *nenän vallaz [meni]* ‘сердитый (букв.: во власти носа [ушёл])’; *nenän veäldi* ‘наступил он (букв.: носом дернул)’³⁴.

17. Самостоятельность:

(ливв.) *nikenen nenän ies en vuottanuh abuu* ‘я был самостоятельным (букв.: ни от чьего носа не ждал я помощи)’³⁵.

18. Своенравность:

(ск.) *omalla nenällä on luatin* ‘сделает по-своему (букв.: по своему носу сделает возвыт)’³⁶;

(ливв.) *nenä vallan otti* ‘он сделал по-своему (букв.: нос волю взял)’; *omaa nenää myö* ‘по-своему (букв.: по своему носу)’; *roadaa omal nenäl* ‘своевольничать (букв.: сделать по своему носу)’; *[kävällä] omal nenäl* ‘своевольничать (букв.: [ходит] со

своим носом)’³⁷; *on nenäz loukkostu kaks* ‘своенравный (букв.: в носу имеются две дырочки)’³⁸; *kel nenä noves, sei seppy* ‘каждый неумеха считает себя мастером (букв.: у кого нос в саже, тот и кузнец)’³⁹.

19. Уживчивость/неуживчивость:

(ливв.) *nenä suuri* ‘неуживчивый (букв.: нос большой)’; *ei ole nenän javol jeännynh* ‘неуживчивый (букв.: при дележе носов не опоздал)’; *nenän javol on d'iännynh* ‘уживчивый (букв.: при дележе носов запоздал)’; *on käyppnyh lopul n'edälie nenän javol* ‘уживчивый (букв.: ходил в конце недели на делёж носов)’⁴⁰.

20. Упрямство:

(ск.) *omalla nenällä ottai* ‘добьется своего (букв.: своим носом возвыт)’⁴¹;

(ливв.) *hoz nenä suuri ei olle, ga nenän sija on* ‘упрямый (букв.: хоть нос и небольшой, да место для носа есть)’⁴².

21. Физиологическое состояние (смерть, болезнь и др.):

(ск.) *ku nenä lageh koskenoo* ‘когда умрёт (букв.: когда нос в крышу упрётся)’⁴³;

(ливв.) *on nenä laudah kohti* ‘умрёт (букв.: нос к / по направлению к доске)’⁴⁴; *olla surman nenäz* ‘находиться при смерти (букв.: на носу у смерти)’⁴⁵.

Заключение

Таким образом, в данной научной статье впервые представлена классификация фразеологизмов, извлеченных методом сплошной выборки из фразеологического и диалектных словарей карельского языка. Объектом исследования стали устойчивые

²⁷ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. С. 137.

²⁸ Там же.

²⁹ Karjalan kielen sanakirja. S. 473.

³⁰ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. С. 137.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 166.

³³ Там же. С. 137.

³⁴ Там же. С. 138.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 137.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 138.

³⁹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 230.

⁴⁰ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. С. 138.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 137.

⁴³ Там же. С. 137.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 138.

сочетания, содержащие сенсонимическую лексику, а именно 63 фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *nepä*. В карельском языке именование *nepä* полисемантично, но в контексте идиом оно встречается исключительно в значении ‘нос’. При определении содержательной стороны собранного языкового материала удалось выделить 21 тематическую группу со значением: близость нахождения; быстрота действия; внешний вид; высокомерие, гордыня; желание; конфиденциальный разговор; наказание; недовольство; нездоровный интерес, любопытство; неопытность в делах; неудача, досада, уныние; обида; осаживание, усмирение; послу-

жение; привередливость; рассерженность, злость; самостоятельность; своенравность; уживчивость/неуживчивость; упрямство; физиологическое состояние (смерть, болезнь и др.). Выявленное многообразие указывает на яркую образность, несложность грамматического и стилистического оформления, народность и актуальность содержания карельских фразеологизмов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>ливв.</i> –	ливвиковское наречие карельского языка
<i>ск.</i> –	собственно карельское наречие карельского языка
<i>твер.</i> –	тверской диалект карельского языка
<i>люд.</i> –	людиковское наречие карельского языка
<i>мифол.</i> –	мифология

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойко Т. П. Красную речь красиво и слушать. Памяти В. П. Федотовой (28.06.1934 – 31.12.2021) // *Linguistica Uralica*. 2022. Т. 58, № 4. С. 315–317.
- Вакк Ф. О соматической фразеологии эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Баку, 1968. С. 152–155.
- Долгополов Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков). Казань, 1973. 263 с.
- Иванова Л. И. В. П. Федотова – собиратель и исследователь карельской фразеологии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3. С. 165–168.
- Кравченко О. Н., Субботина И. М. Соматизм «сердце» в составе фразеологических единиц с позиции антропоцентрического подхода (на материале английского и русского языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 20, вып. 23. С. 74–78.
- Лиджиева А. С., Сусеева Д. А. Функционирование соматических фразеологизмов в русском языке // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 4. С. 71–74.
- Махиева Л. Х. Соматическая лексика (на материале словарей карачаево-балкарского языка) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6. С. 312–317. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-312-317.
- Мельникова А. Н. Фразеологизмы с компонентом, обозначающим органы чувств // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 23. С. 187–190.
- Салимзанова Д. А., Гильфанова Г. Т., Любова Т. В., Хузин И. Р. Перевод фразеологизмов с компонентом соматической лексики // Глобальный научный потенциал. 2020. № 1. С. 119–122.
- Сапукова Г. К. Соматические фразеологизмы, характеризующие человека, в кумыкском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1. С. 352–355.
- Сюеин Ч. Исследование семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами // Филология и человек. 2013. № 4. С. 1–5.
- Федотова В. П. Некоторые вопросы функционирования фразеологических единиц в карельском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. Вып. 6. С. 17–21.
- Федотова В. П. Фразеологизмы в карельском языке. Петрозаводск: КФАН СССР, 1985. 142 с.

Поступила 23.04.2023; одобрена 15.05.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Конгоева – кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, anastasia20085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5113-5552>

Somat *nenä* ‘nose’ in Karelian phraseological units

Anastasia A. Kongoeva

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Introduction. The article presents the results of the analysis of phraseological units containing a component *nенä* ‘nose’. It proposes the classification of identified phraseological units in accordance with their semantic features.

Materials and Methods. The research is based on the materials of phraseological and dialect dictionaries of the Karelian language. The principles of the comparative method are applied in the work.

Results and Discussion. In this study, the author pays attention to one of the little-studied groups of phraseological units, namely somatic vocabulary. It considers the semantics of phraseological units containing sensonymic name *nенä* ‘nose’. In the Karelian language, the lexeme *nенä* is polysemantic, but in the context of idioms, it occurs exclusively in the meaning ‘nose’. When determining the substantive aspect of the collected linguistic material, it was possible to identify 21 thematic groups, including 63 phraseological units.

Conclusion. The article presents, for the first time, a classification of phraseological units extracted through a systematic sampling method from phraseological and dialect dictionaries of the Karelian language. The researcher focused on fixed combinations containing semantically related lexemes, specifically phraseological units with the somatic component *nенä*. The diversity identified indicates vivid imagery, simplicity in grammatical and stylistic presentation, folk origin, and the relevance of the content of Karelian phraseological units.

Keywords: Karelian language, phraseological units, semantics, linguistic picture of the world, somat *nенä*

For citation: Kongoeva AA. Somat *nенä* ‘nose’ in Karelian phraseological units. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15:4:401–407. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.401-407.

REFERENCES

1. Boiko TP. Beautiful speech is good to listen to. In memory of V. P. Fedotova (06.28.1934 – 12.31.2021). *Linguistica Uralica*. 2022;58;4:315–317. (In Russ.)
2. Vakk F. About the somatic phraseology of the Estonian language. *Voprosy frazeologii i sostavleniya frazeologicheskikh slovarei* = Questions of phraseology and compilation of phraseological dictionaries. Baku; 1968:152–155. (In Russ.)
3. Dolgopolov IuA. Comparative analysis of somatic phraseology (based on the material of Russian, English, German). Kazan; 1973. (In Russ.)
4. Ivanova LI. V. P. Fedotova – collector and researcher of Karelian phraseology. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science. 2014;3:165–168. (In Russ.)
5. Kravchenko ON, Subbotina IM. Somatism “heart” as the component of the phraseological units singled out anthropologically. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Belgorod State University Sci- entific bulletin. Humanities. 2014;20;23:74–78. (In Russ.)
6. Lidzhieva AS, Suseeva DA. Functioning of somatic phraseological units in Russian. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* = Bulletin of Kalmyk university. 2012; 4(16):71–74. (In Russ.)
7. Makhieva LKh. Somatic vocabulary (on the material of dictionaries of the Karachay-Balkar language). *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* = News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2020;6:312–317. (In Russ.). DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-312-317.
8. Mel'nikova AN. Phraseologisms with a component denoting sensory organs. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo* = Culture. Spirituality. Society. 2016;23:187–190. (In Russ.)
9. Salimzanova DA, Gil'fanova GT, Liubova TV, Khuzin IR. Translation of phraseological units with a somatic vocabulary component. *Global'nyi nauchnyi potentsial* = Global scientific potential. 2020;1:119–122. (In Russ.)

10. Sapukova GK. Somatic phraseologisms expressing human character in Kumyk language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* = The world of science, culture and education. 2020;1:352–355. (In Russ.)
11. Sivein Ch. The study of semantic features of phraseological units with somatic components. *Filologija i chelovek* = Philology and Man. 2013;4:1–5. (In Russ.)
12. Fedotova VP. Some questions of the functioning of phraseological units in the Karelian language. *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie. Voprosy leksikologii i leksikografii* = Baltic-Finnish linguistics. Issues of lexicology and lexicography. Leningrad; 1981;6:17–21. (In Russ.)
13. Fedotova VP. Phraseological units in the Karelian language. Petrozavodsk; 1985. (In Russ.)

Submitted 23.04.2023; reviewing 15.05.2023; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Kongoeva – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, anastasia20085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5113-5552>

Особенности функционирования I инфинитива в вепсском языке на основе материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков

Мария Владимировна Кошелева

Петрозаводский государственный университет,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия

Введение. Одной из весомых причин повышенного внимания к исследованию вепсского языка является относительно молодая система вепской письменности, становление которой происходит в последние десятилетия. Разработка правил ставит перед исследователями задачу анализа ряда грамматических категорий, среди которых и рассматриваемая в статье форма I инфинитива.

Материалы и методы. В статье предпринята попытка проанализировать случаи использования I инфинитива на основе диалектных материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков: выявить статистику употребления данных форм в предложении, обозначить закономерности их функционирования в синтаксических конструкциях, выявить разницу или ее отсутствие в употреблении именных форм глагола в разных диалектах вепсского языка.

Результаты исследования и их обсуждение. Форма I инфинитива является самой распространенной и востребованной инфинитивной формой в вепсском языке, поэтому она представлена в большом количестве текстов, имеющихся в Открытом корпусе вепсского и карельского языков. Анализ показал, что частотность ее употребления во всех диалектах вепсского языка примерно одинакова. I инфинитив выполняет в предложении роли субъекта, объекта, адвербала и адъектива, а также выступает в качестве предикатива в составе колоративной конструкции. В зависимости от синтаксической функции инфинитива в составе инфинитивной конструкции выделяются несколько основных групп.

Заключение. Открытый корпус вепсского и карельского языков представляет собой богатый источник вепсского языкового материала. В нем присутствует значительная диалектная база, которая, несмотря на необходимость ее постоянного пополнения, является ценной и репрезентативной для исследователя и позволяет описать картину использования I инфинитива в вепсском языке с точки зрения его синтаксической роли.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, вепсский язык, I инфинитив, синтаксические функции инфинитивов

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Для цитирования: Кошелева М. В. Особенности функционирования I инфинитива в вепсском языке на основе материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 408–420. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.408-420.

Введение

Вепсский язык, будучи языком коренного малочисленного народа Российской Федерации, требует особого внимания в плане его сохранения, популяризации, а также изучения различных грамматических категорий, в том числе инфинитивов. Инфинитивы выступают важной грамматической категорией с точки зрения морфологии и синтаксиса, а также семантики,

которая позволяет выявить особенности языковой картины мира народа.

Еще в прошлом столетии возможность сбора и анализа вепсского диалектного материала ограничивалась полевыми исследованиями. Их результаты отражались в картотеках и фонограммах, доступ к которым был довольно ограничен, а также в опубликованных образцах

вепской речи, собранных российскими и финскими исследователями¹ [11; 14; 16]. Так называемые образцы речи становятся все более востребованными в изучении не только языков коренных народов, но и фольклора и этнографии. Образцы речи в различных их видах являются источником уникальных сведений в этих сферах [4].

Набор традиционных методов анализа и получения языковых данных, к которым относятся сбор лингвистического материала, его запись, расшифровка и т. д., дополняется в наше время корпусным методом, т. е. созданием лингвистических корпусов. Различные фундаментальные проблемы в науке о языке с недавнего времени обсуждаются с привлечением такого эффективного и полезного инструмента, как корпус языка [6, 6]. Кроме того, с помощью этого инструмента повышается скорость обработки языковых данных, что позволяет исследователям делать выбор в пользу языковых корпусов. Быстрый доступ к языковым материалам, выявление определенных грамматических категорий, классификация текстов по диалектам – всё это предоставляет большие возможности для оптимального поиска необходимых данных.

Открытый корпус карельского и вепсского языков² (далее – Корпус) ведет свою историю с 2009 г., когда доктор филологических наук Н. Г. Зайцева начала работу над Корпусом вепсского языка. В связи с тем что задачи по сохранению и популяризации карельского и вепсского языков идентичны, в 2016 г. сотрудники Карельского научного центра РАН приступили к созданию на базе вепсского многоязычного корпуса. Так Открытый корпус вепсского и карельского языков стал продолжением Корпуса вепсского языка. Данные электронные ресурсы включают как образцы вепсской и карельской диалектной речи, так и младописьменные тексты разного содержания: этнографического, фольклорного, литературно-художественного, переводного [3, 378].

Открытый корпус вепсского и карельского языков является многоязычным полнотекстовым лингвистическим корпусом и содержит морфологическую, семантическую и метатекстовую разметку³. Он состоит из подкорпусов, выделение которых базируется на двух параметрах, а именно: языковой и стилистической принадлежности текста [1, 101]. Развитая система поиска текстов с фильтрацией по языковой принадлежности, информанту, месту сбора и году записи позволяет исследователю более качественно систематизировать изучаемый материал.

Корпус делится на языки и наречия, в нем в достаточном объеме представлены все диалекты вепсского языка. Собственно диалектные тексты составляют основу Корпуса. Их источником послужили экспедиционные записи исследователей-вепсологов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН), хранящиеся в Фонограммархиве Института. Все диалектные тексты, представленные в Корпусе, характеризуются ограниченным по времени записи периодом: самые старые отмечены 1918 г., но основной их массив приходится на 1960-е гг. Это обусловлено тем, что в 1969 г. вышел сборник диалектных текстов «Образцы вепсской речи»⁴, материалы из которого опубликованы в Корпусе. В Корпус регулярно вносятся новые тексты различных жанров и диалектов, однако в силу ограниченных исполнительских ресурсов на сегодняшний день в нем представлена лишь часть неопубликованных материалов, хранящихся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. Например, отсутствуют, в связи с определенными административными сложностями, тексты из образцов вепсской речи иностранных исследователей. Несмотря на это, диалектные вепсские материалы Корпуса являются репрезентативными и помогают выполнить поставленные перед автором задачи.

¹ См.: Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

² См.: Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар). 2009–2022. URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/tu> (дата обращения: 10.07.2023).

³ См.: Крижановская Н. Б., Новак И. П., Пеллинен Н. А. ВепКар: руководство для пользователей. Изд. 1. Декабрь 2022. URL: http://dictorus.krc.karelia.ru/docs/vepkar_manual_2022-12.pdf (дата обращения: 05.06.2023).

⁴ См.: Зайцева М. И., Муллонен М. И. Указ. соч.

На момент настоящего исследования в Корпусе насчитывалось 340 диалектных текстов на вепсском языке, среди которых 44 северновепсских (Залесье – 7, Каскес-ручей – 6, Рыбрека – 1, Шелтозеро и входящие в него деревни – 12, Гимрека – 3, Шокша – 6), 57 южновепсских (Белое Озеро – 6, Боброзеро – 1, Керчаково – 1, Кортлахта – 3, Прокушево – 4, Радогощь – 2, Сидорово – 37, Федорова Гора – 4), 117 средневепсских восточных (Вахтозеро (Бабаевский район, Vahtkär) – 4, Войлахта – 8, Кривозеро – 5, Куя – 13, Ошта – 5, Пондала – 62, Пляжозеро – 2, Сяргозеро – 1, Торосозеро – 1, Шатозеро – 2, Шимозеро – 14), 122 средневепсских западных (Каргиничи – 5, Кекозеро – 4, Курба – 1, Ладва – 46, Немжа – 3, Ниргиничи – 1, Озёра – 36, Пелдуши – 18, Подовинники – 1, Сарозеро – 1, Чикозеро – 1, Ярославичи – 2).

Все диалектные тексты делятся на две основные категории: фольклор (сказки, причитания, заговоры, песенки, частушки) и бытовые рассказы. Это позволяет проследить влияние жанра на употребление и синтаксическую функцию I инфинитива. Северновепсские диалектные тексты представлены вепсскими причитаниями, опубликованными в работе “Käte-ske käbedaks kägoihudeks” («Обернись-ка милой кукушечкой»)⁵ и записанными Р. П. Лониным, сказками, опубликованными в сборнике «Вепсские народные сказки»⁶, бытовыми рассказами из этнографического фильма Л. В. Чирковой «В чистой воде рыба клюет» (2014) и расшифрованными записями из Фонограмм архива ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Основной массив южновепсских текстов состоит из записей, опубликованных в Образцах вепсской речи, сборниках вепсских причитаний и сказок, а также из полевых записей О. Ю. Жуковой.

В основе записей средневепсских восточного и западного диалектов также лежат опубликованные в Образцах вепсской

речи тексты, вепсские причитания, записи из Фонограмм архива ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также расшифровка личных записей исследователей.

Статистика показывает, что северно- и южновепсских текстов в корпусе меньше, чем средневепсских. Это вызвано несколькими факторами: в опубликованных отечественных Образцах вепсской речи нет северновепсских текстов, а южновепсский диалект представлен не так активно, в силу того что на момент создания сборника южновепсских записей в Фонограмм архиве ИЯЛИ КарНЦ РАН было немного⁷.

Помимо диалектных текстов, в Корпус внесены тексты, относящиеся к другим подкорпусам, а именно: библейские тексты, право, публицистические тексты, к которым относятся статьи из периодических изданий издательства «Периодика» (вепсскоязычная газета “Kodima” («Родная земля»), альманах “Verez Tullei” («Свежий ветер») и детский журнал “Kipinä” («Искорка»)), фольклорные тексты, в том числе переводы текстов различных фольклорных жанров на вепсский язык, художественные тексты, представленные в основном младописьменным языком, а также субтитры к фильмам и передачам на вепсском языке, подготовленные сотрудниками национальной редакции ГТРК «Карелия». Корпус регулярно пополняется материалами по соглашению с издательствами и авторами текстов. Кроме того, неисчерпаемым ресурсом является Научный архив КарНЦ РАН.

Обзор литературы

В статье предпринята попытка проанализировать случаи использования I инфинитива на основе диалектных материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков. Являясь наиболее употребительной и продуктивной, форма I инфинитива вызывает постоянный исследовательский интерес. Попытки опи-

⁵ См.: Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Käte-ske käbedaks kägoihudeks “Обернись-ка милой кукушечкой”: вепсские причитания. Петрозаводск, 2012.

⁶ См.: Вепсские народные сказки: сб. / сост.: Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996.

⁷ В силу сложившихся исследовательских традиций в южновепсском ареале во второй половине XX в. активную собирательскую работу вели эстонские исследователи.

сать и проанализировать инфинитивные формы в вепсском языке предпринимали российские и зарубежные ученые прошлых лет и современности. Особо стоит отметить труды финского исследователя вепских диалектов Л. Кеттунена, подробно описавшего синтаксические конструкции вепсского языка в соответствии с логико-синтаксическим методом⁸ [10]. Инфинитивные конструкции с точки зрения синтаксиса вепсского языка рассматривает современный финский ученый Р. Грюнталль [9].

Среди отечественных исследований, в которых содержится анализ инфинитивных форм вепсского языка, нужно упомянуть труды Н. Г. Зайцевой, и в первую очередь «Грамматику вепсского языка», где представлена полная грамматическая система вепсского языка от словообразования до синтаксиса⁹. Полипредикативным конструкциям с инфинитивами посвящена работа Г. П. Ивановой [5].

В данной статье форма I инфинитива и ее синтаксические функции рассматриваются на основе материалов Корпуса вепсского и карельского языков. Применение метода корпусной лингвистики на примере Национального корпуса русского языка раскрыто В. А. Плунгионом [6; 7]. Особенности прибалтийско-финской корпусной лингвистики подробно описаны разработчиками и создателями Корпуса [1; 4].

Материалы и методы

В статье предпринимается попытка проанализировать продуктивность употребления инфинитивных форм в диалектах вепсского языка в зависимости от их синтаксической функции. Возможности, заложенные в аналитическом аппарате Корпуса, способствуют ее осуществлению. Для этого используется система лексико-грамматического поиска, доступного в Корпусе. К анализу привлекаются только диалектные тексты Корпуса, среди которых 44 северновепсских, 57 южновепсских, 117 средневепсских восточных и 122 средневепсских западных. Морфологическая разметка, которая указывает

часть речи и морфологические признаки каждой леммы, находящейся в тексте, позволяет исследователю при применении лексико-грамматического поиска ввести необходимые параметры, такие как язык, диалект, часть речи и ее грамматические признаки, и получить необходимый результат, а именно: список текстов и количество запрашиваемых форм, встретившихся в текстах. Таким образом возможно определить количество текстов и инфинитивных форм в них, а также отследить статистику их употребления.

Открытый корпус вепсского и карельского языков представляет собой богатый источник для изучения вепсского языкового материала. В нем присутствует значительная диалектная база, которая, несмотря на необходимость ее постоянного пополнения, является ценной и репрезентативной для исследователя и совместно с ручной обработкой позволяет описать картину использования I инфинитива в вепсском языке с точки зрения его синтаксической роли.

Самым важным фактором при создании языковых корпусов является разметка. Хорошая разметка позволяет быстро и эффективно найти в них те конструкции, которые нужны исследователю [7, 8]. Несмотря на то что более 73 % текстов Корпуса размечены автоматически [1, 110], в процессе работы возникает необходимость прибегнуть к ручной разметке, обусловленная наличием случаев омонимии. Например, результат поиска выдает определенное количество предложений с использованием I инфинитива *sada* ‘получать’; в то же время в выборку попадают предложения, где *sada* является количественным числительным и имеет значение ‘сто’. Сюда же можно отнести случаи омонимии инфинитивов возвратных глаголов и пассивной формы глагола, в частности

⁸ См.: Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943.

⁹ См.: Зайцева Н. Г. Грамматика вепсского языка. Петрозаводск, 2003.

tehtas ‘становиться’ и *tehtas* ‘делают’. Для таких случаев автоматическая система предлагает эксперту несколько значений и набор грамматических признаков, нужный из которых выбирается вручную. В связи с этим во время проведения данного исследования параллельно выполнялась задача по ручному снятию омонимии в Корпусе, что в итоге привело к более точному результату лексико-грамматического поиска.

На основании анализа употребления форм I инфинитива в каждом предложении и подсчета случаев использования инфинитива в той или иной синтаксической роли получена статистика употребления инфинитивов по их синтаксической роли.

Результаты исследования и их обсуждение

Форма I инфинитива является самой распространенной инфинитивной формой в вепсском языке, поэтому она представлена в большом количестве текстов, имеющихся в Корпусе. Благодаря системе лексико-грамматического поиска было выявлено, что форма I инфинитива существует в 88 % северновепсских текстов (39 текстов и 356 инфинитивов), 60 % южновепсских (35 текстов и 147 инфинитивов), 69 % средневепсских восточных (81 текст и 454 инфинитива) и 81 % средневепсских западных (100 текстов и 593 инфинитива).

Статистика свидетельствует о том, что форма I инфинитива востребована в языке и частотность ее употребления во всех диалектах вепсского языка примерно одинакова. В зависимости от синтаксической функции инфинитива в составе инфинитивной конструкции выделяются несколько основных групп. Далее приведены случаи употребления I инфинитива в вепсском языке в связи с его синтаксической ролью.

I инфинитив в роли субъекта

В роли субъекта форма I инфинитива выступает довольно часто в конструкциях в связке с глаголами долженствования *pidab*, *tariž*, *tarbiž* ‘нужно’. Эта группа является самой распространенной.

В представленных текстах встретилось 76 северновепсских форм (21 % от всех инфинитивных форм), 20 южновепсских (13 %), 118 форм в западновепсском говоре (20 %) и 79 в восточновепсском (17 %):

(сев. вепс.) *Keitta pidab*, *kaik sijad pidab tehta* «Варить нужно, всё нужно делать»; *Vaise opeta pidab völ kaks' poigad* «Только выучить нужно ещё двух сыновей»;

(юж. вепс.) *A tä penemb ženihud, tarbiž vou libuda, barbheižil' libuda* «А я меньше жениха, нужно ещё подняться, на цыпочки подняться»; *Hän vou nor', tarbiž ouda kodiš* «Она ещё молодая, нужно быть дома»;

(вост. вепс.) *Ičezo-se kaik gö tariž üižüü statg'au rata* «Своё-то всё нужно уже нынче делать»; *Kinktemba tariž kingitada kolodaha* «Выше нужно прикрепить к колоде»; *Nu neco d'ojočkaine tariž mihelo otta* «Ну эту девочку нужно замуж выдавать»;

(зап. вепс.) *Tuled, ka mitte-ni kül'bet' tariž zavot't'a* «Придёшь, и какую-то баню надо начать»; *Minei kodihe oliž lähtta da rata tariž* «Мне домой было бы идти и работать нужно».

В последнем предложении употреблена интересная форма, где конструкция должнаствования с условным значением выражена глаголом *olda* ‘быть’ в форме кондиционала в сочетании с глаголом в форме I инфинитива *minei oliž lähtta* ‘букв.: мне было бы идти’, т. е. ‘надо бы идти’. Предложение *Mijak ii mindain oliž panda carikš* «Почему бы меня не поставить царём» напоминает конструкцию долженствования в финском языке (*nesessiivirakenne*), где долженствование выражено глаголом *olla* ‘быть’ в форме 3-го л. ед. ч. и основного глагола в форме первого пассивного причастия *olisi oltava* ‘нужно бы быть’. Такая конструкция встречается и в других вепсских говорах: (сев. вепс.) *Čikuško, oliž naida* «Сестричка, надо бы жениться»; *radnik mini tari oliž* «рабочник мне был бы нужен»; (юж. вепс.) *Tari hot' vedaaada oliž bokha* «Нужно бы хоть отвести в бок».

В процессе анализа учитывались также предложения, где форма глаголов долженствования *tarbiž*, *pidab* опускается и становится ясна лишь из контекста. С одной стороны, это можно объяснить тенденцией к сокращению, свойствен-

ной разговорной речи. Подобные конструкции бытуют и в финских говорах. С другой стороны, здесь, безусловно, сказывается влияние русского языка, для которого такое явление обычно. Например, в западном и восточном говорах широко представлены варианты употребления этой конструкции в бытовых рассказах, где информант повествует о традиционных занятиях в таких областях, как ведение сельского хозяйства, сенокос, животноводство, ремесло, проведение обрядов жизненного цикла и т. д.:

(зап. вепс.) *Jäl'ghe užinad soglašišoi konz svadib (**tarbiž**) tehta* «После ужина договаривались, когда свадьбу (нужно) делать»; *Ladvas sigä loukanno siižui mugoi pres, kudambaha kaik sidotud käčud panda, presuida, jäl'ges varastada konz mašin tuleb* «В Ладве там у магазина стоял такой пресс, в который все связанные käčud (нужно) положить, спрессовать, после подождать, когда машина приедет»; *Purnuspei otamei, konz touknat tehta* «А из закрома берём, когда толокно (надо) делать»;

(вост. вепс.) *Naku nece sijaine aid püudos tehta sniiž* «Вот этот забор в поле (нужно) сделать тебе»; *Mida nügutte zavot't'a, kut elada?* «Что теперь (нужно) делать, как жить?»; *Viz virstad ajada mijourei pagastale-se* «Пять вёрст (нужно) ехать от нас до погоста».

Реже в роли субъекта I инфинитив выступает в типичной для прибалтийско-финских языков предикативной конструкции *от hūvā tehta* ‘хорошо делать’, представленной глаголом *olda* ‘быть’ в форме 3-го л. ед. ч., прилагательным, описывающим действие, и субъектным инфинитивом, выражющим само действие.

В северновепсском говоре встретился только один случай использования данной формы, в южновепсском – ни одного. В западном и восточном говорах средневепсского диалекта данная форма представлена несколько большим количеством случаев, 2 и 6 % соответственно: (сев. вепс.) *Siga om läm' magata* «Там тепло спать»; (зап. вепс.) *Čoma diki kudoda* *om* «Очень красиво вязать»; *Nügüde düvja* *om eläda, ka vanh olen* «Сейчас хорошо жить, да я старый»; *Houg' löimäi* *om leta ongeragou* «Щуку

тяжело поднимать удочкой»; (вост. вепс.) *Poikusid'me [om] kebjemb turutada* «По перекладине легче катать». В последнем примере произошла редукция глагола-сказуемого *om*.

Вепсский язык, будучи языком коренного малочисленного народа Российской Федерации, требует особого внимания в плане его сохранения, популяризации, а также изучения различных грамматических категорий, в том числе инфинитивов. Инфинитивы выступают важной грамматической категорией с точки зрения морфологии и синтаксиса, а также семантики, которая позволяет выявить особенности языковой картины мира народа.

Статистика, основанная на данных Корпуса, показала довольно скромный результат употребления I инфинитива в роли субъекта в предикативной конструкции. Анализ широкого круга источников, в частности образцов речи, изданных в предшествующие годы в Финляндии, свидетельствует о его более устойчивых позициях в языке. Видимо, последующее насыщение Корпуса диалектными материалами позволит скорректировать результат.

I инфинитив в роли объекта

I инфинитив довольно часто выступает в роли объекта предложения вместе с группой глаголов, с которыми он образует подчинительную связь. В основном это переходные глаголы *antta* ‘давать’, *käskta* ‘приказывать’, *eht't'a* ‘успевать’, *zavot't'a* ‘начинать’, *jätta* ‘оставлять’, *tahtoida* ‘хотеть’ и др.

В северновепсском говоре встретилось 15 % случаев употребления I инфинитива с глаголами данной группы: *Ankat tö mili tägä voikta* «Дайте вы мне здесь поплакать»; *Poigad, pidab opetaze venäks pagišta* «Сыновья, нужно учиться по-русски разговаривать»; *Ehtned sada mindei, mina liineškanden eläb, ed ethne tabata mindei, mina petl'ha män* «Успеешь догнать меня,

я буду жива, не успеешь поймать меня, я в петлю пойду»; *Laps' magatta I dättihe* «Ребёнка спать и оставили».

В южновепсском говоре доля конструкций, где инфинитив выполняет роль объекта, составила 6 % от общего количества инфинитивных форм: *Hm, da andame tä sine seda* «Хм, так я и дамся тебе съесть»; *Jagi-baba satoi pert'he da käskob nän'koita i bajutada* «Баба-яга проводила до дома и приказывает нянчить и баюкать»; *Ema i dumai, ehtimaa vou ostta i lat't'a* «Я и не думаю, успею ещё купить и наладить».

Инфинитивный объект представлен 13 % от всего количества инфинитивных конструкций в западновепсском говоре и 11 % – в восточновепсском: (зап. вепс.) *Andoiba knigad lukt'a* «Дали книгу прочитать»; *Minä zavodin tehta sömäd, pirgad da tunaricān* «Я начал готовить еду, пирог и яичницу»; *Nügude nel'l' kud anttas guleida* «Теперь четыре месяца дают гулять»; (вост. вепс.) *Hvatib sügüzoks samijaks, vu jääb, ii ehti palada* «Хватит до самой осени, не успеет сгореть»; *Kaikid'-se en rohtn'u kerata* «Всех-то не осмелился собрать»; *semendan liiban, kazvab, zavodid' rahnda* «посою хлеб, вырастет, начнёшь жать».

Наиболее распространенный тип глаголов, с которыми форма I инфинитива выступает в роли объекта, – модальные глаголы возможности действия *sada* ‘мочь’, *mahtta* ‘уметь’, *voida* ‘мочь’ и т. д.

В северновепсском диалекте выявлено 25 % подобных конструкций: *Ken mahtab d'agada?* «Кто умеет делить?»; *min-že voin pän čapta?* «как же я могу голову отрубить?».

В южновепсском диалекте – 19 %: *I nügüt' ota tamšid' mahtaba ugovernida i purendas* «И сейчас есть женщины, которые могут заговорить от укуса»; *Mii eme voiliima i dumaida i smet't'a* «Мы не могли подумать и понять».

В западно- и восточновепсском говорах – по 17 %: (зап. вепс.) *ii voi vedada nikut* «никак не может тянуть», *a tohespäi mah-tad-ik mida-ni kuvata?* «а из бересты умешь ли что-нибудь плести?»; (вост. вепс.) *voiž keskhe lämeižen panda* «можно бы и посреди огня положить»; *žar pázub, ka eläda ei sa* «жара настанет, то жить нельзя».

I инфинитив в роли атрибута

Реже в Корпусе встречаются конструкции, в которых инфинитив выполняет атрибутивную функцию, т. е. выступает в роли определения. Тем не менее они довольно хорошо вписываются в вепсский язык. В северновепсском говоре эти конструкции представлены 1 % от всех инфинитивных конструкций, в южновепсском – 2, в западновепсском и восточновепсском – соответственно 2 и 3 %. В целом это говорит о равномерном употреблении инфинитива в качестве атрибута по диалектным ареалам вепсского языка.

Чаще всего в такой конструкции в качестве определяемого слова выступает существительное в номинативе или партитиве в связке с формой I инфинитива, который описывает существительное с точки зрения его действия. Нередко в качестве существительного встречаются слова *affat* ‘охота (в смысле ‘желание’), *aig* ‘время’, *taht* ‘желание’, *mel* ‘мысль’. Такие конструкции можно считать устойчивыми: (сев. вепс.) *Iilä offot ištta, iilä offot gul'aida* «Нет охоты сидеть, нет охоты гулять»; *Eilä ohvot tulda?* «Есть ли охота прийти?»; (юж. вепс.) *Mel'hištimois, mehele affat mändä, a hälle affat naida* «Влюбились, замуж охота выйти, а ему жениться охота»; (вост. вепс.) *Aig tegese naida* «Время настаёт жениться»; *vändon norile priheižile keiken eigan ofot ostta* «игру молодым парням всё время охота купить»; *ka naita tegihe mel'* «жениться захотелость»; (зап. вепс.) *Mil' taht voiib sihe tulda* «У нас желание, может, туда пойти»; *Kaikile väta ofot teg'hez' operas* «Всем захотелось научиться играть».

I инфинитив в роли обстоятельства (адвербиала)

В роли определяемого существительного может быть и любое другое, в таком случае инфинитив можно рассматривать как адвербиял, или обстоятельство причины. Но иногда ситуация с определением синтаксической функции инфинитива остается спорной, всё зависит от поставленного вопроса и контекста сказанного: (юж. вепс.) *Taigin oli vuu sotkta* «Тесто еще было месить» (*тесто какое или тесто для*

чего?). Как уже отмечалось [13, 155; 15, 283], в некоторых случаях синтаксическую функцию инфинитива определяет именно его семантическое значение: (зап. вепс.) *leibäd söda* «не было хлеба есть» (хлеба какого или хлеба для чего?); *Nu magata ka nimittušt' pertišt' iilend* «Ну спать-то никакого домика не было» (домика какого или домика для чего?), *Minai tämbei päč löda* «У меня сегодня печь делать» (печь какая или печь для чего?); (вост. вепс.) *Tämbai sinin očered' om kolot'ra* «Сегодня твоя очередь колоть»; *Tämbai ii täiu olo opeta* «Сегодня нет у нас состояния учить».

Конструкции, где I инфинитив выступает в качестве обстоятельства, выражающего причину, намерение или цель действия, или имеющего финальное значение, встречаются в Корпусе в следующем количестве: 2 % в северновепсском говоре, 7 – в южновепсском, 4 – в восточновепсском и 2 % в западновепсском. Здесь учитывались предложения с подчинительным союзом с финальным значением *tiše* ‘чтобы’, *ki* ‘если’, а также предложения, где этот союз опущен. Также были учтены конструкции, о которых шла речь в предыдущем пункте:

(сев. вепс.) *Mužik oli völ nor', tütar kazyatada, ka hän ot't Inai toižen kerdan* «Мужик был ещё молодой, (чтобы) дочь расстить, он взял и женился второй раз»; *Anda mili luuhut kabita* «Дай мне косточку (чтобы) обгладать»; *Toukunt tegin söda hänele, I hän kakastui* «Толокно я сделал (чтобы) есть ему, и он поперхнулся»; *Midani tedad bivalščiniid sanuda?* «Какую-нибудь знаешь ты бывальщину (чтобы) сказать?»;

(юж. вепс.) *Uk tehli horomad vaamheks, ku jagada poig* «Старик делал хоромы на готово, чтобы отселить сына»; *Tänavon merežad oliba paratut mugažo, štobi sada i toda jarfhe* «В этом году тоже были поставлены межи, чтобы наловить и принести на озеро»; *A vilu vezi roida, ka basiba, lib ugar* «А (если) холодную воду бросать, то, говорят, угар будет»; *Otin' lapad, kandan kod'he, basin', akt-se kirjutada* «Взял лапу, отнесу домой, говорю, акт-то (чтобы) написать»;

(вост. вепс.) *Tat pokoinik ost' tinažen, kodiš valada tohusen* «Отец-покойник ку-

пил олово (чтобы) дома лить свечи»; *Miile söda maidod kandaškanz'* «Нам (чтобы) поесть молока принес»; *Li näguška sirpid čokaita* «Не вижу серпа (чтобы) воткнуть»; *Anda härkim nolauta* «Дай мутовку (чтобы) облизать»; *kül'betihe tegem hoz'g'aižed pestakso* «делаем в бане мочалки (чтобы) мыться»; *Hän andoi länged kahtod kantta* «Он дал два хомута (чтобы) нести»;

(зап. вепс.) *Prozad kirjutada ka tari ištta stolan taga* «Прозу [чтобы] писать, то нужно сидеть за столом»; *Kartohkoid' ištuteliba vähän, vaiše ičele söda* «Картофеля посеяли мало, только себе (чтобы) есть».

Набор традиционных методов анализа и получения языковых данных, к которым относятся сбор лингвистического материала, его запись, расшифровка и т. д., дополняется в наше время корпусным методом, т. е. созданием лингвистических корпусов. Различные фундаментальные проблемы в науке о языке с недавнего времени обсуждаются с привлечением такого эффективного и полезного инструмента, как корпус языка.

Выступая в роли обстоятельства места, форма I инфинитива ставит вопрос дистрибуции формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива, особенно когда речь идет о диалектах. Анализ диалектных форм, представленных в Корпусе, указывает на то, что иногда в конструкциях с глаголами движения используется I инфинитив на месте III инфинитива, хотя это противоречит прибалтийско-финским закономерностям. Причиной такой замены является влияние русского языка.

Самое большое количество случаев, где I инфинитив используется вместо иллативной формы III инфинитива, встретилось в северновепсском диалекте – 5 %: *Laps' magatta I dättihe* «Ребёнка спать и оставили»; *söd'he, död'he, ka magatta verd'he* «поели, попили и спать легли»; *Hän magatta mäni* «Он спать пошёл».

В восточном говоре – 4 %: *Käuda kül'betiš pestas ka* «Сходить в бане по-мыться»; *Kuna mō veškam möda?* «Туда мы отведём продавать?»; *mina en lähtnuiž necida dumad dumeida* «я бы не пошёл эту думу думать».

В западном – 1,3 %: *Min'a ezmäks openzimoi pagišta vepsäks* «Я сначала научился говорить по-вепсски»; *Užinan süimei ka jäl'ghe užinad ika magata panese* «Ужин съели, да после ужина спать ложиться»; *Mända mini kacta* «Пойти мне посмотреть».

В южновепсском диалекте подобные случаи в Корпусе не представлены, что вновь объясняется относительно небольшим содержанием в нем диалектных текстов на этом диалекте.

Требует внимания инфинитивная конструкция, зафиксированная в западновепсском говоре и включающая глагол, не имеющий полной парадигмы и совпадающий с потенциалом *linda* ‘быть, становиться’ в форме 3-го л. ед. ч. (*linneb*), и форму I инфинитива. Значение глагола *linda* зависит от контекста: в одних случаях он может обозначать любое действие в будущем времени, а в других его значение приближается к возможностному наклонению [2, 261]. Глагол *linda* является потенциальной формой глагола *olda* ‘быть’ в родственных языках. Это может свидетельствовать о потенциальном значении рассматриваемой конструкции и в вепсском (т. е. ‘придётся’). Иногда форма глагола *linda* опущена. Чаще всего конструкция бытует в фольклорных текстах (сказках) и текстах причитаний в сочетании с существительным в форме аллатива (кому?): *Kut minei linneb kubahtada i likahtada* «Как мне будет шевелиться и двигаться»; *I kut miile nügud eläda se* «И как мне теперь жить-то»; *I kut minei linneb mänetada nece* «И как мне будет проводить это»; *I kutak i mini liineškandeb eläškata i oleškata-se* «И как же мне будет жить и существовать»; *Liineb näl'gha kolda* «Придётся с голоду умереть». Эта конструкция соответствует русской фольклорной формуле, обычной для жанра причитаний, и, видимо, испытала ее влияние.

I инфинитив в составе колоративной конструкции

Особенностью вепсских глаголов речи является употребление их в паре, составляющей глагольный бином, который придает особую динамику и выразительность описанию говорения (*pagišta papatada* ‘букв.: разговаривать + балабонить’, *lodeita loglotada* ‘букв.: говорить + болтать не умолкая’, *pagišta räpätada* ‘букв.: говорить + трещать без умолку’, *sanuda täčkahtada* ‘букв.: сказать + пришлёнуть’, *sanuda troppahtada* ‘букв.: сказать + хлопнуть’ и пр. [3, 385]. Эта особенность касается глаголов, не только выражающих речевую деятельность, но и имеющих другие значения. Как видно из примеров, такая конструкция состоит из двух глаголов – так называемого нейтрального, выражающего то или иное действие, и дескриптивного, описательного, колоративного или звукоподражательного, выражающего то же действие, но с более ярким его описанием. В сочетании с нейтральным дескриптивный глагол раскрывает характер его действия, придает действию стилистико-экспрессивную окраску [3, 386]. Дескриптивный глагол в данной конструкции будет находиться в личной форме, а нейтральный – в форме I инфинитива.

А. Рютконен оставил описание прибалтийско-финских конструкций с дескриптивными глаголами: «Глаголы в такой конструкции могут быть в одной форме, а могут быть и в разных, бывает и так, что один из них находится в форме I инфинитива, а другой – в личной, притом нейтральный глагол находится в форме инфинитива, а дескриптивный глагол, раскрывающий обстоятельство действия, имеет личную форму» [12, 90]. В прибалтийско-финских языках это прослеживается в северных собственно карельских говорах, а также в вепсском языке. Как показал анализ материалов Корпуса, подобные конструкции являются довольно яркой особенностью вепсского языка и встречаются во всех диалектах и поддиалектах. По данным настоящего исследования, в младописменной норме они не встречаются вообще или встречаются крайне редко.

При исследовании карельского языка финские лингвисты называли такие конструкции колоративными из-за их близости к фразеологизмам [11, 481; 12, 102]. Но от фразеологизмов они все-таки отличаются, их сближает лишь нередкое использование дескриптивных глаголов в переносном значении [8, 9]. Если говорить о синтаксической роли инфинитива здесь, то он будет являться частью предикативной конструкции или группы предиката [8, 8].

На русский язык указанные конструкции не всегда удается дословно перевести. Это связано с тем, что в русском языке для передачи характера действия нейтрального глагола часто используется большое количество глагольных синонимов: *бить – шлёпать, бросить – швырнуть, идти – ковылять* и т. д. [8, 5]. Порядок слов в такой конструкции не является устойчивым, но анализ примеров, найденных с помощью лексико-грамматического поиска, показал, что в основном дескриптивный глагол стоит на первом месте, а за ним следует глагол с нейтральным значением в форме инфинитива (очевидно, традиционная структура конструкции размылась):

(юж. вепс.) *A härg händan lend' da ku purskaadab paskata* «А бык хвост поднял и как извергся испражняться»; *Budahoitpa ampta kerdan, toižen* «Бахнули (выстрелили) вы раз, другой»;

(сев. вепс.) *Miša dö hrappib magata* «Миша уже хранит»; *Hän ku möst dö rahtiitab antta päha hamarol* «Он как снова треснет по голове обухом»; *Nece varvei d'o kodike d'oks' tulda edel heid* «Эта Варвой уже побежала домой перед ними»;

(вост. вепс.) *Gälo pälö venehuden-se helahtoit' čuta* «Лодочку выбросило на лёд» (*helähtoitta* ‘швырнуть’, *čuta* ‘кидать, бросать’); *A vihmda žarip ka, eisa daže stanus spasaidakse nikut* «А дождь льёт (жарит), нельзя даже спастись в стане никак»; *Toine šlibgutab* (бросает) *čapta, tol'ko maihutab* (машет) *čapta* «Второй режет (бросая), только режет-помахивает»;

(зап. вепс.) *Virzule peskud paned da jorotad pesta lagen* (моешь натирая) «В лапоть песку положишь и натираешь пол»; *Hän oti, tovarišou oružjan hvati, hloponi ampta toižen kerdan* «Он взял, у товарища

ружьё схватил, хлопнул (стрельнул) раз-другой»; *Potom pigembali kodhe prikatin' turuda* «Потом быстро домой прикатил».

Статистика показала, что в материалах Корпуса I инфинитив в роли предикатива в составе колоративной конструкции представлен 2 % от числа всех форм I инфинитива в восточном диалекте и 1 % – в остальных диалектах. Вероятно, наибольшее количество таких конструкций в средневепсском говоре может быть обусловлено наиболее широко представленным этим диалектом количеством текстов. Одновременно заметна явная нестабильность в облике конструкции, в порядке следования элементов в ней, а также признаки ее разрушения.

Заключение

Поводя итог, можно сделать вывод, что Открытый корпус вепсского и карельского языков представляет собой богатый источник для изучения вепсского языкового материала. В нем присутствует значительная диалектная база, которая, несмотря на необходимость ее постоянного пополнения, является ценной и репрезентативной для исследователя и совместно с ручной обработкой позволяет описать картину использования I инфинитива в вепсском языке с точки зрения его синтаксической роли. Судя по результатам анализа, вепсские диалекты в этом плане едины: для I инфинитива в каждом из них характерны роли субъекта, объекта, атрибутика, обстоятельства (адвербиала) и предикатива. При этом продуктивность инфинитивных форм колеблется по диалектам незначительно. Наиболее востребованы функции субъекта в конструкции единствования и объекта в связке с модальными и переходными глаголами. Видимо, в обоих случаях следует учитывать русское языковое влияние. Оно просматривается и в функционировании некоторых фольклорных конструкций, например в формуле прочтаний с глаголом *linneb*.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

сев. вепс. –	северновепсский диалект
юж. вепс. –	южновепсский диалект
вост. вепс. –	восточный говор
зап. вепс. –	средневепсского диалекта

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко В. П., Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А., Но-вак И. П., Пеллинен Н. А., Родионова А. П., Трубина Е. Д. Лингвистический корпус ВепКар – «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2021. № 7. С. 100–115. DOI: 10.17076/them1415.
2. Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка: (Фонетика и морфология). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 360 с.
3. Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. «Говорить» по-вепсски: именования некоторых глаголов речи в языке вепсов (лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 3. С. 376–388. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388.
4. Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б. Корпусная лингвистика в прибалтийско-финском исследовательском пространстве (на материале Корпуса вепсского языка и Открытого корпуса вепсского и карельского языков) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 264–273. DOI: 10.15393/j103.art.2018.1062.
5. Иванова Г. П. Полипредикативные конструкции с инфинитивами в форме инессива в вепсском языке (в сравнении с финским) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 205–220.
6. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русско-го языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 6–20.
7. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16. С. 7–20.
8. Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке. Петрозаводск: Периодика, 2002. 165 с.
9. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 347 s.
10. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki: SKS, 1926. 146 s.
11. Penttilä A. Suomen kielioppi. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1957. 692 s.
12. Rytkönen A. Deskriptiivisistä sanoista // Virittääjä, 1935. Vol. 39. S. 90–102.
13. Saukkonen P. Itämerensuomalaisten Kielen tulosijainfinitiivirakenteiden. Historiaa 1: Johdanto, adverbaali infinitiivi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1965. 275 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 137).
14. Setälä E., Kala J. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1951. 483 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 100).
15. Savijärvi I. “Kirves on työkalu hakata puita”. Havaintoja ensimmäisen infinitiivin lyhemmän muodon käytöstä // Virittääjä. 1971. Vol. 75, no. 3. S. 280–296.
16. Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1982. 171 s.

Поступила 03.08.2023; одобрена 20.08.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. В. Кошелева – старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, младший научный сотрудник сектора языкоznания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, koshelevamasha@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9468-9580>

Features of the functioning of the I infinitive in the Veps language based on the materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages

Maria V. Kosheleva

*Petrozavodsk State University,
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. One of the important reasons for the high attention to the study of the Veps language is the young system of Veps writing language, the formation of which has been taking place in recent decades. Because of rules development the researchers have to analyze a number of grammatical categories, including the form of the I infinitive considered in the article.

Materials and Methods. The article analyzes the cases of the use of the I infinitive based on dialect materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages. It identifies the statistics of the use of these forms in sentences, identifies the patterns of their functioning in syntactic constructions, and identifies the difference or its absence in the use of infinitives in different dialects of the Veps language.

Results and Discussion. The I infinitive is the most common and popular infinitive form in the Veps language, therefore it is represented in a large number of texts available in the Open corpus of Veps and Karelian languages. The analysis showed that the frequency of its use in all dialects of Veps language is approximately the same. The I infinitive performs the roles of subject, object, adverbial and adjective in the sentence, and acts as a predicative as part of the colorative construction. Depending on the syntactic function of the infinitive, several main groups are distinguished as part of the infinitive construction.

Conclusion. The Open corpus of Veps and Karelian languages is a rich source for the study of the Veps language material. It contains a significant dialect base, which, despite the need for its constant replenishment, is valuable and representative for the researcher, and with manual processing allows us to describe the picture of the use of the I infinitive in the Veps language from the point of view of its syntactic role.

Keywords: corpus linguistics, the Veps language, I infinitive, syntactic functions of infinitives

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, No. 121070700122-5 "Fundamental and applied aspects of the study of the Baltic-Finnish languages of Karelia and adjacent regions".

For citation: Kosheleva MV. Features of the functioning of the I infinitive in the Veps language based on the materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;4:408–420. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.408-420.

REFERENCES

- Boyko TP, Zaitseva NG, Krizhanovskaya NB, Krizhanovsky AA, Novak IP, Pelinen NA, Rodionova AP, Trubina ED. Linguistic corpus VepKar is a language refuge for the Baltic-Finnish languages of Karelia. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science. 2021;7:100–115. (In Russ.). DOI: 10.17076/them1415.
- Zaitseva MI. Grammar of the Veps language: (Phonetics and morphology). Leningrad; 1981. (In Russ.)
- Zaitseva NG, Zhukova OJ. 'Speak' in Vepsian: names of some verbs of speech in the Veps language (linguo-geographic and semantic-etymological aspects). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;15;3:376–388. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388.
- Zaitseva NG, Krizhanovskaya NB. Corpus linguistics in the Baltic-Finnic research area (the Corpus of Veps language and the Open corpus of Veps and Karelian languages). *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh*

- issledovanii* = Nordic and Baltic Studies Review. 2018;3:264–273. (In Russ.). DOI: 10.15393/j103.art.2018.1062.
5. Ivanova GP. Polyadic constructions with infinitives in the form of inessive in the Veps language (in comparison with Finnish). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2013;3:205–220. (In Russ.)
 6. Plungian VA. Why do we need the National corpus of the Russian language? Informal introduction. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* = National corpus of the Russian language: 2003–2005. Results and prospects. Moscow; 2005:6–20. (In Russ.)
 7. Plungian VA. The corpus as a tool and as an ideology: some lessons from modern corpus linguistics. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* = Russian language in scientific coverage. 2008;16:7–20. (In Russ.)
 8. Fedotova VP. Descriptive verbs in the Karelian language. Petrozavodsk; 2002. (In Russ.)
 9. Grünthal R. *Vepsän kielioppi*. Helsinki; 2015.
 10. Kettunen L. *Näytteitä etelävepsästä*. Helsinki; 1926.
 11. Penttilä A. *Suomen kielioppi*. Porvoo; Helsinki; 1957.
 12. Rytkönen A. *Deskriptiivisistä sanoista. Virittäjä*. 1935;39:90–102.
 13. Saukkonen P. Itämerensuomalaisten Kielten tulosijainfinitiivirakenteiden. Historiaa 1: Johdanto, adverbaali infinitiivi. Helsinki; 1965;137.
 14. Setälä E, Kala J. *Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista*. Helsinki; 1951;100.
 15. Savijärvi I. “Kirves on työkalu hakata puita”. Havaintoja ensimmäisen infinitiivin lyhemmän muodon käytöstä. *Virittäjä*. 1971;75;3:280–296.
 16. Sovijärvi A, Peltola R. *Äänisvepsän näytteitä*. Helsinki; 1982.

Submitted 03.08.2023; reviewing 20.08.2023; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. V. Kosheleva – Senior Lecturer, Department of Baltic-Finnish Languages, Petrozavodsk State University, Junior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, koshelevamasha@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9468-9580>

Ремесленная и промысловая фразеология в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия

Татьяна Ивановна Мочалова

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия*

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Алина Юрьевна Маслова

Мария Захаровна Левина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Фразеологические единицы, связанные с промыслами и ремеслами, широко распространены в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия. Цель исследования – рассмотреть в лексико-семантическом и сравнительно-сопоставительном аспектах ремесленную и промысловую фразеологию, выявить аксиологические и национально-культурные представления диалектносителей региона.

Материалы и методы. В работе применялись различные методы и приемы научного исследования: описательный метод для представления материала, извлеченного приемом сплошной выборки из фразеологических словарей, сравнительно-сопоставительный метод при анализе языковых фактов русских и мокшанских говоров, метод компонентного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В сопоставляемых говорах русского и мокшанского языков активно употребляются фразеологические единицы, характеризующие региональные промыслы и ремесла. Самыми репрезентативными являются группы фразеологизмов, представляющие строительство, ткачество, прядение, лаптеплетение, валиние валенок. Отмечено, что в русских говорах детально фиксируются процессы, обеспечивающие и/или сопровождающие действия ремесленников, вследствие чего фразеологические единицы носят более дифференцированный характер. В мокшанских говорах в большей степени представлены фразеологизмы, номинирующие собственно профессиональные действия, в ряде случаев акцентируется внимание на фразеологической номинации человека по роду его ремесла.

Заключение. Исследование подобного рода вносит вклад в презентацию диалектной картины мира двух народов, издавна проживающих и организующих совместный быт на территории Республики Мордовия. Важно подчеркнуть, что фразеологические единицы рассматриваемой тематической группы в говорах и русского, и мордовского (мокша) народов имеют аксиологический характер, отражая отношение к труду, подчеркивая ценность и значимость любого ремесла.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, значение, говоры, мокшанский язык, русский язык, сопоставление, ремесла, промыслы, номинация

Для цитирования: Мочалова Т. И., Маслова А. Ю., Левина М. З. Ремесленная и промысловая фразеология в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 421–431. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.421-431.

Введение

Лексические и фразеологические единицы (ФЕ), связанные с ремеслами и промыслами, составляют важную часть лексики любого языка, обладают историко-культурной маркированностью, отражают особенности хозяйственной деятельности населения региона.

С древнейших времен трудовая деятельность занимала важнейшее место в

жизни человека, поскольку обеспечива-ла его продуктами питания, предметами быта, строительными материалами и др. Как отмечает И. А. Подюков, «отдель-ная промысловая субкультура является специфической культурной подсистемой, которая своими нормами и традициями, жизненными установками существенно воздействует на стиль жизни, ценностную

иерархию и менталитет ее носителей» [21, 86]. Промыслы и ремесла составляли неотъемлемую часть жизни сельского населения, которое занималось охотой, рыболовством, бортничеством, кузнецным или плотничным делом. Не случайно большим и важным пластом в любом языке являются специальные слова и выражения, которые употребляются группами лиц, объединенных профессиональной общностью.

Богатую и разнообразную в структурно-семантическом плане группу представляет диалектная ремесленная и промысловая фразеология, поскольку она отражает национально-культурную специфику, познавательный опыт народа.

Цель данной работы – рассмотреть в лексико-семантическом, сравнительно-сопоставительном аспектах ремесленную и промысловую фразеологию, функционирующую в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мордовия.

Обзор литературы

Ремесленная лексика и фразеология неоднократно становились объектом лингвистических и междисциплинарных исследований. Так, учеными были рассмотрены вопросы формирования данного пласта в славянских языках: русская ремесленно-промышленная терминология первой половины XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени¹, этимология и опыт реконструкции ремесленной терминологии в славянских языках [26] и др.

Особый интерес вызывают диалектная лексика и фразеология, наиболее полно представляющие сведения о духовной и материальной культуре народа. В различных аспектах на материале русских говоров были рассмотрены: лексика, связанная с текстильным ремеслом, с обработкой конопли и шерсти, с прядением и ткачеством в районе Богословщины Рязанской области [27], лексика коноплеводства в орловских говорах [3], метрологическая лексика деревенского текстильного ремесла в старожильческих говорах Сибири [5], лексика льнообработки, прядения и ткачества в говорах Пермского края [11];

полеводческая лексика на территории Нижегородского Поволжья [12], сельскохозяйственная лексика юга Нижегородской области [24]; производственная лексика говора с. Вершина Томской области [6], ремесленная (валильное дело, плотническое и столярное дело, обработка волокна и др.) лексика в русских говорах Присурского Поволжья [15], лексика ложкарного и посудотокарного промыслов на территории Нижегородской области [2], лексика псковских плотников [14]; полесская терминология пчеловодства [4], лексика пчеловодства на Алтае [25]; рыболовецкая лексика уральских казаков [18], в нижегородских вадских говорах [16], в говорах камчадалов [19], в говорах Среднего Приишимья [20], в русских говорах на территории Республики Мордовия [1] и др.

В мордовских языках лексика, характеризующая промыслы и ремесла, имеет древнейшую историю и образует довольно большой пласт, который заслуживает пристального и серьезного изучения, так как многие промыслы почти вышли из обихода или перестали быть ремеслом хозяйственного назначения. Вопросы, связанные с ремесленной и промысловой лексикой в мордовских языках, рассмотрены Т. М. Шеяновой [28]. Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках исследована А. Н. Келиной [13]. Стилистическая функция экспрессивной лексики была темой работы Р. Н. Бузаковой [7]. Функционирование фразеологизмов в мокшанской разговорной речи и их семантическая группировка отражены в работе В. Ф. Рогожиной [23]. Метеорологическая лексика мордовских языков в структурном и словообразовательном плане проанализирована Е. М. Девяткиной, В. П. Цыпкайкиной [9]. Особое вниманиеделено прядению, изготовлению одежды и головных уборов, которые отделялись всевозможными орнаментами [22].

В то же время следует отметить отдельные работы, посвященные сравнительно-сопоставительному изучению ФЕ, употребляющихся, в частности, в русских

¹ См.: Толкина Е. Н. Русская ремесленно-промышленная терминология 1 пол. XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени (словарь Бурнашева): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.

и мокшанских говорах. В них анализируются взаимопроникновение финно-угорской и русской фразеологии [10], фразеологические синонимы в сопоставляемых говорах и причины возникновения многочисленных синонимических рядов [8], особенности репрезентации болезненного состояния человека во фразеологии русских и мокшанских говоров региона [17]. Однако изучение ремесленной и промысловой фразеологии на материале данных говоров до сих пор не проводилось, что обуславливает актуальность настоящей работы.

Материалы и методы

Исследование выполнено на материале Фразеологического словаря русских говоров Мордовии Р. В. Семенковой², Фразеологического словаря мордовских (мокша и эрзя) языков Р. С. Ширманкиной³. Привлекался также языковой материал русских и мокшанских говоров, собранный в ходе диалектологических экспедиций в населенные пункты Республики Мордовия. Авторами применялись описательный метод для представления диалектного материала, извлеченного в результате сплошной выборки из фразеологических словарей; сравнительно-сопоставительный метод в процессе анализа устойчивых сочетаний в разных языках; компонентный анализ фразеоглизмов при установлении системных отношений между ними; метод контекстного анализа при выяснении плана содержания.

Результаты исследования и их обсуждение

В фактическом материале особое внимание привлекают ФЕ, обозначающие домашние ремесла. Для Республики Мордовия были характерны виды работ по изготовлению тканого полотна, холстов, практически неизвестные современному и городскому, и сельскому жителю. Диалектные фразеоглизмы, входящие в данную группу, многочисленны и разнобразны по семантике в обоих языках. Задокументированы ФЕ, связанные с обработкой льна, конопли, поскони:

рус. *бить лён* – ‘мять лён, приготовляя льняные волокна’, *брать лён (коноплю, посконь)* – ‘убирать лён (коноплю, посконь)’, *шмыкать мочки, мочки (мочинец, мычки) мыкать* – ‘расчёсывать, разравнивать (лён, коноплю, шерсть)’, *таскать конопли* – ‘выдергивать коноплю’, *теребком теребить* – ‘выдергивать (лён, коноплю и т. д.)’, *музыкать кудель* – ‘мять коноплю’. Например: *За тем бугром наши дефки лён брали. Ф том году поскънь-ть брали в дожжи* (Грибоедово, Октябрьский район г. Саранска); *Шмыкъть мочки са фсеми сёстрьми хадили* (Русские Найманы, Большелебезниковский район); *Пайдём убирать кънапли на пойму, так и узнаши, что такоя таскать кънапли; Сабралси таскать кънапли, а варишкы забыл, а биз варишкъф фсе руки испортиши* (Кулишевка, Рузаевский район); *По осини кудель музыкъли, мозлы-ть вот какая набыёши* (Камаево, Ичалковский район);
мокш. *вяфтомс иляназть* – ‘размягчить лён (букв.: утопить в воде)’, *таргамс иляназть* – ‘убирать лён (букв.: вытаскивать из воды)’, *мушкокс тиэмс* – ‘помять до состояния волокна, кудели’ и т. п. Например: *Сäшкава сейц' эсъндоza / мушкъкс тийз'ъ* (Мордовская Козловка, Атюрьевский район). «До такой степени начесал, стал, как кудель».

В мокшанском диалектном ареале ФЕ этой группы иногда образуются от наименований отдельных инструментов, связанных с ткачеством, прядением:

мокш. *мушка пула* – ‘определенная часть пряжи на прядильном станке’, *мушка сяльге* – ‘тонкая часть волокна’.

Довольно многочисленны фразеоглизмы, обозначающие сам процесс прядения, ткачества, вязания:

рус. *вертянку матать* – ‘прясть’, *сукно топтать* – ‘ткать сукно’, *ниченки гонять* – ‘ткать’, *пряси мыкать* – ‘прясть пряжу’, *на гребне (гребнях) сидеть* – ‘прясть шерсть, волокно’ и т. п. Например: *Виртянку матать из мъладых малъ кто магёт* (Кулишевка, Рузаевский район); Уж сичяс в магазинъх фсё есть, а мъладыи фсё зъставляют ничинки ганять, то им

² См.: Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.

³ См.: Ширманкина Р. С. Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков. Саранск, 1973.

пъльвики надъ, то ешё што (Кулишайка, Рузаевский район); *Бываль, сидии, сидии на гребних, фсе руки изрежым и фсё маль ньпридёш* (Шишкеево, Рузаевский район);

мокш. *сейхтемс-крхтамс* – ‘чесать шерсть быстро (букв.: чесать-палить)’, *ащемс лапа лангса* – ‘прясть шерсть на станке (букв.: быть на прядлке)’. Например: *Мокишън' с'т'ыр ^хн' ъ ил'ат' ил'ачка аиичъс'т' лапа ланкса* (Мордовские Парки, Краснослободский район). «Мокшанские девушки целый вечер пряли шерсть на станке (букв.: сидели на прядлке)»; *Мокиенъ стирнясь лапанц мархта сюре китирди да нувай...* (Мокшанский фольклор). «Мокшанская девушка на прядильном станке шерсть прядёт...».

В исследуемых говорах зафиксированы диалектные ФЕ, называющие какие-либо действия, обеспечивающие указанные выше процессы:

рус. *топтать колесо* – ‘приводить в движение колесо самопрялки’, *на гребне торчать* – ‘сидеть за прядкой’ и т. п. Например: *Хватит тибе на гребне торчать, пайдём пъгуляим* (Новое Баево, Большегнинатовский район); *Кълисо-ть нагой тапчу и пряду* (Кочуново, Ромодановский район);

мокш. *пяшкодемс киштирь* – ‘букв.: спрятать шерсть и намотать на веретено’, *пяшкодемс кесак* – ‘намотать определённое количество пряжи’, *ащемс жовар лангса* ‘молоть на жерновах зерно (букв.: сидеть на жерновах)’. Например: *Пäшкъд'ын' кесак / кесакса в'ет'е пульт / пульса кевет'ийе с'аэз'мът* (Рыбкино, Ковылкинский район). «Намотал пряжу в моток, в мотке пять пучков, в пучке пятнадцать нитей».

Приведенные диалектные ФЕ свидетельствуют о том, что занятия такого рода существовали с давних времен; все население (прежде всего женщины) должно было знать процесс обработывания льна, конопли и т. п., особенности прядения, ткачества, тем самым создавалась своеобразная материальная культура этноса. Эти виды деятельности были характерны для жителей всех районов, т. е. распространены повсеместно на территории Республики Мордовия:

рус. *Били лён пихтилём* (Башкирцы, Теньгушевский район); *Большъ фсиво ни люблю брать поскънь, фсе руки издирёш* (Кулишайка, Рузаевский район); *Моцыниц мыкьют, нитки прядут, а потом холсты ткут* (Студенец, Зубово-Полянский район); *Сколь я зъ сваю жызынь кънопли тирепком тиребиль – руки ноют топерь* (Безводное, Ардатовский район);

мокш. *Ил'аназт' вас'ында вайафн' ъз'*, *мел' ъ кос'фн' ъз'*, *а мел' ъ чуфаз'* (Мордовская Козловка, Атюрьевский район). «Лён вначале замачивали (букв.: затопляли), потом сушили, а потом мяли»; *Таргасаз' ил'аназт' пингън' ѹотаз' и ушъдыйт' эсънзъ кос'фтамъ* (Польское Ардашево, Темниковский район). «Уберут (букв.: вытащат) лён через определённое время и начнут его сушить».

Нередко рассматриваемые виды ремесла были основным занятием, обеспечивающим существование:

рус. *жить на своих щипцах* – ‘зарабатывать на жизнь прядением и вязанием’. Например: *Нъм хърашо, ни зависим, фсю жызынь живём на своих щипцах* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район);

мокш. *эрямс киштирь лангса* – ‘зарабатывать на жизнь прядением (букв.: жить на веретене)’ (Польское Ардашево, Темниковский район).

В исследуемых говорах широко представлены ФЕ, входящие в тематическую группу плетения лаптей, изготовления валенок. В собранных материалах имеются фразеологизмы, обозначающие сам процесс плетения лаптей, валяния валенок или их ремонт:

рус. *ковырять (подковырять) лапти* – ‘подплетать подошвы новых лаптей лыком для прочности или чинить таким образом старые лапти’. Например: *Къвырять лапти – этъ уплотнять их ф три слоя с подошвы. Нады пъткъвырять лапти: розбились они* (Суподеевка, Ардатовский район);

мокш. *начфтамс/ваяфтамс ленгакстъ* – ‘замачивать (букв.: затоплять) лыко’, *валхтомс ленгакстъ* – ‘обдирать кору липы для плетения лаптей’. Например: *л'енгэс' пайшъста вал'тьма / а мел' ъ начфтъма / штоба л'апъмъл'* (Старая

Теризморга, Старошайговский район). «Кору липы вначале нужно снять, а потом замочить (букв.: утопить в воде), чтобы стала мягкой и гибкой».

Кроме того, в семантике некоторых фразеологизмов отражаются процессы подготовки материала для плетения лаптей:

рус. *лутрошить липу* – ‘обдирать с липы кору’, *делать лыски* – ‘обдирать кору с дерева’, **нациновать (оциновать) лыко** – ‘надрав лыка, очистить его от верхнего слоя коры и разрезать на узкие полосы’, **начинить лыко (лыков)** – 1.‘надрать лыка’, 2.‘очистить лыко от верхнего слоя коры и разрезать на узкие полосы’. Например: У нас дет фсигда хадил лутрошить липу и лапти плёл (Енгалычево, Дубенский район); *Лык-ть нъдирёш, ацынуши и лапти плитёши. Фсе пальцы абдириёш, пака лыкъ на лапти ацынуши* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район); *Фсе ф силе лыкъ цынавали дъ лапти плили, еть щас пра еть пъзабыли* (Шишкеево, Рузаевский район);

мокш. **начфтомс ленгакс** – ‘замочить (букв.: утопить в воде) лыко’, **шавомс пона** – ‘выбивать (букв.: быть) шерсть для изготовления валенок’. Например: *Л'енгаксс' ват'тьма, ур'адама, керс'ъма шуван'аста и кодаман' карша начфтьма, с'анкса с'ада л'апьми* (Теризморга, Старошайговский район). «Надрать лыко, почистить, разрезать на полоски и перед плетением намочить (букв.: замочить в воде), чтобы мягче было»; Учан’ понат’ вас’ц’ с’ей’цак, кос’фтасак, шавасак, мел’я ват’андасак и гевэр’цак (Новая Кярга, Атюрьевский район). «Овечью шерсть вначале нужно почесать, высушить, выбить, а потом повалить».

Интересно отметить, что в мокшанском диалектном ареале фиксируются устойчивые сочетания, репрезентирующие номинации человека, владеющего ремеслами, связанными с плетением лаптей и валянием валенок:

мокш. **карень кодай** – ‘о человеке, который умеет плести лапти’, **карень стай / карень пети** – ‘о человеке, который чинит лапти (букв.: лапти шьёт / лапти поправляет)’, **валенянъ гевядри** – ‘о человеке, который занимается валянием валенок’. На-

пример: *Вел’ъса кар’ън’ кодайды ул’с’ аф лама / фкай-кафта ломан’* (Старая Теризморга, Старошайговский район). «В деревне людей, которые плели лапти, было немного: один-два человека»; *Вал’ънц’ен гивер’д’ис’ – вил’ъса первай ломан’ц’ъл’* (Новая Кярга, Атюрьевский район). «Человек, который занимается валянием валенок, – уважаемый человек».

Заметная представленность ФЕ с указанной семантикой в русских и мокшанских говорах свидетельствует о распространении таких ремесел среди населения Республики Мордовия.

Особую группу в исследуемых говорах составляют ФЕ, обозначающие процесс строительства дома. Строительство дома и надворных построек считалось одной из главных задач каждого жителя, что определяло актуальность этого рода занятий:

рус. **зводить (завести) дом** – ‘начинать (начать) строить дом’, **избу плотничать** – ‘строить дом’, **поднимать избу** – ‘ставить сруб избы на место’, **стакан становить** – ‘ставить сруб дома’. Например: *В въскрисенъя избу пъднимать будим, надъ шаброф* (от мокш. шабра – ‘сосед’) *назвать* (Тепловка, Кочкуровский район); *У нас нарот стакан становит, а дальшъ плотник работъит. Биз народу ничяво ни сделъши* (Дубасово, Зубово-Полянский район);

мокш. **куд путомс/кеподемс** – ‘построить (букв.: поставить/поднять) дом’, **струб шапомс** – ‘рубить сруб’ и т. п. Например: *Н’ед’ел’ешисть т’ис’т’ кудозкс и кепъд’яз’ кудт’* (Мордовская Козловка, Атюрьевский район). «В воскресенье сделали обряд, посвящённый новому дому, и стали строить дом»; *Штоба с’т’афтьмыс куд / алц’ мокър хт’ путъма* (Мордовская Козловка, Атюрьевский район). «Чтобы поднять дом, нужно вначале углы поправить (букв.: пеньки под первый венец сруба установить)».

Фразеологический словарь русских говоров фиксирует ФЕ, обозначающие конкретные действия, которые сопровождают процесс строительства или ремонта каких-либо построек:

рус. **крыть шишом** – ‘крыть шатром, в два ската’, **обаливать (обалить) завали-**

ну (завалинку) – ‘делать (сделать) насыпь вокруг дома’ и т. п. Например: *Сичяс фсе шышом кроют, шышом-тъ крыть вить лучи* (Надеждино, Ельниковский район).

Ряд диалектных ФЕ обозначает различные действия по уходу за домом или вещами. Это чаще всего фразеологизмы со значением ‘стирать, мыть’. Представленные единицы имеют, как правило, некую отрицательную оценочность или могут использоваться с пометой «ироническое»:

рус. **кренделями намыть** – ‘вымыть плохо, небрежно’, **нетухов нарисовать** – ‘вымыть пол, оставив грязные разводы’, **на кулаках** – ‘вручную (стирать, мыть и т. п.)’, **сухомойкой вымыть** – ‘выстирать в холодной воде’. Например: *Грунькъ фсю жизнь палы криньдилями нъмыват, думът, так и надъ* (Новая Карьга, Краснослободский район); *Кто иш так палы мот? Адних питухох нърисаваль* (Новая Карьга, Краснослободский район);

мокш. **косъке левштамса штамс** – ‘плохо (букв.: сухой тряпкой) вымыть’, **ведьга ётафтомс** – ‘плохо постирать что-либо (букв.: прополоскать)’. Например: *Вов ир'вен'ес' кос'ке л'евштамса штаз'е мастьрт' / с'ас и чистай* (Мордовская Козловка, Атюрьевский район). «Вот сноха вымыла пол плохо (букв.: сухой тряпкой), поэтому и чистота такая»; *Вед'ге йотафтъз'ън' и пара / повфн'зз'ън' кос'къма* (Рыбкино, Ковылкинский район). «В воде прополоскала (букв.: по воде провела) и хорошо, повесила сушиться (про бельё)».

В говорах мокшанского языка встречаются ФЕ и с положительной коннотацией:

мокш. **кадомс лов алу** – ‘побелить (букв.: оставить под снег для побелки (откани))’, **неельса кргамс** – ‘помыть пол добела (букв.: ножом почистить пол)’. Например: *Кудън'кън'ге штайн'е / пейъл'са кргайн'е / с'ийе йотай од с'т'бр'н'е / цёраз'т'и мон шайн'е* (Мокшанский фольклор). «Дом наш (букв.: пол) я помыла, ножом почистила, вот идёт молодая девушка, сыну своему сосватала».

Выявлены и единичные фразеологизмы, которые также относятся к специальной, профессиональной сфере деятельности сельских жителей Республики Мордовия.

Это может быть и номинация рода занятий, и фразеологическая презентация самих действий, связанных с определенным родом деятельности:

рус. **пойти в приказчицы** – ‘устроиться работать продавцом’, **ломать мёд** – ‘откачивать мёд из сотов’, **ставить (поставить) на запор** – ‘запруживать (запрудить) (реку)’. Например: *Ранъ ишишо мёт ламать* (Языкова Пятина, Инсарский район); *Кажну висну рику нъ запор ставим. Рику весной нъ запор паставиш, знать, с вадой фсё летъ* (Кулишайка, Рузаевский район);

мокш. **таргамс кяше/гяше** – ‘получить (букв.: вытащить) дёготь’, **таргамс медь** – ‘откачать (букв.: вытащить) мёд’. Например: *Мет'т' таргасаз' мед'ън' спазън' карша* (Новая Карьга, Атюрьевский район). «Мёд откачивают обычно перед Медовым Спасом».

Обратим внимание, что некоторые ФЕ и в русских, и в мокшанских говорах имеют опосредованное отношение к рассматриваемой тематической группе, обозначая качество выполненной работы. Такие фразеологизмы могут быть связаны как с профессиональной сферой (например, работой швеи), так и с обыденными действиями:

рус. **на живульку (живушку) сшить** – ‘сшить наскоро, кое-как’. Например: *Търапильсь, нъ живульку юпку-тъ шишиль* (Болтино, Ромодановский район); *Ну и невеску взял, сашьёт кофту нъ живущ-ку и ходит* (Пушкино, Ромодановский район);

мокш. **алга паксонди стамс** – ‘сшить как попало (букв.: заплатка для изнаночной стороны)’. Например: *Вага т'ийъз'ъ т'евт', алга панксън'д'и аиши.* «Вот уж сделал дело, очень плохо (букв.: для изнаночной стороны рубахи пойдёт)».

Заключение

Таким образом, длительное совместное существование русского и мордовского народов на территории современной Республики Мордовия отражено и во фразеологии ремесленной и промысловый тематической группы. В исследуемых диалектах наиболее презентативными являются фразеологизмы, представляющие

строительство, ткачество, прядение, вязание, лаптеплетение, валяние валенок. И по сей день районы Мордовии известны своими мастерами по изготовлению валяной и вязаной продукции, резьбе по дереву, вышивке, а также по узорному ткачеству.

Фразеологический словарь русских говоров детально фиксирует процессы, обеспечивающие и/или сопровождающие действия ремесленников, вследствие чего ФЕ носят более дифференцированный характер. В мокшанских говорах в большей степени представлены ФЕ, номинирующие собственно профессиональные дей-

ствия, в ряде случаев акцентируется внимание на фразеологической номинации человека по роду его ремесла. Говоры и русского, и мордовского (мокша) народов фиксируют во ФЕ исследуемой группы и оценочное отношение к плохо выполненной работе, что непосредственно не связано с представлением рода деятельности, но подчеркивает ценность и значимость любого ремесла.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

мокш. – мокшанский язык

рус. – русский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Рыболовецкая лексика в русских говорах на территории Республики Мордовия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкоzнание. 2023. Т. 22, № 2. С. 49–60.
2. Агапова М. А., Зимина И. В. Лексика ложкарного и посудотокарного промыслов на территории Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров – 2000: (Материалы и исслед.). СПб., 2003. С. 128–130.
3. Алешина Л. М. Лексика коноплеводства в орловских говорах. Орел: Орловский гос. ун-т, 2003. 236 с.
4. Анохина В. В., Никончук Н. В. Полесская терминология пчеловодства // Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 320–365.
5. Баланчик Н. А. Метрологическая лексика деревенского текстильного ремесла в старожильческих говорах Сибири // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 3. Доклады и сообщения девятой Российской научно-практической конференции (Москва, декабрь, 2004). М., 2004. С. 398–401.
6. Блинова О. И. Характер и пути изменения производственной лексики говора с. Вершинина Томской области // Ученые записки Томского государственного университета. 1959. Т. 39. С. 115–124.
7. Бузакова Р. Н. Стилистическая функция экспрессивных слов в мордовских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 65–68.
8. Гришунина В. П., Ершова Н. И. Фразеологические синонимы в русских и мокшанских говорах Мордовии // Финно-угорский
- мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 224–232. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
9. Девяткина Е. М., Цыпкайкина В. П. Структурно-семантический и словообразовательный анализ метеорологической лексики мордовских языков // Научное мнение. 2014. № 9-1. С. 160–165.
10. Захаров Б. Ф. О финно-угорских вкраплениях в структуре диалектных фразеологизмов (на материале говоров Починковского района Нижегородской области) // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литературы народов Поволжья и Приуралья: материалы межрегион. науч. конф. Саранск, 2006. С. 110–114.
11. Зверева Ю. В., Русинова И. И. О проекте тематического словаря «Лексика обработки льна, прядения и ткачества в русских говорах Пермского края» // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2022. № 4. С. 54–63. DOI: 10.7242/2658-705X/2022.4.6.
12. Казанцева Н. В. Диалектные зоны на территории Нижегородского Поволжья (по материалам полеводческой лексики) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6. С. 251–254.
13. Келина А. Н. Терминология ткачества в мордовских языках // Лексика и грамматика финно-угорских языков: межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1996. С. 146–151.
14. Кондратьева В. П. О профессиональной лексике псковских плотников // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1969. Т. 324. С. 303–317.
15. Королькова М. Д. Особенности функционирования ремесленной лексики в русских говорах Присурского Поволжья // Теоретическая и прикладная лингвистика.

2020. № 6. С. 55–72. DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_55_72.
16. Маринин А. В. Рыболовецкая лексика в нижегородских вадских говорах: наименования рыб // Русское народное слово в языке и речи: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Арзамас; Саров, 2009. С. 255–261.
 17. Маслова А. Ю., Мочалова Т. И., Левина М. З. Репрезентация болезненного состояния человека во фразеологии русских и мокшанских говоров на территории Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 160–170. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.160-170.
 18. Михеева Н. В. Из рыболовецкой лексики уральских казаков (названия орудий лова и их частей) // Вопросы русской диалектологии: сб. науч. тр. Л., 1976. С. 99–105.
 19. Олесова Н. Г. Названия орудий лова в говорах камчадалов // Социальные и гуманистические науки на Дальнем Востоке. 2006. № 1. С. 153–165.
 20. Острецова Л. М. Тематическая группа «Орудия лова» в говорах Среднего Приишимья // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981. С. 130–138.
 21. Подюков И. А. Мифopoэтический аспект промысловой традиции Прикамья // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3: Гуманитарные и общественные науки. 2013. Вып. 1. С. 85–95.
 22. Поляков О. Е., Левина М. З. Культура и язык древней мордвы (предков мокши и эрзи) // Вестник Мордовского университета. 2015. Т. 25, № 3. С. 73–80. DOI: 10.15507/VMU.025.201503.073.
 23. Рогожина В. Ф. Функционирование фразеологизмов в мокшанской разговорной речи и их семантическая группировка // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 70–77.
 24. Сахарова С. Р. Характеристика сельскохозяйственной лексики. Южные говоры Горьковской области // Среднерусские говоры и памятники письменности: сб. науч. тр. Калинин, 1989. С. 34–43.
 25. Титова М. В. Профессиональная лексика алтайских пчеловодов в аспекте взаимодействия языка и культуры // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 14. С. 204–209.
 26. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: (Этимология и опыт реконструкции). М.: Наука, 1966. 416 с.
 27. Чумакова Ю. П. Лексика, связанная с обработкой конопли и шерсти, прядением и ткачеством, в районе Богословщины Рязанской области // Ученые записки Рязанского педагогического института. Рязань, 1959. Т. 25. С. 341–386.
 28. Шеянова Т. М. Формирование лексики мордовских языков. История лексики. Языковые контакты. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1989. 92 с.

Поступила 08.06.2023; одобрена 27.06.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. И. Мочалова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

А. Ю. Маслова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, al_mas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>

М. З. Левина – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, lev.mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7808-2187>

Craft and trade phraseology in Russian and Moksha subdialects on the territory of the Republic of Mordovia

Tatiana I. Mochalova

*Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Alina Yu. Maslova

Mariia Z. Levina

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. Phraseological units associated with trades and crafts are widespread in Russian and Moksha subdialects on the territory of the Republic of Mordovia. The purpose of the study is to consider craft and trade phraseology in lexical-semantic and comparative terms, to identify axiological and national-cultural ideas of dialect speakers in the region.

Materials and Methods. The work used various methods and techniques of scientific research: a descriptive method for presenting material extracted as a result of a continuous selection from phraseological dictionaries, a comparative method in the analysis of linguistic facts of Russian and Moksha subdialects, a method of component analysis.

Results and Discussion. In the compared subdialects of the Russian and Moksha languages, phraseological units characterizing regional trades and crafts are actively used. More representative groups of phraseological units represent construction, weaving, spinning, bast weaving, felting felt boots. It is noted that in Russian subdialects the processes that provide and/or accompany the actions of artisans are recorded in more detail, as a result of which phraseological units are of a more differentiated nature. In Moksha subdialects, phraseological units that nominate professional actions themselves are represented to a greater extent; in some cases, attention is focused on the phrasiological nomination of a person by the type of his craft.

Conclusion. A study of this kind contributes to the representation of the dialect picture of the world of two peoples who have long lived and organized a common life on the territory of the Republic of Mordovia. It is important to emphasize that the phraseological units of the thematic group under consideration in the subdialects of both the Russian and Mordovian (Moksha) peoples are of an axiological nature, reflecting the attitude towards work, which is indirectly related to the representation of the type of activity, but emphasizes the value and significance of any craft.

Keywords: phraseology, phraseological unit, meaning, subdialects, Moksha language, Russian language, comparison, crafts, trades, nomination

For citation: Mochalova TI, Maslova AYu, Levina MZ. Craft and trade phraseology in Russian and Moksha subdialects on the territory of the Republic of Mordovia. *Finnougrorskii mir = Finno-Ugric World*. 2023;15:4:421-431. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.421-431.

REFERENCES

1. Akimova EN, Mochalova TI. Fishing vocabulary in Russian subdialects on the territory of the Republic of Mordovia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Iazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2023;22:2:49–60. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.2.4.
2. Agapova MA, Zimina IV. Lexicon of spoon and dish-turning crafts on the territory of the Nizhny Novgorod region. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov – 2000: (Materialy i issled.) = Lexical atlas of Russian folk dialects – 2000: (Materials and research)*. Saint-Petersburg; 2003:128–130. (In Russ.)
3. Aleshina LM. Vocabulary of hemp growing in Orel dialects. Orel; 2003. (In Russ.)
4. Anokhina VV, Nikonchuk NV. Polesie beekeeping terminology. *Leksika Poles'ia: Materialy dlja polesskogo dialektnogo slovaria = Vocabulary of Polesie: Materials for the Polesie dialect dictionary*. Moscow; 1968:320–365. (In Russ.)
5. Balanchik NA. Metrological vocabulary of rural textile craft in the old-time dialects of Siberia. *Sel'skaia Rossiia: proshloe i nas-*

- toiashchee. Vyp. 3. Doklady i soobshcheniya deviatoi Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, dekabr', 2004) = Rural Russia: past and present. Moscow; 2004;3:398–401. (In Russ.)*
6. Blinova OI. The nature and ways of changing the industrial vocabulary of the dialect Vershinina village of the Tomsk region. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific notes of Tomsk State University. 1959; 39:115–124. (In Russ.)
 7. Buzakova RN. Stylistic function of expressive words in Mordovian languages. *Finnougristika na poroge III tysiacheletiya (filologicheskie nauki): materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovodov* = Finno-Ugric studies on the threshold of the 3rd millennium (philological sciences). Materials of the II All-Russian scientific conference of Finno-Ugric studies. Saransk; 2000:65–68. (In Russ.)
 8. Grishunina VP, Yershova NI. Phraseological synonyms in Russian and Moksha subdialects of Mordovia. *Finnougarskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:224–232. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.224-232.
 9. Devyatkina EM, Tsypkaykina VP. Structural-semantic and word-formation analysis of meteorological vocabulary of Mordovian languages. *Nauchnoe mnenie* = Scientific opinion. 2014;9-1:160–165. (In Russ.)
 10. Zakharov BF. Finno-Ugric borrowings in the structure of dialect phraseological units (based on the dialects of Pochinky district of Nizhny Novgorod region). *Vzaimodeistvie i vzaimovliyanie iazykov i literatur Povolzh'ya i Priural'ya: materialy mezhdunar. nauch. konf.* = Interaction and mutual influence of languages and literatures of the peoples of the Volga and Ural regions. Materials of the interregional scientific conference. Saransk; 2006:110–114. (In Russ.)
 11. Zvereva YuV, Rusinova II. On thematic dictionary project “Vocabulary of flax processing, spinning and weaving in Russian dialects of the Perm region”. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra* = Perm Federal Research Center Journal. 2022;4:54–63. (In Russ.). DOI: 10.7242/2658-705X/2022.4.6.
 12. Kazantzeva NV. Dialect zones in the Nizhni Novgorod region (based on the field-crop farming vocabulary). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2009;6:251–254. (In Russ.)
 13. Kelina AN. Terminology of weaving in Mordovian languages. *Leksika i grammatika finno-ugorskikh iazykov: mezhvuz. sb. nauch. tr.* = Lexis and grammar of Finno-Ugric languages. Saransk; 1996:146–151. (In Russ.)
 14. Kondrat'eva VP. About the professional vocabulary of Pskov carpenters. *Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena* = Scientific notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. Leningrad; 1969;324:303–317. (In Russ.)
 15. Korolkova MD. Functional patterns of the craft vocabulary of Volga region. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* = Theoretical and Applied Linguistics. 2020;6:55–72. (In Russ.). DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_55_72.
 16. Marinin AV. Fishing vocabulary in Nizhny Novgorod Vad dialects: names of fish. *Russkoe narodnoe slovo v iazyke i rechi: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Russian folk word in language and speech. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Arzamas; Sarov; 2009:255–261. (In Russ.)
 17. Maslova AYU, Mochalova TI, Levina MZ. Representation of the morbid state of a person in the phraseology of Russian and Mordovian dialects on the territory of the Republic of Mordovia. *Finnougarskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:160–170. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.160-170.
 18. Mikheeva NV. From the fishing vocabulary of the Ural Cossacks (names of fishing gear and their parts). Questions of Russian dialectology. Collection of scientific papers. Leningrad; 1976:99–105. (In Russ.)
 19. Olesova NG. Names of fishing gear in the dialects of the Kamchadals. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* = Social and Humanitarian Sciences in the Far East. 2006;1:153–165. (In Russ.)
 20. Ostretsova LM. Thematic group “Fishing gear” in the dialects of the Middle Ishim region. *Materialy i issledovaniia po sibirskoi dialektologii* = Materials and research on Siberian dialectology. Krasnoyarsk; 1981:130–138. (In Russ.)
 21. Podyukov IA. Mythopoetic aspect of Prikamye fishing tradition. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* = Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series 3: Humanities and social sciences. 2013;3:85–95. (In Russ.)
 22. Polyakov OYe, Levina MZ. Culture and language of ancient Mordvinians (Moksha and Erzya ancestors). *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia University Bulletin. 2015;25;3:73–80. (In Russ.). DOI: 10.15507/VMU.025.201503.073.
 23. Rogozhina VF. The functioning of phraseological units in Moksha colloquial speech and their semantic grouping. *Finnougarskii mir* = Finno-Ugric World. 2013;2:70–77. (In Russ.)

24. Sakharova SR. Characteristics of agricultural vocabulary. Southern dialects of the Gorky region. *Srednerusskie govory i pamiatniki pis'mennosti: sb. nauch. tr.* = Central Russian dialects and written monuments. Collection of scientific papers. Kalinin; 1989:34–43. (In Russ.)
25. Titova MV. Professional vocabulary of Altai beekeepers in the aspect of interaction between language and culture. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. Aspirantskie tetradi* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Postgraduate notebooks. 2007;14:204–209. (In Russ.)
26. Trubachev ON. Craft terminology in Slavic languages: (Etymology and experience of reconstruction). Moscow; 1966. (In Russ.)
27. Chumakova IuP. Vocabulary associated with the processing of hemp and wool, spinning and weaving in the Bogoslovchina region of the Ryazan region. *Uchenye zapiski Riazanskogo pedagogicheskogo instituta* = Scientific notes of the Ryazan Pedagogical Institute. Ryazan, 1959;25:341–386. (In Russ.)
28. Sheianova TM. Formation of vocabulary of Mordovian languages. History of vocabulary. Language contacts. Saransk; 1989. (In Russ.)

Submitted 08.06.2023; reviewing 27.06.2023; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. I. Mochalova – Cand. Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Associate Professor, Department of Russian Language, National Research Mordovia State University, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

A. Yu. Maslova – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, National Research Mordovia State University, al_mas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>

M. Z. Levina – Cand. Sc. {Philology}, Head of the Department of Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, Lev.Mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7808-2187>

Современная орфография сквозь призму Открытого корпуса вепсского и карельского языков (на примере послеложных падежей)

Александра Павловна Родионова

Татьяна Петровна Бойко

Наталия Александровна Пеллинен

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН,

Петрозаводск, Россия

Введение. Предлагаемое исследование представляет собой анализ материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков, а также попытку корректировки некоторых правил орфографии новописьменных вариантов карельского языка.

Материалы и методы. В основу работы легли материалы Открытого корпуса вепсского и карельского языков. Применены принципы сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов.

Результаты исследования и их обсуждение. В представленном исследовании авторы обращаются к проблеме нормирования в области грамматики, поскольку от этого зависит орфография литературного языка. По мнению авторов, изъятие так называемых послеложных падежей (аппроксиматива и терминатива) из системы ливвикового именного словоизменения не совсем обосновано. Анализ языкового материала с применением инструментов Открытого корпуса вепсского и карельского языков может быть удачно использован в процессе корректировки некоторых правил орфографии новописьменных вариантов карельского языка. Это исключительно важно прежде всего для людиковского наречия, поскольку его единная литературная форма до сих пор до конца не сформирована и учебная литература на нем практически отсутствует. Проанализировав частоту использования тех или иных категорий, полученные данные можно будет применить для создания унифицированного варианта письменной формы людиковского наречия, приемлемой для носителей разных говоров.

Заключение. Собранный материал и проведенное исследование показали, что принятые ранее решения по изъятию двух падежей из системы ливвикового именного словоизменения не совсем обоснованы. Существование таких послеложных падежей, как терминатив и аппроксиматив, вполне оправданно. Более того, для этого выделения существуют все предпосылки и теоретические основания. При разработке унифицированного варианта письменной формы людиковского наречия также необходимо учитывать включение данных падежей в грамматику.

Ключевые слова: аппроксиматив, терминатив, ливвиковское наречие, людиковское наречие, собственно карельское наречие, новописьменный язык, Открытый корпус вепсского и карельского языков

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Для цитирования: Родионова А. П., Бойко Т. П., Пеллинен Н. А. Современная орфография сквозь призму Открытого корпуса вепсского и карельского языков (на примере послеложных падежей) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 432–440. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.432-440.

Введение

Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи, которой свойственна достаточно развитая падежная система. Например, падежная система вепсского языка включает в себя 18 падежей [2, 69–70], венгерского – 22 [9, 143] и т. д. В карельском языке исследователи выделяют от 9

до 16 продуктивных падежей, что связано с отличиями падежных систем отдельных наречий и диалектов. Так, в ливвиковском наречии совпали в один падеж внутренне-неместные падежи инессив и элатив, а в собственно карельском – внешнеместные адессив и аллатив [10, 190]. Кроме того, падежная система карельского языка ха-

рактеризуется процессом непрерывного становления: некоторые падежные формы находятся на стадии формирования, другие, наоборот, выбывают из обращения и постепенно переходят в разряд наречий. Например, с течением времени, а также под влиянием близкородственных языков (прежде всего вепсского и финского) в языке стали формироваться падежи новейшего образования, так называемые послеложные падежи (аппроксиматив и терминатив), которые возникли путем соединения падежной формы и редуцированного послелога, превратившегося в часть падежного окончания [11, 138]. Тем не менее в грамматику для школ в качестве новых послеложных падежей аппроксиматив и терминатив не включены¹. Мы считаем, что подобное решение вопроса с теоретической точки зрения не является оправданным. Материалы Открытого корпуса вепсского и карельского языков (ВенКар)² подтверждают эту позицию.

Обзор литературы

Авторы обращаются к вопросам орографии в карельском языке, а именно к проблеме употребления послеложных падежей. Обозначенная проблема в научной литературе неоднократно ставилась и обсуждалась в работах отечественных и зарубежных лингвистов [1; 3; 4; 10–12; 15; 18; 20; 21]. Тем не менее, несмотря на ряд выявленных критерии, такие падежи послеложного образования, как аппроксиматив и терминатив, до настоящего момента не были включены в падежную парадигму, что, на наш взгляд, требует корректировки.

Материалы и методы

Исследование выполнено с применением сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов. В его основу легли главным образом мате-

риалы Открытого корпуса вепсского и карельского языков, созданного коллективом сотрудников Института языка, литературы и истории и Института прикладных математических исследований Карельского научного центра РАН в 2016 г.³

Результаты исследования и их обсуждение

В большей части грамматик карельского языка в качестве послеложных падежей принято выделять комитатив на *-nke* со значением “с кем-то, с чем-то”, элатив на *-späi*, *-spiäi* со значением “из чего-то” и ablativ на *-lpäi*, *-lpiäi* со значением “с поверхности чего-то” [10, 231]. Тем не менее в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, а также в диалектах южной группы собственно карельского наречия широко распространеными падежами послеложного образования являются также аппроксиматив и терминатив, что бесспорно объясняется результатом влияния со стороны грамматической системы вепсского языка [3; 6; 11].

В работах, в которых уделяется внимание послеложным падежам [1; 3; 4; 10–12; 15; 18; 20; 21], выявлены достаточно надежные, по нашему мнению, критерии, свидетельствующие о слиянии послелога с формой имени и о превращении его в часть падежного форманта. К ним относятся фонетические (полная утрата ударения; полная утрата паузы; ассимиляция; подчинение закону гармонии гласных; редукция послелога); морфологические (новые падежные окончания входят в парадигматический ряд каждого слова); синтаксические (в отличие от послелога невозможность употребления нового форманта в функции наречия; постоянное употребление нового форманта у однородных членов предложения и т. д.).

¹ См.: Markianova L. Karjalan kielioippi 5–9. Petroskoi, 2002.

² URL: dictorus.krc.karelia.ru (дата обращения: 28.03.2023).

³ Проект ВенКар ведет свою историю с 2009 г., когда в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН под руководством доктора филологических наук Н. Г. Зайцевой началась работа по созданию Корпуса вепсского языка. Корпус включал в себя электронный словарь и пять текстовых подкорпусов (диалектные тексты; фольклорные тексты с двумя подкорпусами: причитания и сказки; два младописьменных подкорпуса: переводы Нового Завета и публицистические тексты). Ресурс содержал собственные системы поиска по различного рода характеристикам: по отдельным словам, диалектам, жанрам фольклора и жанрам младописьменных текстов и т. д.

Таблица 1. Аппроксиматив в ливвиковском наречии карельского языка

Table 1. Approximative case in the Livvik dialect of the Karelian language

Начальная форма / Initial form	Аппроксиматив, ед. ч. / Approximative, singular	Аппроксиматив, мн. ч. / Approximative, plural
emändy ‘хозяйка’ / ‘landlady’	emändäillyö	emändiellyö
jogi ‘река’ / ‘river’	jovelluo	jogielluo, jogiloilluo
koda ‘клетка’ / ‘cage’	kovalluo	kodielluo
kirjuniekku ‘грамотный’ / ‘literate’	kirjuniekalluo	kirjuniekkailluo
soba ‘одежда’ / ‘clothes’	sovalluo	sobielluo
juodu ‘миска’ / ‘bowl’	juvalluo	juodielluo
riehtil ‘сковорода’ / ‘frying pan’	riehtiläillyö	riehtilöillyö
meččy ‘лес’ / ‘forest’	meččillyö	meččiellyö
regi ‘сани’ / ‘sleigh’	riellyö	regilöillyö
veičči ‘нож’ / ‘knife’	veiččellyö	veiččiellyö, veiččilöillyö
kanzi ‘обложка’ / ‘cover’	kannelluo	kanzielluo, kanziloilluo
kätkyt ‘колыбель’ / ‘cradle’	kätkyöillyö	kätkyziellyö
valdukundu ‘государство’ / ‘state’	valdukunnalluo	valdukundielluo
käzi ‘рука’ / ‘hand’	käillyö	käziellyö

Аппроксиматив

Показателями аппроксиматива выступают *-llu* ~ *-llyö*, *-llo* ~ *-llöh*, *-llu* ~ *-lly* со значением ‘к кому-то, к чему-то’, в диалектах также возможны варианты показателей *-luo* ~ *-lyö*, *lluoh* ~ *-llyöh*, *-lluh* ~ *-llyh*, *-llu* ~ *-llyi* и др. (*minu-llu* / *minu-lly* от *minä* ‘я’, *toata-llu* / *tuata-llu* от *toatto* / *tuatto* ‘отец’, *iža-llu* от *iža* ‘отец’) [10, 232].

В карельском языке образование формантата произошло в результате слияния окончания генитива, подвергшегося регressiveйной ассимиляции, и послелога *luo* < **loona* ‘к’ [4; 6, 87; 10, 232]. Следует также отметить, что в ливвиковском наречии послелог, превратившись в падежное окончание, подчиняет свой вокализм вокализму того слова, к которому он примыкает [1, 75]. Тем самым, подчиняясь закону гармонии гласных, послелог перестает быть послелогом и становится «живым» падежом (табл. 1).

Приведем примеры употребления аппроксиматива в корпусе ВенКар⁴:

(ливв.) *Suappais ei sua vierdiä, paletat pohjat, dai per'odat, dai siäret; näi, pidäwainos kävellä hiilavua müö, da mennä juwri tulelluo,*

da vie jallal pollet palajii puwlroi «В сапогах нельзя подсеку палить: подошва сгорит, и переда, и голенища, всё время надо ходить по горячему да подходить к самому огню, да ёщё ногой наступать на горящие деревья»⁵; *Nu minä vietin saldattoi bratanalluo* «Ну, я провёл солдат к двоюродному брату»⁶; *Lähten huomei sizärellyö ad'voih*⁷ «Отправлюсь завтра утром к сестре в гости».

В людиковском наречии аппроксиматив также развился в «живой» падеж. Учитывая различия между говорами людиковского наречия, можно также проследить разницу на примере использования информантами данного падежа в диалектной речи. Так, носителями михайловского диалекта (с. Михайловское) в качестве падежного окончания аппроксиматива используется *-nno*: *kodinno* ‘у дома’ (ср. вепс. *tuli*) *minunno* ‘(пришёл) ко мне’, что указывает на влияние вепсского компонента в южных говорах людиковского наречия. В свою очередь, в южнолюдиковском, или святозерском, диалекте (с. Святозеро, д. Пелдожа, Лижма, Чарнаволок и др.) окончаниями аппроксиматива служат *-llo(o)*: *kodillo(o)*, *-llu*: *kodilluo* (ср. ливв. *kodilluo*) [13, 96]:

⁴ Большинство примеров сопровождаются переводом на русский язык в самом корпусе ВенКар, в противном случае авторы (они же редакторы корпуса) перевели их в процессе работы над статьей. В зависимости от этого знак сноски ставится либо после карельской, либо после русской части примера.

⁵ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1546> (дата обращения: 28.03.2023).

⁶ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1548> (дата обращения: 28.03.2023).

⁷ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4499> (дата обращения: 28.03.2023).

Таблица 2. Терминатив в ливвиковском наречии карельского языка

Table 2. Terminative case in the Livvik dialect of the Karelian language

Начальная форма / Initial form	Терминатив, ед. ч. / Terminative, singular	Терминатив, мн. ч. / Terminative, plural
emändy ‘хозяйка’ / ‘landlady’	emändässäh	emändissäh
jogi ‘река’ / ‘river’	jogessah	jogiloissah, jogissah
koda ‘клетка’ / ‘cage’	kodassah	kodissah
kirjuniekku ‘грамотный’ / ‘literate’	kurjuniekkassah	kurjuniekkoisssah
soba ‘одежда’ / ‘clothes’	sobassah	sobissah
juodu ‘миска’ / ‘bowl’	juodassah	juodissah
riehtil ‘сковорода’ / ‘frying pan’	riehtilässäh	riehtilöissäh
meččy ‘лес’ / ‘forest’	meččässäh	meččissäh
regi ‘сани’ / ‘sleigh’	riessäh	regilössäh
veičči ‘нож’ / ‘knife’	veiččessäh	veiččissäh, veiččilöissäh
kanzi ‘обложка’ / ‘cover’	kandessah	kansissah, kanziloissah
kätkyt ‘колыбель’ / ‘cradle’	kätkyössäh	kätkyzissäh
valdukundu ‘государство’ / ‘state’	valdukundassah	valdukundissah
käzi ‘рука’ / ‘hand’	kädessäh	käzissäh

(люд.) *Šie vot mina kakš yön magain sel babuškalluo* «Так вот я две ночи спала у той бабушки»⁸; *Konz hyö oldih kuhn’al päčilluo, minä magazin kätkydes*⁹ «Когда они были на кухне у печи (стояли), я спала в люльке»; *Ezmaižen nedälin aigal myö ajelimme Kompohd’an piiris – muga sanottu, pohd’alaižil lyydiläžilluo, a siid toižen nedälin aigal ajelimme suvehiziid piirid myöti, olimme keskilyydilaižilluo Priäžan piirin Pyhärves da svivilyydilaazüinno Anuksen piirin Kujärves*¹⁰ «В течение первой недели мы объездили Кондопожский район, побывали у так называемых северных людиков, а на второй неделе были у средних людиков в Святоозере Пряжинского района, и у южных людиков в Михайловском Олонецком районе».

В южнокарельских диалектах собственно карельского наречия послелог, сохранив свое лексическое и семантическое значение, продолжает использоваться в речи параллельно с аппроксимативом, что свидетельствует о незавершенности формирования послеложного падежа в них [10, 232].

Терминатив

Падеж терминатив можно считать достаточно употребительным и продуктивным во многих финно-угорских языках. Обозначение предела в пространстве и

времени также стало передаваться вновь возникшими падежными формами: например, в эстонском языке появился терминатив на *-ni* [5, 44]; в близкородственном вепсском языке сформировался терминатив на *-ssai* со значением ‘до чего-либо’, который считается «продолжателем предполагаемого древнеэстонского терминатива» [4]; в венгерском языке функционирует терминатив на *-ig*, *-eg*; в пермских – на *-ög* (коми), *-озъ* (удмуртский) [17, 114]. Терминатив в водском, ижорском языках, а также в финских диалектах имеет окончание *-(s)saa*: *metsä(s)saa* ‘до леса’, *kyllä(s)saa* ‘до деревни’ [7; 14, 33], которое восходит к послелогу *saakka*. В финском литературном языке имеется послелог *saakka* ‘до’, который в сочетании с иллативной формой имени служит для обозначения конечного предела действия в пространстве или во времени [19, 15].

В ALFE в комментарии к лингвистической карте, посвященной послелогам *asti* и *saakka*, указывается, что послелог *saakka* обязан своим происхождением глагольной основе *saa-*, из которой в ряде языков возникло падежное окончание терминатива¹¹.

В диалектах южных наречий карельского языка показателями терминатива являются *-ssah ~ -ssäh, -ssai, -ssuai* (*yö-ssäh* от

⁸ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4257> (дата обращения: 28.03.2023).

⁹ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3344> (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁰ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3360> (дата обращения: 28.03.2023).

¹¹ См.: *Atlas Linguarum Fennicarum* 1. Helsinki, 2004. S. 324–327.

★ Лексико-грамматический поиск

Рисунок. Лексико-грамматический поиск в Открытом корпусе вепсского и карельского языков

Fig. Lexico-grammatical search in the Open Corpus of the Vepsian and Karelian languages

уё ‘ночь’) [10, 233]. Данный формант образовался в результате слияния показателя иллатива *-h* с редуцированным послелогом *suah* ‘до’ с последующей регрессивной ассимиляцией *h > s* [1, 74], что объясняет незакономерное использование перед формантами сильной ступени чередования согласных. В ливвиковском наречии показатели подчинились закону гармонии гласных (табл. 2).

Приведем примеры использования терминатива в корпусе ВепКар:

(ливв.) *Opi vai nengoine pitkii kezäpäivü huondekses da ehtässäh kumardellakseh puwloin tüves kirvehen libo kassarin kel'e, ga sivuh rubiew kuwlumah, dai käzih kuwluw, dai kaikkeh rungah kuwluw* «Попробуй-ка такой долгий летний день с утра до вечера кланяться у комля дерева с топором или косарем, так даст знать поясница, да и рукам тяжело, да и всему телу даст знать»¹²; *Sinä kezän sil kaskel enämbi emto nimidä ruadanuh, toïzen vuodessah sorrettu meččy kuivi* «В то лето на той подсеке больше ничего не делали, до следующего года сваленный лес подсыхал»¹³.

Окончаниями терминатива в людиковском наречии карельского языка являются *-ssai*, *-suai*. Данный падежный формант не подчиняется гармонии гласных и выступает в заднерядном вокалическом оформлении, как и окончание терминатива в вепсском языке, где гармония гласных отсутствует [4, 60; 10, 233]:

(люд.) *Pogostan n'okaz oli Muale, Bohatterim Miikkulassuai, siid Bohatterim Mikulaspiäi Syrde oli Golovassuai* «Край [деревни] со стороны погоста до дома Мийкула Богаттерин называли Муале, от Мийкула Богаттерин до дома Голован»¹⁴; *Ned d'o Čarniemessuai lopitah, a siid d'o poikki d'ärves, toïzel čural oli Luičamniemi* «Как до Чарнаволока заканчиваются, а потом через озеро, на другой стороне был мыс Луучаннием»¹⁵.

Лексико-грамматический поиск

Основная цель разработчиков и редакторов корпуса ВепКар – не просто сохранить и максимально полно представить состояние вепсского и карельского языков XIX–XXI вв., создавая универсальный национальный корпус, но и на его базе разработать удобный многофункциональный инструмент для современных лингвистических исследований [16, 48].

Начиная с 2016 г. языками и программистами была проделана большая работа по наполнению электронного ресурса не только текстами, но и словарями, а также всевозможными инструментами, обеспечивающими удобную работу в корпусе. Связь между ним и словарями обеспечивается рядом инструментов. Так, частотные словари, выводящие самые распространенные лексемы и словоформы, помогают редакторам расставлять приоритеты в своей работе, т. е. вводить в словарь наиболее распространенные леммы, что спо-

¹² URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1546> (дата обращения: 28.03.2023).

¹³ Там же.

¹⁴ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4810> (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁵ URL: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1614> (дата обращения: 28.03.2023).

собствует максимально быстрому увеличению процента разметки текстов [8, 289]. Кроме того, сами словари представляют собой объект для статистических исследований. Например, хронологические рамки корпуса позволяют проследить динамику лексического состава вепсского и карельского языков за вековой период. Наличие стилистических подкорпусов дает возможность провести аналогичное исследование в рамках текстов определенных жанров или конкретных текстов.

Благодаря инструментам лексико-грамматического поиска (рисунок) пользователь может выявить в массиве текстов и словоупотреблений корпуса необходимые части речи по грамматическим признакам. Уже сейчас доступен поиск по всем частям речи (глаголам, местоимениям, существительным и т. д.), а также по их грамматическим признакам: числу и падежу – для существительных, лицу и числу, наклонению, залогу – для глаголов и т. д.

Большой массив текстового материала, содержащийся в корпусе ВепКар (более 4 700 текстов на 47 диалектах вепсского и карельского языков), способствует более тщательному анализу, например частоты употребления в карельском или вепсском языке тех или иных словоформ. На основе лексико-грамматического поиска можно увидеть, что аппроксиматив и терминатив достаточно часто встречаются в текстах корпуса. В настоящее время употребление терминатива зафиксировано 85 раз в 58 текстах, как диалектных, так и публицистических (прежде всего в карелоязычной газете “Oma Mua” («Родная земля»)) на ливвиковском наречии, аппроксиматива – 37 раз в 22 текстах. Подкорпус текстов пополняется постоянно, поэтому и количество примеров употребления данного падежа будет только увеличиваться.

Анализ языкового материала с применением инструментов корпуса ВепКар может быть использован в процессе корректировки некоторых правил орфографии новописьменных вариантов карельского языка. Это исключительно важно прежде всего для людиковского наречия, поскольку его единая литературная форма до сих пор до конца не сформирована и на нем практически отсутствует учебная литература. Воспользовавшись инструментами корпуса, проанализировав частоту употребления тех или иных категорий, можно будет применить эти данные для создания унифицированного варианта письменной формы людиковского наречия, приемлемой для носителей разных говоров, а также использовать при подготовке новописьменных грамматик на данном наречии.

Нормативные грамматики карельского языка не включают ни одного из представленных в настоящей статье падежей послеложного образования. Согласно точке зрения языковедов, занимающихся проблемами послеложных падежей карельского языка, правомерным представляется выделение в ливвиковском и людиковском вариантах новописьменного карельского языка падежей аппроксиматива и терминатива, столь широко распространенных в диалектной речи. Мы предлагаем включить данные падежи в новописьменные грамматики: аппроксиматив с окончаниями *-lluo/-llüö* в ливвиковском наречии и *-lluo, -npo* в людиковском; терминатив с окончаниями *-ssah/-ssäh* в ливвиковском и *-ssuai* в людиковском.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>veps.</i> –	вепсский язык
<i>livv.</i> –	ливвиковское наречие карельского языка
<i>люд.</i> –	людиковское наречие карельского языка

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубровина З. М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник Ленинградского университета. 1956. № 14. С. 69–86.
- Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка: (Фонетика и морфология). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 360 с.
- Зайцева Н. Г. Падежи послеложного образования в вепсском языке // Вопросы

- финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6. С. 56–63.
4. Зайцева Н. Г. Послеложные падежи в вепсском языке // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание: тез. докл. и сообщений на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению. Саранск, 1972. С. 61–63.
 5. Каск А. Х. Эстонский язык // Языки народов ССР: в 5 т. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 35–61.
 6. Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка: (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 137 с.
 7. Кокко О. Некоторые выражения даты в современном ингерманландском языке // Язык и народ: Социолингвист. ситуация на Северо-Западе России. СПб., 2003. С. 47–55.
 8. Крижановский А. А., Крижановская Н. Б., Новак И. П. Представление диалектов в Открытом корпусе вепсского и карельского языков (ВепКар) // Корпусная лингвистика – 2019: труды междунар. конф. СПб., 2019. С. 288–295.
 9. Майтанская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.
 10. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин А. Карельский язык в грамматиках: сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
 11. Родионова А. П. Новописьменный карельский язык: проблемы становления орфографии // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 5. С. 137–140.
 12. Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. 168 с.
 13. Родионова А. П. Elgendät libo toimitat?: о личном опыте исследования карелов-людиков // Материалы XLII Международной филологической конференции (11–16 марта 2013 г.). Уралистика. СПб., 2013. С. 93–97.
 14. Савиярви И. М. Ингерманландский и финский и ингерманландские финны. Прошлое и настоящее // Язык и народ: Социолингвист. ситуация на Северо-Западе России. СПб., 2003. С. 26–46.
 15. Grünthal R. Finnic adpositions and cases in change. Helsinki: Societe finno-ougrienne, 2003. 235 p. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 244).
 16. Krizhanovskaya N., Novak I., Krizhanovsky A., Pellinen N. Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs // Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 47–78. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.02.
 17. Mägiste J. Terminatiivipäätteiden ja-rakenteiden alalta // Verba Docent: Juhlakirja Lauri Hakulisen 60-vuotispäiväksi 6.10.1959. Helsinki, 1959. S. 114–134. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 263).
 18. Oinas F. J. The Development of some postpositional cases in Balto-Finnic languages. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1961. 190 p. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 123).
 19. Päiviö P. Suomen kielen asti ja saakka. Terminatiivisten partikkeliens synonymia, merkitys, käyttö ja kehitys sekä asema kielipiissä. Turku: University of Turku: Turun Yliopisto, 2007. 264 s. (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja; vol. 75).
 20. Tikka T. Vepsän suffiksoituneet postpositiot: kielipiissiin sijoihin liittyvä suffiksoituminen. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1992. 208 s. (Studia Uralica Upsaliensia; 22).
 21. Viitsö T.-R. Äänisvepsä murde väljendustasandi kirjeldus. Тарту, 1968. 382 с. (Ученые записки Тартуского государственного университета; т. 218).

Поступила 31.03.2023; одобрена 12.05.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. П. Родионова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, santrar@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>

Т. П. Бойко – научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, tatjanboiko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5095-2921>

Н. А. Пеллинен – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, nataliapellinen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5648-6877>

The modern orthography through the prism of the Open corpus of Veps and Karelian languages (on the example of postpositional cases)

Aleksandra P. Rodionova

Tatyana P. Boyko

Natalia A. Pellinen

*Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The proposed research is an analysis of materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages, as well as an attempt to correct some of the spelling rules of the newly written variants of the Karelian language.

Materials and Methods. The study is based on the materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages. In the work the authors used applied comparative and comparative-historical methods.

Results and Discussion. In the presented study, the authors turn to the problem of normalization in the field of grammar, since the spelling of the language depends on it. This article will discuss the use of the according to the authors of the article, the removal of so-called postpositional cases (approximative and terminative) from the system of Livvic nominal inflection is not entirely legitimate. The analysis of the language material using the tools of the Open corpus can be successfully used in the process of correcting some of the spelling rules of the newly written variants of the Karelian language. This is extremely important, first, for the Ludic dialect, since its unified literary form has not yet been fully formed, and there is practically no educational literature on it. After analyzing the frequency of use of certain categories, these data can be used to create a unified version of the written form of the Ludic dialect, acceptable to speakers of different dialects.

Conclusion. The collected material and the conducted research showed that the earlier decision to remove two cases from the system of Livvic nominal inflection is not entirely legitimate, and the existence of such postpositional cases as the terminative and approximative is justified. Moreover, there are all prerequisites and theoretical justifications for this selection. When developing a unified version of the written form of the Ludic dialect, it is also necessary to consider the inclusion of these cases in the grammar.

Keywords: approximative, terminative, Livvic dialect, Ludic dialect, Karelian dialect proper, newly written language, Open corpus of Veps and Karelian languages

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, No. 121070700122-5 "Fundamental and applied aspects of the study of the Baltic-Finnish languages of Karelia and adjacent regions".

For citation: Rodionova AP, Boyko TP, Pellinen NA. The modern orthography through the prism of the Open corpus of Veps and Karelian languages (on the example of postpositional cases). *Fino-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2023;15:4:432–440. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.432-440.

REFERENCES

1. Dubrovina ZM. On the formation of secondary cases from postpositional constructions in the Baltic-Finnish languages. *Vestnik Leningradskogo universiteta* = Leningrad State University Journal. 1956;14:69–86. (In Russ.)
2. Zaitseva MI. Grammar of the Veps language: (Phonetics and morphology). Leningrad; 1981. (In Russ.)
3. Zaitseva NG. Cases of postpositional formation in the Veps language. *Voprosy finno-ugrovedenija* = Questions of Finno-Ugric studies. Saransk; 1975;6:56–63. (In Russ.)
4. Zaitseva NG. Postpositional cases in the Veps language. *Voprosy sovetskogo finno-ugrovedenija. Iazykoznanie: tez. dokl. i soobshchenii na XIV Vsesoiuz. konf. po finno-ugrovedeniju* = Questions of Soviet Finno-Ugric studies. Linguistics. Abstracts of reports and communications at the XIV All-Union Conference on Finno-Ugric Studies. Saransk; 1972:61–63. (In Russ.)
5. Kask AKh. Estonian language. *Iazyki narodov SSSR* = Languages of the peoples of the USSR. Moscow; 1966;3:35–61. (In Russ.)

6. Kovaleva SV, Rodionova AP. Traditional and novation in the vocabulary and grammar of the Karelian language: (according to socio-linguistic research). Petrozavodsk; 2011. (In Russ.)
7. Kokko O. Some date expressions in the modern Ingrian language. *Iazyk i narod: Sotsiolingvist. situatsiya na Severo-Zapade Rossii* = Language and people: Sociolinguistic situation in the North-West of Russia. Saint-Petersburg; 2003:47–55. (In Russ.)
8. Krizhanovsky AA, Krizhanovskaya NB, Novak IP. Dialects in Open corpus of Veps and Karelian languages (VepKar). *Korpusnaya lingvistika – 2019: trudy mezhdunar. konf.* = Corpus linguistics – 2019. Proceedings of the international conference. Saint-Petersburg; 2019:288–295. (In Russ.)
9. Maitinskaia KE. Service words in the Finno-Ugric languages. Moscow; 1982. (In Russ.)
10. Novak I, Penttonen M, Ruuskanen A, Siilin L. Karelian language in grammar: comparative research of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk; 2019. (In Russ.)
11. Rodionova AP. The newly written Karelian Language: Problems of the formation of spelling. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Vestnik of Pomor State University. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2007;5:137–140. (In Russ.)
12. Rodionova AP. Semantics of Karelian grammar. Petrozavodsk; 2015. (In Russ.)
13. Rodionova AP. Elgendät libo toimitat?: about the personal experience of the study of Ludians. *Materialy XLII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii. Uralistika* = Proceedings of the XLII International philological conference. Uralistics. Saint-Petersburg; 2013:93–97. (In Russ.)
14. Saviarvi IM. Ingemanland and Finnish and Ingemanland Finns. Past and present. *Iazyk i narod: Sotsiolingvist. situatsiya na Severo-Zapade Rossii* = Language and people: Sociolinguistic situation in the North-West of Russia. Saint-Petersburg; 2003:26–46. (In Russ.)
15. Grünthal R. Finnic adpositions and cases in change. Helsinki; 2003:244.
16. Krizhanovskaya N, Novak I, Krizhanovsky A, Pellinen N. Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs. *Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics.* 2022;13;2:47–78. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.02.
17. Mägiste J. Terminatiivipäätteiden ja-rakenteiden alalta. *Verba Docent: Juhlakirja Lauri Hakulisen 60-vuotispäiväksi 6.10.1959.* Helsinki; 1959;263:114–134.
18. Oinas FJ. The development of some postpositional cases in Balto-Finnic languages. Helsinki; 1961;123.
19. Päiviö P. Suomen kielen asti ja saakka. Terminatiivisten partikkeliien synonymia, merkitys, käyttö ja kehitys sekä asema kielipissa. Turku; 2007;75.
20. Tikka T. Vepsän suffiksoituneet postpositiot: kielipillisii sijoihin liittyvä suffiksoituminen. Uppsala; 1992;22.
21. Viitso T.-R. Äänisvepsä murde väljendustasandi kirjeldus. Tartu; 1968;218.

Submitted 31.03.2023; reviewing 12.05.2023; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- A. P. Rodionova** – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, santrar@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>
- T. P. Boyko** – Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, tatjanboiko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5095-2921>
- N. A. Pellinen** – Candidate Sc. {Philology}, Junior Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, nataliapellinen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5648-6877>

Коми лексические архаизмы в сказке И. А. Куратова “Микул”

Евгений Александрович Цыпанов

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия

Введение. В финно-угроведении, а также в коми языкоznании совершенно неадекватное внимание уделено сбору и изучению архаизмов – неотъемлемой части лексического состава языка. Обычно считающиеся принадлежащими к пассивному словарному составу, эти лексемы являются ценным источником как для изучения истории языка, так и для его лексического обновления, ревитализации.

Материалы и методы. Статья основана на анализе языка авторской сказки И. А. Куратова “Микул”, выделены несколько лексических архаизмов, не встречающихся в современных коми текстах. Язык произведения середины XIX в. предоставляет интересный материал для исследования архаизмов различного типа. При написании работы применялись традиционные методы лингвистического анализа, проверенные и апробированные в языковедческих исследованиях.

Результаты исследования и их обсуждение. На материале текста авторской сказки основоположника коми литературы Ивана Алексеевича Куратова “Микул” выявлены четыре лексических архаизма (азям, ав/ал, перт, роталь), которые характеризуют узальные особенности языка южных коми-зырян, носителей среднесысольского диалекта. На основе специального анкетирования носителей современного коми языка было установлено, что указанные четыре лексемы им неизвестны ни с точки зрения фонетического звукового облика, ни с точки зрения значений слов. Эти лексемы как исконные диалектные слова не сохранились в языке носителей диалекта, не стали они и принадлежностью современного литературного языка, что говорит о былой вариативности письменной традиции в XX в. В практическом плане материал работы свидетельствует о необходимости комментирования языка поэзии И. А. Куратова при будущих публикациях классического наследия писателя.

Заключение. Рассмотренный материал архаизмов из текста авторской сказки И. А. Куратова “Микул” ярко демонстрирует историческую изменчивость как диалектной лексики, так и морфологической и синтаксической систем, картины коми языка в целом.

Ключевые слова: коми язык, лексикология, лексика пассивного состава, архаизмы, лексические архаизмы

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта ИЯЛИ FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Цыпанов Е. А. Коми лексические архаизмы в сказке И. А. Куратова “Микул” // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 441–449. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.441-449.

Введение

Исследование архаизмов в их широком понимании (не только отдельных лексем) дает ценные теоретические знания о динамике языковых систем конкретных языков, особенно таких, у которых сохранилась богатая письменная традиция. Письменность у коми берет начало во второй половине XIV в., в миссионерской деятельности Стефана Пермского (ок. 1339–1396). Художественная литература у коми-зырян также имеет богатую историю: основоположник коми литературы Иван Куратов (1839–1875) творил в середине XIX в., и тексты его стихов представляют большую ценность для исследователей.

Язык произведений классика коми литературы отразил язык той эпохи в конкретном диалектном варианте, так как в XIX в. не существовало единого нормированного литературного языка. Хотя он писал на родном среднесысольском диалекте, сегодня мы читаем его произведения на литературном языке: в 1930-е гг. усилиями коми лингвиста А. С. Сидорова все труды поэта были перезаписаны в соответствии с нормами литературного языка, принятыми в 1918 г. Эта запись не привела к нивелировке содержания стихов или к обеднению авторского стиля. Лексические и грамматические ресурсы не были заменены на ли-

тературные нормированные, поэтому язык произведений в целом сохраняет изначальную форму. Естественно, авторский язык И. А. Куратова отличается от современного состояния, поскольку за истекшие с того времени 150 лет диалекты и литературный язык претерпели закономерные изменения, благодаря чему определенные элементы языка перешли в разряд архаизмов.

Обзор литературы

Архаизмы в коми языке изучены явно недостаточно: по этой теме нет ни одного более-менее крупного отдельного издания или большой статьи, нет и представительного свода (фонда) архаизмов. Есть лишь раздел в коллективной монографии «Современный коми язык: Лексикология» (автор И. Н. Костромина) [4] и небольшая статья в энциклопедии «Коми язык» (автор Е. А. Айбабина)¹. В отечественном языкоznании теоретическую основу выделения архаизмов в составе пассивного запаса языка определили И. Р. Гальперин и Д. Н. Шмелев [2; 11], в зарубежной лингвистике специалисты опираются на фундаментальную работу по семантике Джона Лайонза [12].

Более подробно архаизмы изучены на материале крупных языков, в частности русского². Что же касается российских финно-угорских языков, то здесь исследование архаизмов представлено в основном на уровне разделов в обобщающих работах по лексикологии (см., например: [3; 5; 8]). Однако раскрытие сущности архаизмов, их роли в предложении в указанных работах отличается краткостью [1, 188]. В трудах по истории литературных языков устаревшая лексика раскрыта гораздо полнее. Одним из них является известная монография А. П. Феоктистова, написанная на материале мордовских языков [9]. Среди пермских языков наиболее подробно архаизмы собраны и описаны в удмуртском языкоzнании. Так, И. В. Таракановым в 2010 г. был издан краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка³.

Архаизмы в творчестве И. А. Куратова также отдельно не рассматривались, однако они были представлены Е. С. Гуляевым в сборнике произведений поэта “Менам муз” («Моя муз»)⁴ в списке непонятных для современного читателя слов (“Кывъяс гёёрвоöдём”). Данный объемистый сборник, насчитывающий свыше 600 с., включает кроме текстов стихотворений И. А. Куратова на коми языке обширное предисловие Е. С. Гуляева, составленные им же подробные текстологические комментарии на коми языке и список непонятных слов с их толкованиями. Автор данной статьи в одной из предыдущих работ также рассмотрел некоторые архаичные элементы языка И. А. Куратова в морфологической системе [10]. Что же касается конкретно стихотворения “Микул”, то наиболее подробный литературоведческий анализ сказки сделан в недавно изданной монографии Л. Е. Суриной [7, 63–68].

Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи послужил текст сказки И. А. Куратова “Микул” (коми имя Микул соответствует русскому Николай, Микола). Данное произведение интересно тем, что написано по мотивам широко встречающихся вариантов юмористической сказки о крестьянине, который хочет по-легкому, за счет добычи шкуры животного (чаще зайца, лисы), достичь богатства и успеха, но в итоге остается у разбитого корыта, ни с чем. В основе юмористического фольклорного сюжета лежит идея высмеивания людей, верящих в чудо скорого обогащения за счет малого. Однако И. А. Куратов создал литературное произведение довольно большого объема, где в действительности высмеял мещанские мечты современников, которые собираются легко и быстро обогатиться, уехать в город, научиться говорить по-русски, завести дружбу с протопопом, построить дом, жениться на знойной, привлекательной женщине и нажить наглых детей.

¹ См.: Айбабина Е. А. Устаревшие слова // Коми язык: Энцикл. М., 1998. С. 509–510.

² См.: Белоусова А. С. Архаизмы // Русский язык: Энцикл. М., 1997. С. 37–38.

³ См.: Тараканов И. В. Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка. Ижевск, 2010.

⁴ См.: Куратов И. А. Менам муз: художественной гижёд чукёр. Сыктывкар, 1979. (Далее ссылки на сборник будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках).

Текст произведения изобилует образными народными выражениями, разговорными клише, словами-архаизмами, историзмами, морфологическими архаизмами, заимствованиями. Все это делает его неповторимым явлением, передает ауру коми разговорного узуса середины XIX в.

Исследование выполнено на основе традиционных методов лингвистического анализа материала: описательного, контекстуального анализа, сравнительно-исторического, сопоставительного, этимологического.

Результаты исследования и их обсуждение

Вначале необходимо представить традиционные определения основных терминов «архаизм» и «историзм», использующихся в нашей работе. Несмотря на кажущуюся ясность в их толкованиях, в реальности есть некоторые трудности разграничения понятий при конкретном анализе материала.

АРХАИЗМ англ. *archaism*, фр. *archaïsme*, нем. *Archaismus*, испн. *Arcaísmo*. Слово или выражение, вышедшие из повседневного употребления и поэтому воспринимающиеся как устарелое. *Русск.* Ваятель, вдовица, втуне и др.⁵

ИСТОРИЗМ англ. *historism*. Слово, вышедшее из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемый им предмет уже неизвестен говорящим как реальная часть их повседневного опыта⁶.

В традиционной лингвистике обе группы лексем объединяются в так называемые устаревшие слова. Например, историзмы и архаизмы объединены в одну статью в энциклопедии «Коми языки»⁷. В коллективной монографии «Современный коми язык: Лексикология» в раздел «Архаизмы» включены и историзмы [4, 98–107]. Обычно в понятие «устаревшее слово»,

по А. С. Белоусовой, вкладывается следующий смысл: «слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка (напр., в совр. рус. яз. “аршин”, “бонна”, “вран”, “конка”))»⁸. При таком подходе часть архаизмов в число устаревших слов не могут включаться, так как в пассивном словаре носителей языка уже не сохраняются. Поэтому в нашем понимании архаизмом является слово, неизвестное для современных носителей коми языка, для которого можно подобрать синоним с понятным для говорящих значением. Для выявления архаизмов вполне пригоден экспериментальный метод социолингвистических опросов обыденных носителей языка (не языковедов, филологов, журналистов, писателей) о знании конкретных лексем.

Приведенный ниже материал в лингвистическом плане представляет собой архаизмы, т. е. слова, «вышедшие из повседневного употребления и поэтому воспринимающиеся как устарелые»⁹. В числе лексических архаизмов зафиксированы четыре словарные единицы: *азям*, *ав/ал*, *перт, роталь*.

АЗЯМ

Слово неизвестно современным носителям среднесысольского диалекта и литературного языка; оно может квалифицироваться также как этнографизм, забытое слово-историзм, тогда как синонимичная ему лексема-историзм *дукёс* ‘армяк, зипун’¹⁰ в какой-то степени сохраняет свое значение в языковом сознании. Приведем пример его употребления И. А. Куратовым:

Сэ́к ми пасътася́мō!
Комын кизь азя́мō
Сэ́ки астьлым вура! (с. 266)

Тогда мы приоденемся!
Тридцать пуговиц в азям
Тогда себе пришью!¹¹

⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007. С. 56.

⁶ Там же. С. 185.

⁷ Айбабина Е. А. Указ. соч. С. 509–510.

⁸ Белоусова А. С. Устаревшие слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 540.

⁹ Ахманова О. С. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Конырева Р. И. Коми-роч кывчукёр. Сыктывкар, 2000. С. 203.

¹¹ Так как в сборнике стихи на русский язык не переведены, а имеющиеся поэтические переводы часто сделаны произвольно или слишком вольно, здесь и далее даны наиболее близкие к оригиналу переводы автора статьи.

Данное слово фиксируется в списке объясняемых слов в сборнике произведений поэта и в нормативном коми-русском словаре: **азям** – дукöс, вылыс пасъём (с. 569); **азям азям, сермяга, армяк, зипун**¹². В коми-зырянских диалектах слово было широко распространено: **АЗЯМ** вв. вс. вым. иж. нв. скр. сс. уд. *азям* (кафтан из синего сукна); употреблялся и глагол *азяմасьны* (надеть азям)¹³.

Лексема является русским заимствованием: «**Азям или озям** – русская старинная верхняя одежда, поначалу употреблявшаяся всеми сословиями, позднее только крестьянами в праздничные дни и в дорогу; длинный кафтан, сермяжный или из толстого сукна домашнего приготовления, носился с кушаком»¹⁴. В свою очередь, в русском языке это слово также заимствовано: «**азям, озям** – мужская верхняя одежда с длинными рукавами; сейчас диал.: перм., владим., томск., олонецк. ... Заимств. из тюрк. (араб.), азерб. Adžam ‘Персия’, тур. adžäm ‘перс’»¹⁵. В тюркских языках слово заимствовано из арабского *аджем*, что «означало любую чуждую нацию, особенно Персию. Отсюда заключалось, что азям был заимствован русскими из Персии»¹⁶.

АВ / АЛ

Слово *ав*, как и диалектное *ал*, неизвестно современным носителям коми языка; в коми художественной литературе оно употреблено лишь в стихах И. А. Куратова:

Сы дырии, зон, пось
Кыдзяя босьтö ставтö,
Сыкёд воштан автö! (с. 265)

При ней (т. е. с женой), парень, жар
Как-то всего охватывает,
С ней потеряешь рассудок!

Тем не менее *ал* зафиксировано в диалектном словаре как принадлежащее ряду диалектов: среднесысолельскому, печорскому и ижемскому: **АЛ** 1) иж. печ. сс. (Втч.

Кур. Плз.) – толк, ум; *енмыс бур ал сетёма* сс. (Кур.) бог дал ему ума; 2) сс. (Втч. Кур. Плз.) – скромность, учтивость, вежливость, покладистость; 3) иж. – красноречие; умение говорить, писать; *гижэм вылас альс вёли* он умел писать¹⁷. Как видим, слово представлено в окраинных диалектах, в большинстве же центральных диалектов оно не употреблялось. В северном ижемском диалекте значение более конкретное: **Ал** красноречие, умение (говорить, писать); толк; *гижэм вылас альс вёли* он умел писать [6, 125].

Лексема *ав* зафиксирована и в словарях литературного коми языка. Однако если в нормативном словаре 1961 г. слово охарактеризовано как устное и диалектное, то в наиболее полном словаре 2000 г. оно уже подано как общелитературное, без помет:

ав уст. и диал. 1) ум; толк; 2) скромность; серьёзность; уравновешенность¹⁸;

ав(-ий) 1) ум, толк: *быдлаын тöдчö ав* везде виден ум; 2) скромность; серьёзность; уравновешенность: *сямлён ав* уравновешенность характера; *авйён олём* пристойное поведение¹⁹.

Такая характеристика для современного состояния совершенно необъективна, так как в созданном электронном Корпусе коми языка употребление слова *ал* ограничивается текстами И. А. Куратова.

Корневой элемент *ав-/ал-* в коми языке употребляется лишь в производных прилагательных, образованных суффиксом *-а*. Приведем примеры из диалектных и нормативного словарей:

Ала красноречивый, умеющий (говорить, писать); толковый; *с'орн'итнысэ* говорить умеет; *алаа с'орн'итны* толково разговаривать [6, 125];

АЛЬЯ вс. лл. печ. сс. то же что *авъя:* зонмыс зэл сс. (Плз.) этот парень очень толковый²⁰;

¹² Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Указ. соч. С. 26.

¹³ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Коми сёрнисикас кывчукёр = Словарь диалектов коми языка. В 2 т. Сыктывкар, 2012–2014. Т. 1. 2012. С. 24.

¹⁴ URL: ru.wikipedia.org/wiki/Азям_(одежда) (дата обращения: 16.11.2023).

¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1. 1986. С. 64.

¹⁶ URL: ru.wikipedia.org/wiki/Азям_(одежда) (дата обращения: 16.11.2023).

¹⁷ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Указ. соч. Т. 1. С. 26.

¹⁸ Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Коми-русский словарь. М., 1961. С. 18.

¹⁹ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Указ. соч. С. 23.

²⁰ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Указ. соч. Т. 1. С. 23.

авъя 1) серьёзный; толковый: *морт* серьёзный человек; 2) приветливый; вежливый; тактичный: *аңь* приветливая женщина; 3) внимательный: *вегёдчысь* внимательный ученик; 4) выразительный: *чужом* выразительное лицо²¹.

Производное прилагательное *алтём* употребительно в верхнесысольском и среднесысольском диалектах:

АЛТЁМ вс. (Гр.) сс. (Плз.) бестолковый; легкомысленный: *бабаыс зэл, катша көдь* сс. жена его очень легкомысленная, как сорока²².

Кстати, слово *алтём* зафиксировано и в литературном журнале “Войыв кодзув” («Полярная звезда») как диалектное включение: *Йой и эм. Алтём баб. Кыдзкё-мёйкё чеччи, пыркёдчи, мысси*²³ «Дура и есть. Бестолковая бабушка. Как-то встала, отряхнулась, умылась».

Вполне можно допустить, что широкоупотребительный в древности корень *ав-/ал-* в настоящее время представлен лишь в производных словах.

Интересно проследить этимологию слова, она представлена в коми этимологическом словаре: «**авъя** ‘скромный, сдержаный’, ‘серёзный’, ‘приветливый, вежливый, учтивый’; *al* дп.; *alja, ala* диал. (корень *al-*). Ю. Вихман сравнивает с ф. *äly* ‘ум, разум, интеллект’ (FUF, XVI, 185). Слово восходит, по-видимому, к *e*-овой финно-угорской основе (**ale-* или **äle-*). Производные: *авъяны, алъяны* ‘успевать, смыслить, иметь успех в каком-либо деле или работе’ (Рог.). К. > хант. *S. alemə*, манс. *So. alima-* ‘успеть’ (Stein., 93)»²⁴. Отсутствие удмуртских соответствий говорит о том, что слово *ал* не общепермское, оно имеет общекоми происхождение и прямо связано с влиянием прибалтийско-финских языков, ср. финские слова: *äly* ‘ум, разум’, *älykäs* ‘умный, сообразительный’, *älyllinen* ‘умственный, интеллектуальный’.

ПЕРТ

Лексема не зафиксирована в лексикографических источниках, не была включена она и в перечень объясняемых слов в сборнике произведений И. А. Куратова.

Грездысь муна карö!
Сэки съыв да ов!
Сэк ме, зонмай, лоа
Ачым ыджыд перт.
Сэк ме гёгёрвоа
Роч кыв ёна, дерт (с. 265)

Из деревни поеду в город!
 Тогда хоть пой и пляши!
 Тогда я, парень, буду
 Сам великой фигурой.
 Тогда я понимать буду
 Русский язык хорошо (досл. сильно), конечно.

Вероятно, слово *перт* активно использовалось в родном для автора диалекте и не сохранилось до нашего времени. Опросы нынешних носителей диалекта показали отрицательный результат. Однако *перт-* сохраняется в качестве корневой основы слова *пертас*, где *-ас* является словообразовательным суффиксом. Ниже приводятся примеры из диалектов и литературного языка:

ПЕРТАС I 1) вв. (П.) вс. (Гр. М.) нв. печ. скр. общее очертание; облик, обличье, внешность; *кульсь пертаса* вс. (М.) похож на умирающего 2) уд. (Ваш.) примерно, приблизительно; лёк *пертасъяс* нв. чёртово отродье;

II нв. местность; *матыс* окрестности;
 III уд. внутренность избы²⁵.

Как показывает материал, выделенные составителями словаря в качестве омонимов на основе расширения значений лексические единицы в действительности являются полисемантами, в основе которых лежит основное значение ‘облик, обличье, форма’. Причем выступающее производной лексемой слово *пертаса* отдельно в словаре не выделено, хотя и представлено в составе примеров. В литературном языке его значение не столь широкое:

пертас облик, обличье *прост.*²⁶;

²¹ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Указ. соч. С. 24.

²² Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Указ. соч. Т. 1. С. 27.

²³ Чугаева А. Кики бордяся кывъяс // Войыв кодзув. 2022. № 3. С. 54.

²⁴ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 30.

²⁵ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Указ. соч. Т. 2. 2014. С. 100.

²⁶ Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Указ. соч. С. 531.

пертас облик; обличье; внешность: *батыс пертаса* (прил.) нын девочка, похожая на отца²⁷.

Кроме того, в литературном языке употребляется и сложное прилагательное *отпертаса*, например: **отпертаса** прил. однообразный; *олом* однообразная жизнь²⁸. Оно образовалось путем копуляции атрибутивного словосочетания *оти пертаса* (досл. ‘с одной формой, обличьем’) в сложное слово.

Интересна этимология слова: основа *перт-* восходит к финно-угорской языковой общности. Этимологический словарь коми языка дает следующую версию развития слова: «*пертас* ‘облик, обличье’; *пертас* уд. ‘внутренность избы’, скр. ‘общее очертание’ (Диал. хр.); *пертас* нв. ‘окрестности’ (ССКЗД); основа *пер-* означала ‘округ, окрестность, район, очертание, абрис’, ср. мокш. *перя*, эрз. *пире* ‘огород, усадьба’, пирямс ‘огородить, окружить’, ф. *rīgī* ‘круг, район, край, местность’, *rīgte* ‘чертга, штрих’, *rīrtää* ‘рисовать’, саам. *birrā* ‘тж’ (Coll.; SKES). = Доперм. **pärs-* > общеп. **per-*; неясно, относится ли сюда удм. *поръяны* ‘кружиться, парить’²⁹. Вероятно, в коми языке слово *перт* широко употреблялось самостоятельно в отношении характеристики живого лица, человека и, как показывает фрагмент сказки “Микул”, имело значение ‘фигура, значительный человек’. В этом значении слово может быть активизировано и в современной коми литературе, особенно в поэзии.

РОТАЛЬ

В словарях коми литературного языка слово не включено, хотя оно употребляется у И. А. Куратова:

Мед оз лякны пос,
Ротальяслы рос
Тиёкта вайны сьёрдысь.
Слуга да казак
Вотасны сэк тишак (с. 265).

²⁷ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Указ. соч. С. 495.

²⁸ Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Указ. соч. С. 505–509.

²⁹ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Указ. соч. С. 220.

³⁰ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Указ. соч. Т. 2. С. 295.

³¹ Там же. С. 298.

³² Там же. С. 299.

³³ Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Указ. соч. С. 601.

³⁴ Там же.

³⁵ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Указ. соч. С. 243.

³⁶ См.: Цыпанов Е. А. Коми видчанкывъяс: зэв асльисикас кывкуд. Сыктывкар, 2021. С. 158.

Чтобы не заляпали лестницу,
Служанкам-оборванкам метлу
Прикажу доставить из низинного ельника.
Слуги и баграки
Соберут в то время грибы.

Хотя в современных южных коми диалектах слово практически не звучит, ранее оно было зафиксировано диалектологами и включено в словарь, например: **РОТАЛЬ** сс. босяк³⁰. Слово производное, образовано с помощью малопродуктивного суффикса *-аль*. Иные слова с корнем *rot-* также представлены в диалектах и литературном языке:

РОТОШЕНЬ лл. (Лет.) оборванец, оборванка³¹;

РОТЬЁ лл. (Об.) то же, что **ротошень**³²;
рот собир. лохмотья, отрепье; тряпье³³;
ротас то же, что *рот*³⁴.

Этимологически основа *rot* также финно-угорского происхождения: «*rot*, *rotas*, *rotös* ‘лохмотья, отрепье, тряпье’; *rotalъ* сс. ‘оборванец, босяк’ (И. А. Куратов) | удм. *жот-жот* ‘на куски, на части (изрезать, изломать)’, *жотырес* ‘хрупкий, ломкий’. – Общеп. **rot* или **röt* ‘кусок, часть, тряпка, рвань’; отсюда также ротлыны, рутлыны ‘чинить, латать, накладывая много заплат’; *rottвысыны* вс. ‘обрепаться, истрапяться, изорваться (об одежде)’ (<**rotjis ni*) (ССКЗД) || ? ф. *rätti*, *rätin* ‘тряпка’ | ? хант. *rəm'ы* ‘тряпка, тряпица, хлам’ или *röt* ‘бахрома’ (Тер. Оч. I.). = Доперм. **rättə-*»³⁵.

Слово *роталь* было включено в словарь специального словаря пейоративных лексических единиц “Коми видчанкывъяс” («Коми нехорошие слова»)³⁶, что стало своеобразной легализацией лексемы в коми литературном языке.

Заключение

Все рассмотренные слова, лексические архаизмы *азям*, *ав/ал*, *перт*, *роталь*, как показывает ткань текста авторской сказки И. А. Куратова “Микул”, ранее, в се-

редине XIX в., активно употреблялись в родном для автора среднесысольском диалекте коми языка (зырянский национальный вариант общекоми языка). Кроме слова *азям*, все три основы слов являются по происхождению древними, восходящими к финно-угорской праязыковой общности. Однако нынешние носители диалекта считают эти лексемы для себя совершенно неизвестными. Это говорит о том, что за прошедшие 150 лет

диалектный состав лексики значительно изменился, обновился за счет появления новых коми лексем или за счет русских заимствований. Тем не менее произведение классика, основоположника коми литературы И. А. Курагова “Микул” остается вполне понятным, хотя в дальнейших изданиях было бы необходимо его сопроводить постраничными комментариями относительно значений отдельных слов-архаизмов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

англ. –	английский язык
<i>Vаш.</i> –	говор с. Вашка
<i>вв.</i> –	верхневычегодский диалект
<i>вс.</i> –	верхнесысольский диалект
<i>Втч.</i> –	говор с. Вотча
<i>вым.</i> –	вымский диалект
<i>Гр.</i> –	говор с. Грива
<i>диал.</i> –	диалектное слово
<i>досл.</i> –	дословно
<i>иж.</i> –	ижемский диалект
<i>исп.</i> –	испанский язык
<i>Кур.</i> –	говор с. Курагово
<i>Лет.</i> –	говор с. Летка
<i>лл.</i> –	лузско-летский диалект
<i>М.</i> –	говор д. Мирыонаыб

<i>нв.</i> –	нижневычегодский диалект
<i>нем.</i> –	немецкий язык
<i>Об.</i> –	говор с. Объячево
<i>П.</i> –	говор д. Пустошь
<i>печ.</i> –	печорский диалект
<i>Плз.</i> –	говор с. Палауз
<i>прил.</i> –	прилагательное
<i>прост.</i> –	просторечное слово
<i>Русск.</i> –	русский язык
<i>скр.</i> –	присыктывкарский диалект
<i>собир.</i> –	собирательное значение
<i>сс.</i> –	среднесысольский диалект
<i>уд.</i> –	удорский диалект
<i>уст.</i> –	устаревшее
<i>фр.</i> –	французский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешкина Р. А., Алямкин Н. С. Лексика мордовских языков с точки зрения активного и пассивного запаса // Лексикология современных мордовских языков. Саранск, 1983. С. 185–192.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
- Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С. Современный марийский язык: Лексикология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1972. 183 с.
- Костромина И. Н. Архаизмы и неологизмы в словарном составе коми языка // Современный коми язык: Лексикология. М., 1985. С. 97–113.
- Лексикология современных мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина; Мордов. гос. ун-т. Саранск, 1983. 294 с.
- Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.
- Сурнина Л. Е. Авторская позиция в крестьянском цикле стихотворений И. А. Курагова. Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2021. 91 с.
- Тараканов И. В. Туала удмурт кыл лексикология = Лексикология современного удмуртского языка. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. 139 с.
- Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период). М.: Наука, 1976. 259 с.
- Цыпанов Е. А. И. А. Курагов кывбуръясын кывлён важ аслыссиаслунъяс йылысь // Курагов йылысь лыдьбюмторъяс: в 6 т. Сыктывкар, 1990. Т. 6. С. 127–133.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
- Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.

Поступила 25.04.2022; одобрена 25.05.2022; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. А. Цыпанов – доктор филологических наук, заведующий отделом языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, tsypanov@mail.illhkomisc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6351-2896>

Komi lexical archaisms in fairy tale “Mikul” by I. A. Kuratov

Evgeny A. Tsypanov

Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia

Introduction. In Finno-Ugric studies, as well as in Komi linguistics, an inadequate attention is paid to the study of archaisms as an integral part of the lexical composition of languages. Usually, these lexemes being a part of the passive vocabulary, are a valuable source for studying the history of languages, as well as an important source of lexical renewal, revitalization of the language.

Materials and Methods. The paper is based on the analysis of the language of I. A. Kuratov's fairy tale “Mikul”; several lexemes and phenomena of syntactic and morphological archaisms that are not found in modern Komi texts are highlighted. The language of the works written in the middle of the XIX century provides interesting material for the study of archaisms of various types. When writing the paper, the traditional methods of linguistic analysis were used, those which have been tested in linguistic studies.

Results and Discussion. Based on the text of the fairy tale of the founder of the Komi literature, Ivan Alekseevich Kuratov “Mikul”, it revealed 4 lexical archaisms (*azyam, aw/al, perth, rotal*), which characterize the usual features of the language of the southern Komi-Zyryans, the speakers of the mid-Sysola dialect. Based on a special survey among the speakers of the modern Komi language, it was revealed that the four identified lexemes are unknown to them both from the point of view of phonetic sound and from the point of view of word meanings. These lexemes, as native dialect words, are not preserved in the language of dialect speakers, nor have they become part of the modern literary language, which indicates the former variability of the written tradition in the XX century. In practical terms, the material of the work suggests the need to comment on the language of I. A. Kuratov's poetry in future publications of the writer's classical heritage.

Conclusion. The considered material of archaisms from the text of Kuratov's fairy tale “Mikul” vividly demonstrates the historical variability of both dialect vocabulary and morphological and syntactic systems, the picture of the Komi language as a whole.

Keywords: the Komi language, lexicology, vocabulary of passive composition, archaisms, lexical archaisms

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Federal Research Centre of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, state registration number of the IYALI project FUUU-2021-0008 “Perm languages in the linguistic and cultural space of the European North and the Urals”.

For citation: Tsypanov EA. Komi lexical archaisms in fairy tale “Mikul” by I. A. Kuratov. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World.* 2023;15:4:441–449. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.441-449.

REFERENCES

1. Aleshkina RA, Aliamkin NS. Vocabulary of Mordovian languages from the point of view of active and passive stock. *Leksikologiya sovremennoykh mordovskikh iazykov = Lexicology of modern Mordovian languages.* Saransk; 1983:185–192. (In Russ.)
2. Gal'perin IR. Essays on the stylistics of the English language. Moscow; 1958. (In Russ.)
3. Kazantsev DE, Patrushev GS. Modern Mari language: Lexicology. Yoshkar-Ola; 1972. (In Russ.)
4. Kostromina IN. Archaisms and neologisms in the vocabulary of the Komi language.
5. Sovremennyi komi iazyk: Leksikologiya = Modern Komi language: Lexicology. Moscow; 1985:97–113. (In Russ.)
6. Tsygankin DV, ed. Lexicology of modern Mordovian languages. Saransk; 1983. (In Russ.)
7. Sakharova MA, Sel'kov NN. Izhma dialect of the Komi language. Syktyvkar; 1976. (In Russ.)
8. Surnina LE. The author's position in the peasant cycle of poems by I. A. Kuratov. Syktyvkar; 2021. (In Russ.)
9. Tarakanov IV. Lexicology of the modern Udmurt language. Izhevsk; 1992. (In Udm.)

9. Feoktistov AP. Essays on the history of the formation of Mordovian written and literary languages (early period). Moscow; 1976. (In Russ.)
10. Tsypanov EA. About archaic features of the language of I. A. Kuratov's poems. *Kuratov iylys' lydd'ömtor"ias* = Kuratov readings. Syktyvkar; 1990;6:127–133. (In Komi)
11. Shmelev DN. Modern Russian language. Vocabulary. Moscow; 1977. (In Russ.)
12. Lyons J. Semantics. Cambridge; 1977.

Submitted 25.04.2022; reviewing 25.05.2022; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. A. Tsypanov – Doctor of Philology, Head of the Department of Language, Literature and Folklore, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, tsypanov@mail.illhkomisc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6351-2896>

Религиозно-магическая основа гаданий в традиционной культуре мордвы

Татьяна Петровна Девяткина

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсеева

Серафима Сергеевна Панфилова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Введение. Гадания бытуют во всем мире; кроме того, прослеживаются близкие тенденции даже в традициях изолированных друг от друга народов, поскольку тяга к познанию будущего и поиск подходящих для этого инструментов являются общей чертой человечества. В статье представлено исследование оккультных практик мордвы. Выявлены религиозные и магические основы гаданий как неотъемлемой части традиционной культуры данного финно-угорского этноса.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе опубликованных научных фольклорно-этнографических работ и полевых материалов авторов. Их анализ осуществлен посредством описательного и сравнительного методов в синхронии и диахронии.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование показало, что в традиционной культуре мордвы гадания проводились с использованием специальных религиозно-магических действий для получения определенной информации. Мордовские гадания можно классифицировать двумя способами: по количеству исполнителей – на индивидуальные и коллективные; по частотности практики – на приуроченные к главным христианским праздникам и проводившиеся по случаю. Гадания были интегрированы в обряды (похоронно-поминальные, свадебные, родильные, семейно-бытовые), языческие моления-ожижи, снотоплования, приметы. Проанализированные примеры демонстрируют большое разнообразие практик гаданий в традиционной культуре данного финно-угорского этноса. Кроме того, определен уровень трансформации гаданий в современной культуре мордвы.

Заключение. При анализе традиционных мордовских гаданий впервые выявлены различные способы обрядовых действий и их религиозно-магическая основа. Функции гаданий разнообразны. Преобладающими были гадания на замужество, жизнь и смерть, материальную обеспеченность, урожай, погоду. Некоторые из них обнаруживают сходство с русскими и гаданиями других финно-угорских этносов. В современной культуре мордвы традиционные гадания подверглись значительной трансформации, однако полностью не исчезли из бытования.

Ключевые слова: мордва, гадания, язычество, религиозно-магические обряды, приметы, гадания на сон, домашние животные, птицы

Для цитирования: Девяткина Т. П., Панфилова С. С. Религиозно-магическая основа гаданий в традиционной культуре мордвы // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 450–460. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.450-460.

Введение

Гадания использовались уже на ранней стадии развития религиозно-магических представлений мордвы. Они были интегрированы не только в традиционные языческие обряды, но и во многие сферы повседневной жизни (хозяйственно-бытовую, личную, общественную). Иссле-

дование было предпринято с целью определения религиозно-магической основы гаданий как составной части традиционной культуры мордвы¹. Одной из задач было выявление уровня трансформации практик гадания в современной мордовской культуре.

¹ Результаты исследования были частично представлены на XIII Международном конгрессе финно-угроведов (Вена, 2022 г.). См.: Deviatkina T., Panfilova S. Religious and magical roots of fortune-telling in the traditional culture of the Mordva (abstract) // Congressus XIII Internationalis Fenno-Ugristarum = 13th International Congress for Finno-Ugric Studies. Book of Abstracts. Vienna, 2022. URL: <https://ciful13.univie.ac.at/programme/general-sessions/#c892602>.

Обзор литературы

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ опубликованных научных работ показал, что представленная нами тема не была предметом отдельного исследования в данном аспекте. Однако материалы мордовских гаданий единичного описательного характера были отражены в публикациях русских собирателей фольклора и этнографии начиная со второй половины XIX в. В частности, И. И. Лепехин зафиксировал гадание о нраве невестки во время свадьбы [8, 176], М. Т. Маркелов – об урожае [9, 54], П. И. Мельников-Печерский – о суженом, замужестве [10, 101–102]. Несколько мордовских гаданий на сон записал финский профессор Х. Паасонен². Наибольшее количество описаний гаданий содержится в 12-м томе серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»³. Изучение мордовских традиционных гаданий впервые было предпринято Т. П. Девяткиной⁴ и в дальнейшем осуществлялось в контексте некоторых ее научных публикаций [2, 55]. В настоящем исследовании с целью сравнения были привлечены данные о гаданиях других финно-угорских народов России: марийцев [15], удмуртов [1], коми [6; 7], карелов [11].

Материалы и методы

В основу исследования положены фольклорно-этнографические источники, в том числе собственные полевые материалы авторов, собранные во время экспедиционных поездок в районы Республики Мордовия посредством интервьюирования информантов. Привлекались также данные по народным приметам и сюжетам мордовы. В плане методологии исследование проведено исходя из принципа историчности и системного анализа культурно-этнических процессов. В частности, применялись описательный и сравнительно-сопоставительный методы в синхронии и диахронии.

Гадание не предрекает однозначных событий, а, скорее, предоставляет информацию и дает практические советы, как поступить в той или иной ситуации с наибольшей для человека выгодой или же, в случае неминуемого негатива, с минимальным ущербом.

В традиционной культуре мордовы, как и во многих других культурах мира, гадания занимали особое место. Как следует из опроса информантов, больше гадали девушки, меньше – женщины; бытовали также коллективные гадания парней, мужчин. Гадания мордовы отражены в различных обрядах (похоронно-поминальных, свадебных, родильных, семейно-бытовых), приметах, сюжетах сюжетов. Однако большая часть из них (специальные гадания) проводилась во время языческих обрядовых праздников-оуксов, которые после принятия христианства были приурочены к основным православным праздникам (Старому Новому году, Рождеству, Крещению, Ивану Купале и – реже – Петрову дню), а также во время совершения семейных обрядов (свадьбы, поминок, рождения, переезда в новый дом и т. д.). Такие гадания считались наиболее точными и судьбоносными.

Представители мордовского народа верили, что при соблюдении места и времени, использовании особых предметов человек может с помощью духов умерших предков, нечистой силы установить связь этого мира с потусторонним и получить «знаки» своей судьбы. В гаданиях есть некий психологический эффект: благоприятное гадание повышает в некоторых случаях психическую энергию, уверенность в себе, уверенность в успехе, а неблагоприятное, напротив, может подействовать на психику угнетающе; поэтому можно считать, что благоприятное гадание помогает желаемому «сбыться» [14, 63]. Видимо,

² См.: Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen; hrsg. und ubers. von P. Pavila. Helsinki; Turku, 1947. Bd. 4. S. 729–730.

³ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа (далее – УПТМН). Т. 12. Народные приметы мордовы / сост., запись Т. П. Девяткиной. Саранск, 2003. С. 282–290.

⁴ См.: Девяткина Т. П. Мифология мордовы. Саранск, 1998. С. 102–106.

действительно в процессе гадания человек обретал уверенность в ситуации неопределенности.

В связи с тем, что для узнавания будущего необходимо было потустороннее посредничество, в сознании мордовского народа специальные гадания воспринимались как нечто таинственное, скрывающее в себе определенную магию. Сближение иных миров с миром людей несло в себе потенциальную опасность разрушения космического порядка и земной гармонии. Неслучайно гадающие соблюдали ряд предостережений-оберегов: чертили круг (в основном против нечистой силы) и ложились в него. Чтобы не удушил нечистый, все действия совершали быстро (долгий контакт запрещался). В этих же целях уничтожали предметы, использованные для гадания. Например, девушки, увидев во время гадания суженого, зеркало сразу же разбивали.

Во время специальных гаданий с целью установления контакта с потусторонними силами совершали действия магического характера: распускали волосы, снимали с себя пояс, украшения (с принятием христианства – нательный крест, чтобы помогала нечистая сила).

К месту гадания обычно шли молча, тайком, чтобы никто не видел, поскольку встреча с человеком предвещала неудачу, если это не было запланировано (иногда специально гадали на встречного человека, например с целью узнать имя будущего мужа). Как правило, для гаданий выбирали темные «нечистые» места (баню, хлев), а также пограничное пространство (ворота, колодец, перекрестки дорог; последние обладали особенно глубокой символикой). Благоприятным временем для гаданий считали вечер (до полуночи) и полночь, реже (обычно летние гадания) – до восхода солнца.

Распространенными были гадания на замужество, жизнь, смерть, материальную обеспеченность, урожай. Наибольшее количество гаданий совершалось на Рожде-

ство, и в большей части они были сходны с русскими. Чаще всего в это время девушки гадали о замужестве: клали под подушку первый кусок хлеба, взятый за ужином, – жених во сне приснится; садились верхом на лошадь, у которой были завязаны глаза: если лошадь шла к воротам – к свадьбе, если к стойлу – оставаться в девках [10, 102]. Брали охапку дров в руки: четное количество дров – в этом году выйдет замуж. Девушки ставили свою обувь друг за другом от середины дома до первого порога: у кого обувь выходила за порог – первой быть замужем⁵.

Девичьи гадания в досвадебной обрядности были характерны и для карелов [11, 195–196].

При гаданиях о замужестве мордовские девушки также стремились узнать материальное положение будущего мужа: если к просунутой через дымовое окошко бани руке прикасалось что-то мохнатое – муж будет богатый. Ходили считать у хлебного амбара бревна и приговаривали к каждому: «Кузов, короб, сусек». Если на последнее бревно приходилось слово «кузов» – быть замужем за бедным, если «короб» – за человеком среднего состояния, а если «сусек» – то за богачом. С этой же целью для гадания использовали горох: брали горсть гороха и считали с теми же словами горошины [10, 101–102]. Пытались узнать и цвет волос жениха: в полночь с завязанными глазами входили в овечий хлев и вырывали у первой попавшейся овцы клок шерсти [4, 458]. Если вырванная шерсть черная – будущий муж будет брюнет, если белая – блондин⁶.

О месте замужества гадали по стуку (стучали ложкой в ворота), ляю собак (с какой стороны слышали лай – в ту сторону замуж выйдет), выброшенному через ворота мусору; по брошенному венику, которым парились в бане⁷; по дыму: в какую сторону пойдет дым – в ту сторону выйдет замуж (девушки обращались к дыму от печи с просьбой показать сторону замужества). По сучкам поленьев, вытащенных

⁵ Полевые материалы авторов (далее – ПМА): 2003 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

⁶ См.: УПТМН. Т. 12. С. 14.

⁷ См.: Deviatkina T. Mythologie Mordve: encyclopédie. Saransk, 2013. P. 103.

из поленицы, определяли количество детей (сколько сучков – столько будет детей) [12, 55].

Некоторые мордовские гадания связаны с бросанием вещей через голову, что было характерно и для русских и марийских гаданий. Валенок или башмак бросали через голову за ворота, а потом смотрели: в какую сторону указывает носок – в ту девушка и выйдет замуж [15, 51].

О счастье в замужестве, свадьбе гадали по отпечатку туловища на снегу (если по этому месту кто-то прошел – счастья не будет); по расплавленному олову или свинцу (если образовался круг – к свадьбе). Чтобы увидеть будущего мужа, использовали в полночь зеркало (данный способ считали очень опасным). Гадали (и до сих пор гадают) на имя будущего супруга: выходили в ночь на Рождество на улицу и у первого встречного спрашивали его имя (таким будет и имя мужа – по подобию)⁸.

Традиционными были гадания на сон о суженом: под подушку клади предметы, обладающие, согласно традиционным взглядам, магическими свойствами (ключ, замок, зеркало, гребешок). Чтобы приснился суженый, закрывали колодец на замок и ключ клади под голову. В этих же целях мокшанские девушки сыпали за пазуху овес, под голову клади замок и произносили: “*Катк васязе-полазе онц шовори*” («Пусть суженый мне приснится»). Перед сном под кровать ставили сковородку и говорили: “*Васянязе – поланязе, сак пачада ярхцама*” («Суженый, приходи на блины»). Также приглашали будущего мужа прийти во сне расчесать волосы (предварительно это делала сама девушка); писали на бумагке мужские имена, клади под подушку и утром вытаскивали одну бумагку – с именем жениха⁹. Гадания на сон были характерны и для других этносов [15; 20].

Мордва практиковала предсвадебные и свадебные гадания, часть из которых тесно связана с приметами. Например,

накануне свадьбы в бане девушки гадали на характер жениха: сильно зашипит пар на камнях – с характером, слабо – мягкий нрав [3, 36]. На мужа гадали по пирожкам, которые клади в день свадьбы перед эрзянской невестой (с хмелем возьмет – пьяница будет, с шерстью – богатый, с солью – к печальной жизни); в церкви примечали: у кого свеча горит быстрее – меньше проживет. В настоящее время продолжают примечать: кто из молодых первым наступит на полотенце перед венчанием – тот и будет главенствовать в семье¹⁰. Характер молодых определяли и по природным явлениям: в день свадьбы сильный ветер – молодые с характером, гром – сердитые¹¹.

Бытовали разнообразные способы гадания о смерти. Смерть и посмертное существование являлись одной из определяющих идей языческого мировоззрения мордвы. Несмотря на то что время и обстоятельства смерти человеку не могут быть известны (она приходит неожиданно), люди стремились узнать продолжительность своей жизни с помощью различных гаданий.

Следует отметить, что хлеб, а также любую выпечку (в которую впитывается энергетика человека) мордва довольно часто использовала во время гаданий. На второй день свадьбы у мордвы-эрзи специально подбрасывали кусок хлеба: если он падал коркой вверху – родится первенец-мальчик, мякишем – девочка; у мордвы-мокши бросали горбушку хлеба, использованного в обряде наречения невестки: если упадет на срез – первой родится девочка¹². У этнографической группы мордвы-шокши во время свадьбы молодые бросали обрядовые хлеба вверх: кто кинет выше – тот и будет верховодить в доме¹³.

⁸ ПМА: 2022 г., Рузаевский район РМ, с. Салазгорь, информант К. С. Аникина, 1954 г. р.

⁹ См.: УПТМН. Т. 12. С. 287.

¹⁰ ПМА: 2003 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

¹¹ См.: Девяткина Т. Мокшэрзянь мифологиясь. Tartu, 2002. С. 71.

¹² См.: УПТМН. Т. 12. С. 282.

¹³ ПМА: 1982 г. Теньгушевский район РМ, с. Шокша, информант А. И. Мельцаева, 1940 г. р.

Пол будущего ребенка пытались предсказать по форме живота беременной: круглый – к девочке, заостренный – к мальчику; найдет пуговицу беременная – к девочке; гадали по рукам – если беременная, показывая руки, поворачивает их ладонями вверх – родится девочка, вниз – мальчик¹⁴.

Бытовали разнообразные способы гадания о смерти. Смерть и посмертное существование являлись одной из определяющих идей языческого мировоззрения мордвы. Несмотря на то что время и обстоятельства смерти человеку не могут быть известны (она приходит неожиданно), люди стремились узнать продолжительность своей жизни с помощью различных гаданий. В частности, о смерти гадали перед Рождеством и Новым годом. Для этого на оконные наличники клали кусочки хлеба или волосы: чей кусочек или волос пропадет к утру – тот умрет [13, 60]. В качестве других предметов гадания о смерти использовали печную золу (если кучка золы рассыплется к утру – к смерти), расплавленные олово и свинец (если образовался узор в виде креста или гроба – к покойнику). Также смерть предвещали вылезший через верх формы хлеб; каша, вывалившаяся из-под крышки чугуна; обручальное кольцо, упавшее во время венчания¹⁵.

Смерть примечали по необычному поведению птиц и домашних животных. Ее предвещала любая птица, влетевшая в окно, или каркающая черная ворона на крыше дома, а также неестественное поведение кур: вылетают через дымовое оконце, кукарекают [16, 106]. Последняя примета была зафиксирована и у удмуртов [1, 43]. Со смертью связывали продолжительный вой собаки либо сухой и горячий нос у нее; лежание кошки с вытянутыми в сторону двери лапами и хвостом; вторичное цветение осенью некоторых фруктовых деревьев (яблони, вишни). “Куфцема” – стон божества-покровительницы дома Ку-

дазоравы (от мокш. *куд* – ‘дом’, *азорава* – ‘хозяйка’) слышался к покойнику¹⁶.

Уход в иной мир у мордвы предсказывали и по снотолкованиям. Считалось, что к смерти снились выпадение зубов (переднего – ребенка, с кровью – близкого родственника), рытье погреба, строительство дома, посадка картофеля, появление белого зайца или быка, сверкание молнии, новолуние, резание петуха, переход через воду¹⁷.

По традиционным представлениям мордвы, смерть можно отдалить путем различных магических действий или хитрости: кукарекающую курицу резали, вытаскивали у нее горло, сжигали его, пепел разбрасывали по полу. После сна, предвещавшего смерть, засовывали безымянный палец в щель между створками окна и произносили: «Пусть уйдет от меня»¹⁸. В сказочных сюжетах человек обманывал смерть и тем самым продлевал себе жизнь.

Зафиксировано большое количество мордовских гаданий о смерти после похорон, некоторые из них бытуют до сих пор. Например, после прощания с покойником пожилые женщины, стоя лицом к кладбищу, бросали обглоданные кости и наперегонки возвращались к поминающим: кто отстанет – тот умрет раньше. По материалам 1876 г., после похорон у мордвы-мокши проходила борьба двух женщин (если поминали женщину) или двух мужчин (если поминали мужчину): кто проиграет – умрет раньше¹⁹.

Традиционно у мордвы после похорон на могиле усопшего оставались близкие люди; они произносили про себя имя умершего и прижимались ухом к кресту: если слышали плач или стон, то в ближайшее время в семье еще будет покойник. Гадали по испеченным после похорон пирожкам, которые выносили вечером на улицу (брали столько пирожков, сколько могли взять в руки) и прятали за оконным наличником. Пирожки называли по имени

¹⁴ ПМА: 2019 г. Рузаевский район РМ, с. Трускляй, информант Т. Никанорова, 1945 г. р.

¹⁵ ПМА: 2022 г. Рузаевский район РМ, с. Салазгорь, информант К. С. Аникина, 1954 г. р.

¹⁶ ПМА: 2022 г. Ковылкинский район РМ, г. Ковылкино, информант Н. А. Горячкина, 1974 г. р.

¹⁷ См.: УПТМН. Т. 12. С. 282–288.

¹⁸ ПМА: 2003 г. Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

¹⁹ См.: Девяткина Т. П. Мифология мордвы: энцикл. Саранск, 2006. С. 230.

каждого члена семьи. На следующий день проверяли: на месте они или нет. Если пирожки не тронуты – их хозяева проживут долгую и счастливую жизнь, а если один из них тронут – тот, чьим именем он назван, скоро умрет²⁰.

После выноса покойника из дома вокруг усопшего ножом очерчивали окружность, проводили по ногам, груди и по шее, чтобы «отрезать» смерти голову. Нож, который вонзали в место, где лежал умерший, вытаскивали по возвращении с кладбища. Хозяин дома, начертив этим ножом крест на двери, с размаху бросал его в потолок: если нож отскакивал, то его семье следовало ожидать нового покойника. Также смотрели: если тело усопшего дряблое – в короткое время он потащит за собой на тот свет кого-то из близких родных; при открытые глаза покойного также толковались как повторный приход смерти²¹.

Во время сельского общественного обрядового моления-праздника “Вель озкс” / “Велень озкс” (от мокш., эрз.: *веле* – ‘село’, *озкс* – ‘моление, праздник’) проводили “сюкоронь ласьфтема” (от мокш. *сюкор* – ‘лепешка’; *ласьфтема* – ‘бег’): один человек убегал со сдобной лепешкой, другой должен был догнать бегуна и отнять лепешку. В противном случае вскоре его ждала смерть [5, 399; 17, 15].

С целью гадания вызывали дух умершего родственника: держали на весу перевязанную лентой книгу и задавали вопросы – при положительном ответе книга должна была повернуться; во время посадки капусты называли рассаду по именам членов семьи: чья высохнет – к смерти²².

Использовали различные гадания в хозяйственно-бытовой жизни. Урожай предсказывали по стеблю (парни и мужчины становились к скирде спиной и доставали из нее ртом стебель: сколько в нем зерен – столько мер зерна будет на каждого члена семьи); по инею (женщины ставили снопы разного хлеба на ночь: который больше заинdevеет – тот и уродится) [9, 54]; по доносящему звуку (ложились в очерчен-

ный от злых духов березовым веником, помелом или лопатой круг и слушали: если раздастся скрип полной телеги – к урожаю); по яйцам (первые снесенные яйца взвешивали, закрепив в петлях на палочке, которую посередине укрепляли на острие ножа: если тяжелее было первое яйцо – начинали сеять яровые хлеба в первый срок, второе – во второй срок, третье – в третий). На Рождество после церковной службы шли на перекресток и, прочертив палкой или пальцем крест, припадали к этому месту и слушали: если едут груженые сани – к урожаю, пустые – к неурожаю²³.

Гадания мордвы отражены в различных обрядах (похоронно-поминальных, свадебных, родильных, семейно-бытовых), приметах, снотолкованиях. Однако большая часть из них (специальные гадания) проводилась во время языческих обрядовых праздников-озксов, которые после принятия христианства были приурочены к основным православным праздникам (Старому Новому году, Рождеству, Крещению, Ивану Купале и – реже – Петрову дню), а также во время совершения семейных обрядов (свадьбы, поминок, рождения, переезда в новый дом и т. д.). Такие гадания считались наиболее точными и судьбоносными.

На новоселье гадали с помощью кошки: войдет дом – к добру; в каком месте ляжет – туда ставили кровать. Погоду узнавали по голубям, выпущенным в день Крещения (в какую сторону полетят, с той будут дожди); по кваканию лягушек (к теплу) [18, 149]; по поведению коров, овец, лошадей (к перемене погоды) [2, 55].

Следует отметить, что гадания на птиц бытовали еще в доисторические времена [19, 108]. Гадания по поведению до-

²⁰ ПМА: 2018 г., Атяшевский район РМ, с. Атяшево, информант В. Ф. Куликова, 1962 г. р.

²¹ ПМА: 2003 г., Старошаговский район РМ, с. Старая Териэмогра, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

²² См.: Девяткина Т. Мокшэрзянь мифологиясь. С. 63.

²³ См.: УПТМН. Т. 12. С. 17.

машних животных и птиц были характерны не только для мордвы, но и для других финно-угорских этносов России: удмуртов [1, 43], коми [7, 17], марийцев [15].

К месту гадания обычно шли молча, тайком, чтобы никто не видел, поскольку встреча с человеком предвещала неудачу, если это не было запланировано (иногда специально гадали на встречного человека, например с целью узнать имя будущего мужа). Как правило, для гаданий выбирали темные «нечистые» места (баню, хлев), а также пограничное пространство (ворота, колодец, перекрестки дорог; последние обладали особенно глубокой символикой). Благоприятным временем для гаданий считали вечер (до полуночи) и полночь, реже (обычно летние гадания) – до восхода солнца.

Довольно часто мордва гадала с помощью “кулхондома” (от мокш. *кулхондамс* – ‘слушать’). Священник эрзянского села Итманова в своих записках «О жителях Итманова» зафиксировал следующее гадание: собирались слушать преимущественно на перекрестки: обводили вокруг себя круг березовым веником, помелом или лопатой (ограждение от злых духов) и, ложась на землю, слушали, а главный в этом сборище, нередко старик, стоит и машет веником во все стороны. Если кому послышится скрип обозов – будет в следующем году обильный урожай хлеба, если же ничего не слышно – будет недород. Если слышатся стоны и вопли, то год будет тяжел для народа²⁴.

Ходили слушать под окна соседних домов, иногда заходили в дом, но в разговор не вступали, слушая других. Услышанное истолковывали по цели гадания: о хорошем говорили – к добру, о плохом – к худу. Перед Пасхой слушали: лай собаки, шум со стороны кладбища предвещали пожар; стук топора – смерть; скрип телеги – до-

рогу; пение – свадьбу, веселье; плач – несчастье [16, 89]. На Пасху же гадали по первому входящему в дом: если мальчик – весь год будет благодатным.

В мордовских гаданиях часто использовали воду. В блюдце с водой выливали растопленный воск от свечи: если капает много маленьких кругляшек – к деньгам. Курица, выпущенная из печи для гадания о женихе, идет к миске с водой – избранник будет любителем выпить. На Ивана Купалу девушки пускали венки в реку: если венок уплывал – к замужеству. Примечали: если идет навстречу или переходит дорогу человек с полным ведром воды – к счастью. К удачной дороге до сих пор принято ставить на стол стакан воды²⁵.

Поводом для гаданий служили и речной набор, и семейный раздел. Расплавленное олово, выпитое в ковш свежей холодной воды, покажется в виде ранца или ружья – отдадут в солдаты [10, 101]. Олово, упавшее на дно, – верный признак семейного раздела.

Кроме гаданий, связанных с религиозными праздниками, языческими и семейными обрядами, бытовали (и до сих пор бытуют) различные повседневные гадания на желание. Например, писали на листочках свои желания и прятали на ночь под подушку, а утром вытаскивали один: что написано – сбудется. Иногда гадали случайно: если сядешь между двумя людьми с одинаковыми именами – загаданное сбудется.

Перед отправлением в путь у мордвы мокши было принято, приложив руки к косякам двери, обратиться к божеству – покровительнице дома Кудаве: “Кудаваняй, лезтт тейне лац пачкодемс меки куду” («Божество-покровительница дома, помоги мне благоприятно вернуться домой»). Если после этих слов сильно скрипнет дверь – дорога будет неудачной²⁶.

Кроме гаданий, совершаемых самими людьми, по различным жизненным проблемам обращались также к «профессиональным» гадалкам (в основном это были женщины, изредка – мужчины). “Содай

²⁴ См.: УПТМН. Т. 7, ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / сост. В. Л. Имайкина, К. Т. Самородов. Саранск, 1981. С. 14.

²⁵ ПМА: 2003 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

²⁶ ПМА: 2022 г., Ковылкинский район РМ, г. Ковылкино, информант Н. А. Горячкина, 1974 г. р.

баба” (от мокш. *содай* – ‘знает’, *баба* – ‘бабушка’), согласно опросу респондентов, была практически в каждом селе. Для гаданий использовались косточки от сливы, вода, в более позднее время – карты. К тем гадалкам, чьи предсказания сбывались, приезжали из соседних сел и со всей республики. Например, к бабе Вере, проживавшей в д. Антоновка Дубенского района Республики Мордовия, попасть на прием было сложно, и не всем это удавалось. Она гадала с помощью зажженной свечи и налитой в пол-литровую банку воды. Гадающий вставал к ней за спину и смотрел на банку с водой, которую она поднимала. По словам респондентов, «видно было, как в цветном телевизоре»²⁷. Об экстрасенсорных способностях бабы Веры знали по всей России, о чем свидетельствуют публикации в СМИ²⁸.

Заключение

Исследование показало, что гадания мордвы имеют под собой религиозно-магическую основу. Гадания – это особые действия, в которых отражено традиционное миропонимание и мировоззрение многих поколений этноса. Результатом магии, в частности в гаданиях, считались многие явления, кажущиеся сейчас обычными.

В традиционной культуре мордвы с помощью гаданий пытались узнать будущее в хозяйственно-бытовых и личных делах. Бытовали специальные гадания, с принятием христианства приуроченные к основным религиозным праздникам, и повседневные (или случайные), проводимые в любое время по мере их необходимости. Для гаданий использовались различные

предметы (обувь, веник, дрова, бревна, сучки поленьев, олово), пища (хлеб, горох, яйца, пирожки), вода, домашние животные и птицы (овцы, лошади, кошки, куры, петухи, собаки), а также природные явления (ветер, гром, иней). Некоторые гадания имеют параллели с русскими и другими финно-угорскими этносами России.

Специальные гадания считались не греховым, а традиционным действом. Несмотря на негативное отношение православной церкви к этим действиям, мордва и после принятия христианства воспринимала гадания как неотъемлемую часть своей традиционной культуры.

В настоящее время гадания у мордвы претерпели серьезную трансформацию, однако они продолжают бытовать (иногда в игровой форме). В целом их смысл не изменился – предугадать будущее в жизненно важных вопросах. Согласно полевым исследованиям, традиционные гадания используют преимущественно в сельской местности (в основном в молодежной среде); в городе – представители маргинальной культуры. Прежде всего, это гадания на замужество, внешность и характер будущего мужа, материальное положение. Чтобы узнать будущее, обращаются и к *содай бабанди*, которая для гадания использует различные предметы: косточки от сливы, воду, карты. По опросам информантов, эти гадания имеют определенную психологическую основу и многие гадающие в них верят.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

мокш. – мокшанский язык

эрз. – эрзянский язык

²⁷ ПМА: 2003 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

²⁸ См.: Пртыкова В. Путешествие в глубинку: неразгаданная тайна // Известия Мордовии. 2019. 7 апр.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Л. А. Домашние животные и птицы в магической практике удмуртов и барсыкян // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: материалы науч. конф. Ижевск, 2001. С. 22–46.
2. Девяткина Т. П. Кудонь жувататнень ванысна сире пингоны мокшэрзятнень

эпяфса = Божества-покровители домашних животных в традиционной культуре мордвы // Языки и литература в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «58-е Евсевьевские чтения». Саранск, 2022. С. 52–55.

3. Девяткина Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни: (В прошлом и настоящем): моногр. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. 192 с.
4. Девяткина Т. П., Панфилова С. С. Домашние животные и птицы в традиционных обрядах мордвы: финно-угорский контекст // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 453–462. DOI: 10.15507/20762577.014.2022.04.453-462.
5. Евсевьев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // Евсевьев М. Е. Избранные труды. Т. 5. Историко-этнографические исследования. Саранск, 1966. С. 342–402.
6. Канева Г. В. Гадания коми народа // Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ухта, 2016. Ч. 2. С. 345–348.
7. Конаков Н. Д. От святочек до сочельника: Коми традиц. календар. обряды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 127 с.
8. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб.: Тип. при Императ. Академии наук, 1771. 538 с.
9. Маркелов М. Т. Саратовская мордва (этнографические материалы) // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 51–238.
10. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 134 с.
11. Миронова В. П. Девичьи гадания как элемент досвадебной обрядности карелов // III Всероссийский конгресс фольклористов: сб. науч. ст.: в 5 т. М., 2019. Т. 4. С. 190–198.
12. Мордовское народное устно-поэтическое творчество: Очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. 430 с.
13. Потапкин И. И. Гадания мордвы // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. Т. 5. С. 58–63.
14. Токарев С. А. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычая. М., 1983. С. 55–67.
15. Флигинских Е. Е. Суеверный компонент в марийских, русских и английских гаданиях на суженого // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 50–58.
16. Devyatkina T. Mordvinian mythology. Ljubljana: Zalozba ZRC, 2004. 174 p. (Studia Mythologica Slavica – Supplementa; Supplementum 1). DOI: 10.3986/9616500422.
17. Devyatkina T. Mythological concepts in the traditional ozks of the Mordvins // Eurasian Studies Yearbook. 2004. Vol. 76. P. 5–28.
18. Devyatkina T. Transformation and language peculiarities of Mordvinian folk superstitions // Oralité, Information, Typologie = Orality, Information, Typology: hommage à M. M. Jocelyne Fernandez-Vest. Paris, 2018. P. 147–160.
19. Goldhahn J. The Wings of Skedemosse: Traces of Bird Divinations // Tidens landskap – en vänbok till Anders Andrén. Lund, 2019. P. 108–109.
20. Tchoekha O. Modern Greek divinations by dream: fortune-telling in the name and appearance of the future spouse // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2020. № 7. С. 51–69. DOI: 10.29003/m1728.2658-7157.2020_7/51-69.

Поступила 10.03.2023; одобрена 05.04.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. П. Девяткина – доктор филологических наук, профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, tatyana_devyatki@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5334-688X>

С. С. Панфилова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, scully_ss@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0445-1007>

Religious and magic foundations of divinations in traditional culture of the Mordovians

Tatiana P. Devyatina

Mordovian State Pedagogical University

Serafima S. Panfilova

National Research Mordovia State University,

Saransk, Russia

Introduction. Divinations are common all over the world. Moreover, there are similar trends even in the traditions of ethnic groups isolated from each other, since the craving for knowledge of the future and the search for suitable tools for this is a universal feature of humanity. The article presents a study of the occult practices of the Mordovians from the point of view of their cultural foundations. The religious and magic foundations of divinations as an integral part of the traditional culture of this Finno-Ugric ethnic group are revealed.

Materials and Methods. The material of the study includes the published folklore and ethnographic sources, field materials collected by the authors. The analysis of the material was carried out using the descriptive and comparative methods. The synchronic and diachronic approaches were also applied in the course of study.

Results and Discussion. The study has revealed that in the traditional culture of the Mordovians divinations were carried out using special religious and magical actions to obtain certain information. From this point of view, Mordovian divinations can be classified in two ways. Firstly, individual and collective divinations are distinguished by the number of performers. Secondly, according to the frequency of practice, divinations of the Mordovians could be timed to the main Christian holidays or held on occasion. Divinations were integrated into rituals (funeral, wedding, maternity, family and household), pagan prayers, dream interpretations, and omens. The analyzed examples demonstrate a wide variety of divination practices in the traditional culture of this Finno-Ugric ethnic group. In addition, the level of transformation of divinations in modern Mordovian culture has been determined.

Conclusion. When analyzing traditional Mordovian divinations, various methods of ritual actions and their religious and magical basis were identified for the first time. The functions of divinations are varied. The predominant ones were divinations about marriage, life and death, material security, harvest, and weather. Some of them show similarities with Russian divinations and the divinations of other Finno-Ugric ethnic groups. In modern Mordovian culture, traditional divination has undergone a significant transformation, but has not completely disappeared from existence.

Keywords: Mordovians, divinations, paganism, religious and magic rites, folk signs, dream interpretations, domestic animals, birds

For citation: Devyatina TP, Panfilova SS. Religious and magic foundations of divinations in traditional culture of the Mordovians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;4:450–460. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.450-460.

REFERENCES

1. Volkova LA. Domestic animals and birds in the magical practice of the Udmurts and Besermens. *Finno-ugorskaia fol'kloristika na poroge novogo tysiacheletiia: materialy nauch. konf.* = Finno-Ugric folklore on the threshold of the new millennium. Materials of the scientific conference. Izhevsk; 2001:22–46. (In Russ.)
2. Devyatina TP. Gods-patrons of domestic animals in traditional culture of the Mordovians. *Iazyki i literatura v mezhkul'turnoi kommunikatsii: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "58-e Evsev'evskie chtenia"* = Languages and literature in intercultural communication. Collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference “58th Evseviev Readings”. Saransk; 2022:52–55. (In Mord.)
3. Devyatina TP. Moksha wedding rituals and songs: (Past and present). Monograph. Saransk; 1992. (In Russ.)
4. Devyatina TP, Panfilova SS. Domestic animals and birds in traditional rites of the Mordovians: Finno-Ugric context. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:453–462. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.453462.

5. Evseev ME. Bratchina and other religious rites of the Mordovians of the Penza province. *Izbrannye trudy. T. 5. Istoriko-ethnograficheskie issledovaniia* = Selected works. Saransk; 1966;5:342–402. (In Russ.)
6. Kaneva GV. Fortune-telling of the Komi people. *Nauka, obrazovanie i dukhovnost' v kontekste kontseptsii ustiochivogo razvitiia: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Science, education and spirituality in the context of the concept of sustainable development. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Ukhta; 2016;2:345–348. (In Russ.)
7. Konakov ND. From Christmas time to Christmas Eve: Komi traditional calendar rites. Syktyvkar; 1993. (In Russ.)
8. Lepekhin II. Daily notes of the travels of the Doctor and the Academy of Sciences Associate Ivan Lepekhin in different provinces of the Russian state in 1768 and 1769. Saint-Petersburg; 1771. (In Russ.)
9. Markelov MT. Mordovians of Saratov (ethnographic materials). *Saratovskii etnograficheskii sbornik* = Saratov selected works on ethnography. Saratov; 1922;1:51–238. (In Russ.)
10. Mel'nikov PI (Andrei Pecherskii). Mordovian essays. Saransk; 1981. (In Russ.)
11. Mironova VP. Maiden fortune-telling as an element of pre-wedding rituals of Karelians. *III Vserossiiskii kongress fol'kloristov: sb. nauch. st.* = III All-Russian Congress of Folklorists. Collection of scientific articles. Moscow; 2019;4:190–198. (In Russ.)
12. Pomerantseva EV, Samorodov KT, eds. Mordovian folk oral poetry: Essays. Saransk; 1975. (In Russ.)
13. Potapkin II. Graduation of Mordwau. *Nauchnyi forum: filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiia: sb. st. po materialam XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Scientific forum: philology, art history and cultural studies. Collection of articles based on the materials of the XVI International scientific and practical conference. Moscow; 2018;5:58–63. (In Russ.)
14. Tokarev SA. Signs and fortune-telling. *Kalendarnye obychai i obriady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitiye obychaev* = Calendar customs and rituals in foreign European countries. Historical roots and development of customs. Moscow; 1983:55–67. (In Russ.)
15. Fliginikh EE. Superstitious component in Mari, Russian and English fortune-telling on the betrothed. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;1:50–58. (In Russ.)
16. Devyat'kina T. Mordvinian mythology. Ljubljana; 2004;1. DOI: 10.3986/9616500422.
17. Devyat'kina T. Mythological concepts in the traditional ozks of the Mordvins. *Eurasian Studies Yearbook*. 2004;76:5–28.
18. Devyat'kina T. Transformation and language peculiarities of Mordvinian folk superstitions. *Oralité, Information, Typologie: Orality, Information, Typology. Hommage à M. M. Jocelyne Fernandez-Vest*. Paris; 2018:147–160.
19. Goldhahn J. The Wings of Skedemosse: Traces of Bird Divinations. *Tidens landskap – en vänbok till Anders Andrén*. Lund; 2019:108–109.
20. Tchoekha O. Modern Greek divinations by dream: fortune-telling in the name and appearance of the future spouse. *Kafedra vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii* = Kathedra of Byzantine and Modern Greek Studies. 2020;7:51–69. DOI: 10.29003/m1728.2658-7157.2020_7/51-69.

Submitted 10.03.2023; reviewing 05.04.2023; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. P. Devyat'kina – Doctor of Philology, Professor, Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University, tatyana_devyatki@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5334-688X

S. S. Panfilova – Candidate Sc.{Philology}, Associate Professor, Department of English Philology, National Research Mordovia State University, scully_ss@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-0445-1007

Удмурты: ассимиляция или депопуляция? (к итогам Всероссийской переписи населения 2021 г.)

Сергей Николаевич Уваров

Удмуртский государственный аграрный университет,
Ижевск, Россия

Введение. В статье предпринимается попытка ответить на вопрос о причинах уменьшения численности удмуртов за 2010–2021 гг. По данным переписей, за данный период в масштабах страны оно составило 30,0 %, в Удмуртии численность коренного населения сократилась приблизительно на четверть.

Материалы и методы. Источниками явились опубликованные материалы переписей 2010 и 2021 гг., а также неопубликованные сведения текущей статистики там, где требовалось понять предшествующие тенденции. Применились различные методы исследования: историко-сравнительный, хронологический, статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. Из приведенных в работе данных следует, что наибольшую роль в снижении численности удмуртов в 2010–2021 гг. сыграли ассимиляционные процессы. Об этом свидетельствуют значительные у удмуртов показатели межнациональных браков; новорожденных, отец которых был не удмуртом; считающих русский родным языком. Депопуляцией такое масштабное сокращение объяснить нельзя, поскольку рождаемость у удмуртов была выше общереспубликанского уровня, а до 1996 г. больше был и естественный прирост. Очевидно также, что некоторая часть удмуртов могла быть просто не учтена при проведении последней переписи.

Заключение. Исследование показало, что необходимо улучшать этнический аспект статистической отчетности. Речь идет как об уменьшении числа лиц, не указывающих свою национальность при проведении переписей населения, так и о возрождении текущей статистики по этническому признаку. Без решения этой проблемы анализировать этнодемографические процессы будет крайне сложно.

Ключевые слова: удмурты, демографические процессы, депопуляция, ассимиляция, перепись населения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>, в Удмуртском государственном аграрном университете.

Для цитирования: Уваров С. Н. Удмурты: ассимиляция или депопуляция? (к итогам Всероссийской переписи населения 2021 г.) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 461–471. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.461-471.

Введение

До 1989 г. численность удмуртов в России стабильно росла. Затем она стала сокращаться и к 2010 г. уменьшилась на 22,7 %. Однако даже на этом фоне обнародованные результаты переписи 2021 г. нужно признать шокирующими. Если в 2010 г. в России проживало 552,3 тыс. удмуртов, то в 2021 г. – только 386,5 тыс. Сокращение в масштабах страны всего за 11 лет составило 30,0 %. В Удмуртии, где удмурты являются титульной нацией, уменьшение оказалось сопоставимым – приблизительно на четверть: в 2010 г. в республике удмуртами себя считали 410,5 тыс. чел., по данным последней переписи – 299,9 тыс.

Похожая ситуация сложилась и у других финно-угорских народов. Например, у марийцев сокращение составило 22,6 %, у коми – 37,1, у мордвы – 34,9 %¹. Оценки сложившейся ситуации будут давать соответствующие государственные структуры, перед учеными стоят другие задачи. В частности, в данной статье предпринимается попытка выяснить причины уменьшения численности удмуртов, что дополнит общую картину демографических изменений у финно-угорских народов. Для этого необходимо проанализировать как воспроизводственные, так и ассимиляционные процессы у удмуртов за 2010–2021 гг., а в ряде случаев обратиться к более раннему периоду.

¹ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.06.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 07.06.2023).

Обзор литературы

Исследований, объясняющих динамику численности удмуртов после 2010 г., пока нет, но за более ранний период этнодемографические процессы в Удмуртии, в том числе у удмуртов, уже становились предметом рассмотрения [9; 20; 21]. Интервал с 1989 по 2002 г. выбрал В. В. Фаузер, причем он исследовал показатели удмуртов в контексте других финно-угорских народов [22]. Из зарубежных ученых следует выделить С. Лаллукку, чей фундаментальный анализ этнодемографических процессов восточно-финских народов охватывает очень длительный период, но завершается 1989 г. [26]. Исследовались демографические процессы у удмуртов в других регионах, в частности в Башкирии [1; 6; 8; 10–14; 23–25]. Общим слабым местом приведенных работ является опора лишь на переписи, без учета данных текущей статистики, характеризующих рождаемость и смертность удмуртов по регионам их преимущественного проживания. Указанный тип источников по удмуртам Удмуртии использовал в ряде предыдущих работ автор статьи, но и там верхняя граница соответствует концу XX в. [16; 18; 19].

Н. Н. Ежова проанализировала воспроизводство титульной нации Удмуртской Республики начала XXI в. [2], использовав данные текущей статистики. Но поскольку в поле зрения исследователя попали только районы с большой долей удмуртов, сделанные ею выводы только приблизительно отражают воспроизводственные процессы у титульной нации. Рассматривая финно-угорские народы в геодемографическом аспекте, Н. Н. Логинова и М. А. Жулина [3] обратили внимание и на демографическую ситуацию удмуртского населения в 2008 г. Правда, при проверке выясняется, что приведенные ими цифры относятся не к удмуртам, а к жителям Удмуртской Республики. Н. Н. Логинова и Т. П. Реброва главную причину сокращения численности финно-угров России на современном этапе видят в естественной убыли, при этом они оперируют текущей статистикой применительно ко всему на-

селению, а выводы строят на основе превышения смертности в финно-угорских регионах над общероссийским уровнем [4].

Оригинальный источник использовала группа исследователей из Ижевской государственной медицинской академии [15]. Они изучили причины смертности удмуртов за 2002–2006 гг. на основе почти 120 тыс. свидетельств о смерти, в которых в 85 % случаях была указана национальность. Ученые-медики выявили определенные этнические особенности динамики смертности населения. В качестве причины сокращения численности удмуртов в 1989–2002 гг. исследователи назвали депопуляцию, понимая под ней уменьшение численности населения вследствие превышения смертности над рождаемостью.

Динамику численности финно-угорских народов за 2002–2010 гг. рассмотрела А. Б. Мясникова [7], но, констатировав уменьшение, она лишь назвала возможные причины в виде депопуляции и ассимиляции. На ассимиляцию обращали внимание и другие ученые [5; 16; 17].

Таким образом, историографический обзор показывает слабую изученность заявленной темы.

Материалы и методы

Воспроизводственные процессы по национальностям вплоть до 1996 г. включительно можно было изучать по материалам текущей статистики (форма № 3). К сожалению, начиная с 1997 г. в паспорте, на основе которого делались записи в актах гражданского состояния (о рождении, смерти и др.), перестали в обязательном порядке фиксировать национальность. Сохранившаяся графа заполняется по желанию заявителя и нередко бывает незаполненной. С 2009 г. государственная статистика не разрабатывает данные естественного движения по национальности, что делает невозможным анализ этого показателя применительно к концу XX – началу XXI в. Однако определенные сведения о рождаемости дают материалы переписи о количестве рожденных детей.

Таблица 1. Национальный состав населения Удмуртской Республики в 2010 и 2021 гг., чел.*

Table 1. National composition of the population of the Udmurt Republic in 2010 and 2021, people*

Национальный состав / National composition	2010 г.			2021 г.		
	Городское и сельское население / Urban and rural population	Городское население / Urban population	Сельское население / Rural population	Городское и сельское население / Urban and rural population	Городское население / Urban population	Сельское население / Rural population
Все население / Total of the population	1 521 420	1 052 153	469 267	1 452 914	954 245	498 669
В том числе: / Incl.:						
Русские / Russians	912 539	715 729	196 810	841 581	590 048	251 533
Удмурты / Udmurts	410 584	183 644	226 940	299 874	92 072	207 802
Татары / Tatars	98 831	82 145	16 686	67 964	52 410	15 554
Лица, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана / Persons whose nationality is not indicated on the census forms	54 797	50 034	4 763	210 052	198 950	11 102

* Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.06.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 07.06.2023).

Что касается ассимиляционных процессов, то при отсутствии общепринятой методики подсчета числа ассимилянтов наиболее распространенным методом изучения названных процессов остается определение показателя использования русского языка в качестве родного. До 1996 г. текущая статистика в отчетах о естественном движении содержала графу «Число родившихся, у которых отец другой национальности». К сожалению, как и в случае с воспроизводственными показателями, после указанной даты эти сведения стали недоступными. Но имеющаяся статистика позволяет понять некоторые предшествующие тенденции.

Результаты исследования и их обсуждение

Несмотря на зафиксированное переписью 2021 г. значительное сокращение числа удмуртов, можно предположить, что фактически оно было меньшим. Дело в том, что очень многие опрошенные не указали свою национальность. В Удмуртской Республике неизвестной в итоге осталась национальность у 210 052 жителей, что почти в четыре раза больше по сравнению с предыдущей переписью (табл. 1). К тому же большинство неизвестных проживало

в городах, а именно там сокращение титульной нации оказалось максимальным, в два раза – с 183,6 тыс. до 92,1 тыс. чел. Поэтому возникает желание отождествить не указавших национальность с удмуртами. Однако делать это, на наш взгляд, не следует. Уменьшение числа удмуртов в городах в первую очередь было вызвано тем, что за последний межпереписной период пять поселков Удмуртии потеряли статус городских населенных пунктов. В 2010 г. в них проживало 69 180 горожан: в Балезино – 16 121, Новом – 5 742, Игре – 20 737, Уве – 19 984, Яру – 6 596 чел. После смены статуса поселков они стали считаться селянами, 27 467 чел. из них были удмуртами. Представляется маловероятным, что среди не указавших национальность доля удмуртов была очень большая. Но и полностью исключать названную причину нельзя.

При рассмотрении воспроизводственных процессов, безусловно, нужны сведения о естественном движении населения, но в отношении национальностей они собирались лишь до 1996 г., причем в каждом регионе только по самым крупным этническим группам. Поэтому сводные данные по удмуртам в масштабах России отсутствуют. В табл. 2 приведены послед-

Таблица 2. Рождаемость, смертность, естественный прирост у русских, удмуртов и татар Удмуртской Республики в 1990–1996 гг., чел.*

Table 2. Fertility, mortality, natural increase among Russians, Udmurts and Tatars of the Udmurt Republic in 1990–1996, people*

Год / Year	Все национальности / All nationalities			Русские / Russians			Удмурты / Udmurts			Татары / Tatars		
	Родилось / Born	Умерло / Died	Естественный прирост / Natural growth	Родилось / Born	Умерло / Died	Естественный прирост / Natural growth	Родилось / Born	Умерло / Died	Естественный прирост / Natural growth	Родилось / Born	Умерло / Died	Естественный прирост / Natural growth
1990	24 345	15 816	8 529	12 545	9 229	3 316	9 091	5 072	4 019	1 798	1 025	773
1991	22 213	16 002	6 211	11 532	9 332	2 200	8 224	4 986	3 238	1 591	1 165	426
1992	20 074	18 063	2 011	10 566	10 482	84	7 334	5 684	1 650	1 366	1 186	180
1993	17 126	21 923	-4 797	9 278	12 632	-3 354	6 016	7 050	-1 034	1 178	1 379	-201
1994	16 874	24 183	-7 309	9 270	14 197	-4 927	5 821	7 520	-1 699	1 125	1 512	-387
1995	15 484	22 445	-6 961	8 539	13 026	-4 487	5 392	7 189	-1 797	960	1 383	-423
1996	14 877	20 641	-5 764	8 321	11 971	-3 650	5 104	6 646	-1 542	909	1 296	-387
Итого за 1990–1996	130 993	139 073	-8 080	70 051	80 869	-10 818	46 982	44 147	2 835	8 927	8 946	-19

* Составлено по: ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 475. Л. 16; Д. 483. Л. 7; Д. 491. Л. 7–8; Д. 501. Л. 7–8; Д. 512. Л. 7–8; Д. 521. Л. 11–12; Д. 532. Л. 7–8.

ние известные сведения по Удмуртской Республике: абсолютные показатели рождаемости, смертности и естественного прироста удмуртов в сравнении с russими, татарами, а также всем населением региона с 1990 по 1996 г. включительно. За более ранний период сведения уже опубликованы в предыдущих наших работах [16; 19].

Как показывают представленные данные, естественный прирост у удмуртов был выше, чем в среднем по республике, а также чем у russих и татар. Это подтверждает и экскурс в историю [16; 19]. Когда прекратилась убыль у russих, удмуртов и татар республики, мы точно не знаем, но в целом на территории Удмуртии депопуляция продолжалась до 2008 г. и возобновилась в 2017 г.²

Помимо текущей статистики представление о естественном движении могут дать и переписи населения. Данные о рождаемости можно узнать из анализа ответов женщин в возрасте 15 лет и более на вопрос «Сколько детей Вы родили?». Учитывалось общее число рожденных детей (не считая мертворожденных), не-

зависимо от того, были живы все дети на дату переписи или нет, входили они в состав домохозяйства родившей их женщины или проживали отдельно.

В табл. 3 приведены в динамике сравнительные данные переписей, характеризующие рождаемость у женщин возрастной группы 50–54 года удмуртской национальности на фоне всех женщин России. Они показывают следующее. Во-первых, рождаемость у удмурток все эти годы была выше, причем в 1989 г. разница была наибольшей и составляла 805 детей на 1 000 женщин. Во-вторых, каждая последующая перепись фиксировала снижение рождаемости у удмурток: в 2021 г. каждая удмуртская женщина в возрасте 50–54 года родила на одного ребенка меньше, чем в 1979 г. Особенно большое падение пришлось на промежуток с 1989 по 2002 г. Также можно заметить, что темпы уменьшения рождаемости у удмуртов были выше, чем в России в целом.

Если табл. 3 показывает «горизонтальный» срез рождаемости, т. е. сколько детей родили женщины в возрасте 50–54 лет в разные переписные годы, то табл. 4 демон-

² См.: Естественное движение населения Удмуртской Республики с 1939 года. URL: <https://18.rosstat.gov.ru/folder/51924> (дата обращения: 07.06.2023).

*Таблица 3. Среднее число детей, рожденных живыми, в расчете на 1 000 женщин отдельных национальностей в возрасте 50–54 года, по данным переписей населения**

*Table 3. Average number of children born alive per 1,000 women of certain nationalities aged 50–54 years, according to population censuses**

Национальность / Nationality	Число детей у женщин в 50–54 года / Number of children of women aged 50–54 years					Разница значений между переписями / Difference between censuses			
	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	1989 и 1979 гг.	2002 и 1989 гг.	2010 и 2002 гг.	2021 и 2010 гг.
Все национальности России / All nationalities in Russia	2 232	2 042	1 845	1 859	1 597	-190	-197	14	-262
Удмуртки / Udmurts (females)	2 977	2 847	2 268	2 166	1 973	-130	-579	-102	-193

* Составлено по: Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М., 2018. С. 225; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 07.06.2023).

*Таблица 4. Распределение удмуртских женщин по возрастным группам и числу рожденных детей, по переписи 2021 г.**

*Table 4. Distribution of Udmurt women by age groups and number of children born, according to the 2021 census**

Возрастная группа / Age group	Все женщины / All women		Женщины, указавшие число рожденных детей / Women who indicated the number of children born		Общее число рожденных детей / Total number of children born		Среднее число рожденных детей (на 1 000 женщин) / Average number of children born (per 1,000 women)		Женщины, не указавшие число рожденных детей / Women who did not indicate the number of children born	
	РФ / Russia	УР / Udmurt Republic	РФ / Russia	УР / Udmurt Republic	РФ / Russia	УР / Udmurt Republic	РФ / Russia	УР / Udmurt Republic	РФ / Russia	УР / Udmurt Republic
Женщины в возрасте 15 лет и более / Women aged 15 years or older	191 492	146 569	182 129	139 215	359 356	275 308	1 973	1 978	9 363	7 354
В том числе в возрасте, лет: / Including age, y.o.:										
15–17	4 397	3 688	3 278	2 708	10	9	3	3	1 119	980
18–19	2 829	2 257	2 172	1 711	93	72	43	42	657	546
20–24	6 896	5 224	5 609	4 177	1 882	1 466	336	351	1 287	1 047
25–29	7 689	5 826	6 988	5 288	7 678	6 050	1 099	1 144	701	538
30–34	12 554	9 918	11 830	9 348	20 127	16 130	1 701	1 726	724	570
35–39	14 402	11 562	13 782	11 067	26 924	21 874	1 954	1 977	620	495
40–44	13 980	11 140	13 439	10 705	27 043	21 629	2 012	2 020	541	435
45–49	14 532	11 354	14 041	10 977	27 700	21 638	1 973	1 971	491	377
50–54	15 260	11 616	14 858	11 316	29 347	22 433	1 975	1 982	402	300
55–59	21 167	16 107	20 620	15 703	42 291	32 496	2 051	2 069	547	404
60–64	26 058	19 778	25 342	19 262	54 966	42 043	2 169	2 183	716	516
65–69	20 661	15 504	20 095	15 077	45 248	33 923	2 252	2 250	566	427
70 и более	31 067	22 595	30 075	21 876	76 047	55 545	2 529	2 539	992	719

* Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 07.06.2023).

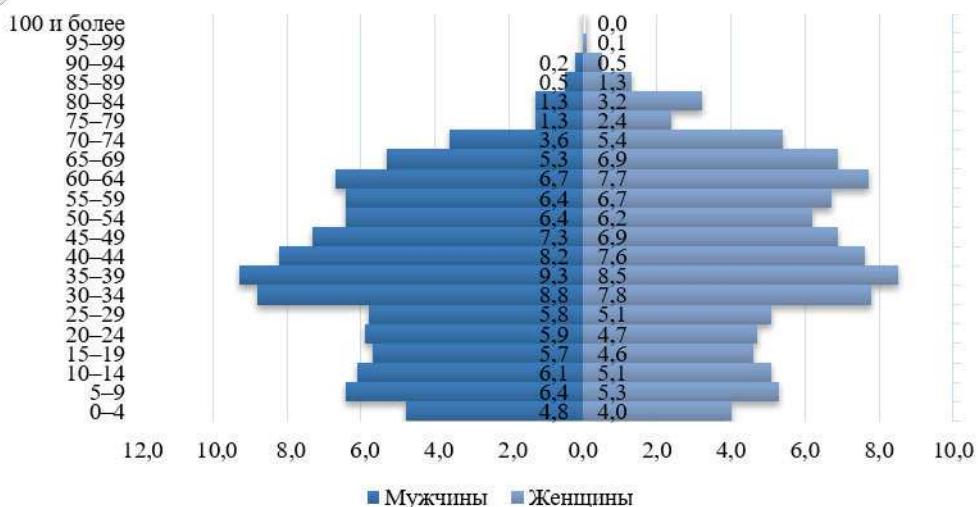

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения России по переписи 2021 г., % по возрастным категориям (лет)
Fig. 1. Gender and age pyramid of the Russian population according to the 2021 census, % by age category (y.o.)

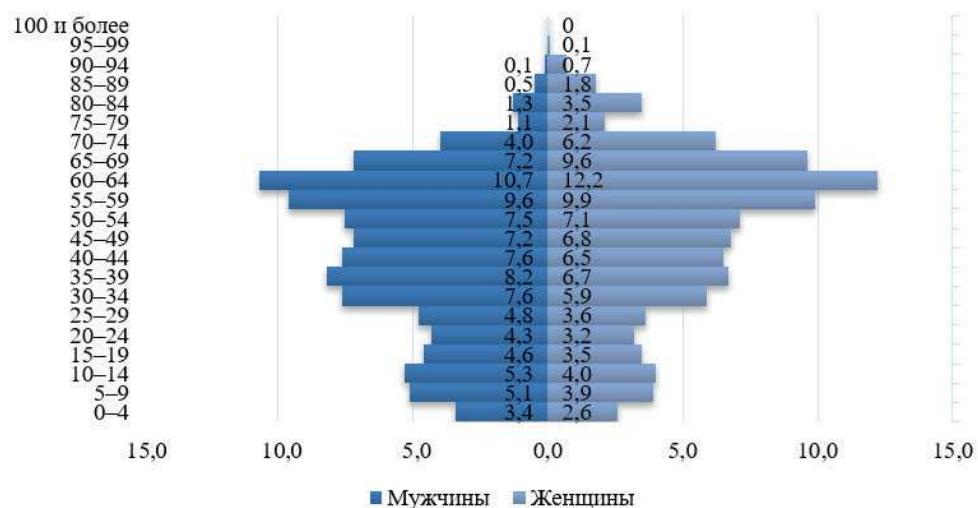

Рис. 2. Половозрастная пирамида удмуртского населения России по переписи 2021 г., % по возрастным категориям (лет)

Fig. 2. Gender and age pyramid of the Udmurt population of Russia according to the 2021 census, % by age category (y.o.)

стрирует «вертикальный» срез рождаемости на примере одной переписи 2021 г. Мы видим, что наибольшее количество детей имелось у самых возрастных удмуртов. По мере уменьшения возраста снижалось и количество рожденных детей. Любопытно, что у удмуртов, проживавших в Удмуртской Республике, рождаемость была чуть выше, чем у удмуртских женщин, проживавших в России в целом. Получается, что диаспоры являлись менее плодовитыми, чем титульное население Удмуртии.

Таким образом, рождаемость у удмуртов была выше, чем у женщин России в целом, но поскольку она снижалась интенсивнее, то в результате к 2021 г. возрастно-половой состав удмуртов приобрел более деформированный вид по сравнению с населением России (рис. 1 и 2). Дефицит молодежи среди удмуртов был намного заметнее. Если в стране доля лиц в возрасте до 15 лет равнялась 15,8 % (что само по себе было низким показателем), то у удмуртов – всего 11,9 %. Соответственно

*Таблица 5. Данные о новорожденных, у которых отец был другой национальности, в Удмуртской Республике в 1990–1996 гг.**

*Table 5. Data on newborns whose father was of a different nationality in the Udmurt Republic in 1990–1996**

Год / Year	Все национальности / All nationalities			Русские / Russians			Удмурты / Udmurts			Татары / Tatars		
	Родились, чел. / Born, people	В т. ч. у которых отец другой национальности / Incl. whose father is of a different nationality	%	Родились, чел. / Born, people	В т. ч. у которых отец другой национальности / Incl. whose father is of a different nationality	%	Родились, чел. / Born, people	В т. ч. у которых отец другой национальности / Incl. whose father is of a different nationality	%	Родились, чел. / Born, people	В т. ч. у которых отец другой национальности / Incl. whose father is of a different nationality	%
1990	24 345	7 600	31,2	12 545	3 107	24,8	9 091	2 986	32,8	1 798	840	46,7
1991	22 213	7 035	31,7	11 532	2 893	25,1	8 224	2 715	33,0	1 591	779	49,0
1992	20 074	6 446	32,1	10 566	2 664	25,2	7 334	2 463	33,6	1 366	716	52,4
1993	17 126	5 568	32,5	9 278	2 428	26,2	6 016	2 037	33,6	1 178	625	53,1
1994	16 874	5 306	31,4	9 270	2 337	25,2	5 821	1 926	33,1	1 125	580	51,6
1995	15 484	4 843	31,3	8 539	2 099	24,6	5 392	1 848	34,3	960	477	49,7
1996	14 877	4 788	32,2	8 321	2 146	25,8	5 104	1 784	35,0	909	480	52,8
Итого за 1990–1996 гг. / Total for the period of 1990–1996	130 993	41 586	31,7	70 051	17 674	25,2	46 982	15 759	33,5	8 927	4 497	50,4

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 475. Л. 16; Д. 483. Л. 7; Д. 491. Л. 7–8; Д. 501. Л. 7–8; Д. 512. Л. 7–8; Д. 521. Л. 11–12; Д. 532. Л. 7–8.

медианный возраст у удмуртов составил 48,3 года, тогда как у населения России в целом – 40,8.

Половозрастные пирамиды наглядно показывают, как отразился на составе населения период 1990-х гг. На них хорошо заметна демографическая яма, которая начинается с категории 25–29 лет (ровесники радикальных рыночных реформ). Введение мер поддержки семей с детьми (материнский капитал и т. д.) позволило поднять уровень рождаемости (на пирамидах – категории 5–9 и 10–14 лет), но затем наступил очередной провал (категория до 5 лет). И только следующие переписи населения покажут величину данной демографической ямы.

О том, что главной причиной уменьшения численности удмуртов за последний межпереписной период была не депопуляция, а ассимиляционные процессы, говорят и следующие данные. По

переписи 2021 г., 117 766 удмуртов из 386 465 (30,5 %) признали родным языком русский. В Удмуртской Республике этот показатель был чуть меньше – 87 280 из 299 874 удмуртов (29,1 %)³. Для сравнения: в 1959 г. удельный вес удмуртов с русским языком в качестве родного равнялся по РСФСР 10,2 %, в Удмуртии – 6,8; в 1989 г. – соответственно 28,9 и 24,3; в 2010 г. – 37,6 и 34,9 % [20, 346].

Важным каналом ассимиляции являлись межнациональные браки. Дети удмуртов, рождавшиеся в них, часто выбирали не удмуртскую национальность. В 2010 г. в России имелось 51 477 этнически однородных семей удмуртов, еще в 30 321 семье мужем был удмурт (37,1 %), а в 35 288 – женой была удмуртка (40,7 %). В Удмуртии насчитывалось 42 539 этнически однородных семей удмуртов, в 18 757 семьях мужем был удмурт (30,6 %), а в 21 546 – женой была удмуртка (33,6 %).

³ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 07.06.2023).

Таким образом, в 2010 г. в Удмуртии доля межнациональных браков с участием удмуртов была несколько меньше, чем в России в целом, однако это не противоречит общему выводу, что межэтнические браки у удмуртов получили широкое распространение. Соответственно в них появилось много детей. До 1996 г. включительно текущая статистика фиксировала по национальности матери сведения о новорожденных, у которых отец был другой национальности. Такие данные собирали статистические управление в регионах. По удмуртам России сводных данных нет, по Удмуртии они представлены в табл. 5. Для сравнения в ней приведены данные также по русским и татарам республики.

Как можно видеть, у удмурток все чаще появлялись дети, отцом которых был не удмурт. Если в 1990 г. доля таких детей среди всех рожденных удмуртками составляла 32,8 %, то в 1996 г. – 35,0 %. Причем эта доля нарастала с каждым десятилетием. Так, в 1960-е гг. удельный вес детей, у которых отец был другой национальности, в Удмуртии был равен всего 8,0 %, в 1970-е – 23,6, а в 1980-е гг. – 27,7 %.

Заключение

Изучение современных воспроизводственных и ассимиляционных процессов у удмуртов не позволяет четко ответить на вопрос о причинах изменения их численности. Наше исследование показало, что причинами уменьшения численности уд-

муртов за 2010–2021 гг. могла быть как депопуляция, так и ассимиляция. При этом одной депопуляцией такое масштабное сокращение объяснить нельзя, поскольку рождаемость у удмуртов была выше общереспубликанского уровня, а до 1996 г. больше был и естественный прирост (вероятно, он был больше и после 1996 г., но точными цифрами мы не располагаем). В то же время одной только ассимиляцией данное сокращение объяснить можно, о чем свидетельствуют значительные у удмуртов показатели межнациональных браков; новорожденных, отец которых был не удмуртом; считающих русский родным языком.

Скорее всего имели место и ассимиляция, и депопуляция, причем приведенные факты вынуждают предположить, что наибольшую роль в снижении численности удмуртов в 2010–2021 гг. сыграли все же ассимиляционные процессы. Очевидно также, что некоторая часть удмуртов могла быть просто не учтена при проведении последней переписи. Это ставит вопрос об улучшении этнического аспекта статистической отчетности. Речь идет как об уменьшении числа лиц, не указывающих свою национальность при проведении переписей населения, так и о возрождении текущей статистики по этническому признаку. Без решения этой проблемы государство будет оставаться в неведении относительно этнодемографических процессов. Соответственно грамотную национальную политику проводить будет сложно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васина Т. А. Динамика численности удмуртов в структуре населения Татарской АССР и Республики Татарстан в XX – начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 105–110. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/105-110.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
2. Ежова Н. Н. Рождаемость в Удмуртии и ее этнические особенности // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2014. № 2. С. 20–23. URL: https://www.igma.ru/attachments/article/868/N2_2014.pdf (дата обращения: 07.06.2023).
3. Логинова Н. Н., Жулина М. А. Финно-угорские народы мира и России: геодемографический аспект // Финно-угорский мир. 2011. № 2–3. С. 75–81. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2011/2-3/75-81.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
4. Логинова Н. Н., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 89–97. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/89-97.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
5. Мальченков С. А. Формирование региональной политической идентичности финно-

- угорских республик России: исторический контекст и современное состояние // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 4. С. 157–165.
6. Мурзабулатов М. В. Финно-угорские народы Башкортостана. Уфа: Гилем, 2010. 108 с.
 7. Мясникова А. Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX – начале XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 96–101.
 8. Никитина Г. А. Закамские удмурты: общее и особенное // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 42–50. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2016/2/42-50.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
 9. Никитина Г. А. Человеческий ресурс удмуртов в 2000–2010-е годы // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. Екатеринбург, 2016. Т. 1. С. 390–395.
 10. Поздеев И. Л. Удмурты Республики Татарстан: практики сохранения и воспроизведения этнической культуры в иноэтнической среде // Калейдоскоп культур: сб. материалов по результатам науч. экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. Казань, 2021. С. 170–179.
 11. Садиков Р. Р. Удмурты Башкортостана: современные тенденции национально-культурного развития // Ватандаш. 2020. № 11. С. 128–139.
 12. Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан: (история, культура, демография). Уфа: Первая тип., 2016. 275 с.
 13. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Этнодемографические и языковые проблемы удмуртского населения в Башкортостане // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2019. Т. 29, № 4. С. 660–668. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-660-668.
 14. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 2. С. 152–167. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
 15. Стрелков Н. С., Савельев В. Н., Гасников В. К., Стерхова Е. Л., Попова О. П. Об этнических особенностях смертности населения Удмуртской Республики в современных условиях // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2008. № 3. С. 18–20. URL: <http://rmiac.udmmed.ru/docs/ObEtnichOsobSmer.doc> (дата обращения: 07.06.2023).
 16. Уваров С. Н. Демографические и ассимиляционные процессы среди удмуртов во второй половине XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 1. С. 107–123. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/1919/1907>.
 17. Уваров С. Н. К вопросу о методике определения количественных размеров этнической ассимиляции в 1959–1989 гг. (на примере удмуртов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 148–153. DOI: 10.17223/19988613/84/19.
 18. Уваров С. Н. Углубление межэтнического взаимодействия в Удмуртии во второй половине XX в. и его факторы // Уральский исторический вестник. 2017. № 2. С. 69–77. URL: <http://uralhist.uran.ru/pdf/UvarovSN.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
 19. Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг.: моногр. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. 282 с.
 20. Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИЯЛ, 1993. 390 с.
 21. Христолюбова Л. С. Этнодемографические процессы в Удмуртии // Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии. М.; Ижевск, 2002. С. 38–49.
 22. Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 3. С. 111–125.
 23. Финно-угорский мир: опыт системного анализа / под ред. Н. М. Арсентьева. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2020. 424 с.
 24. Шамсутдинова Н. К. Народы Башкортостана в последней трети XX – начале XXI века: опыт историко-демографического исследования. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Инеш, 2017. 150 с.
 25. Черных А. В. Удмурты Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2017. 64 с.
 26. Lallukka S. The East Finnic minorities in the Soviet Union: an appraisal of the erosive trends. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1990. 344 s.

Поступила 09.06.2023; одобрена 23.06.2023; принятая 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. Н. Уваров – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета, sergey.uvarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

Udmurts: assimilation or depopulation? (to the results of the All-Russian population census of 2021)

Sergey N. Uvarov

*Udmurt State Agricultural University,
Izhevsk, Russia*

Introduction. The article attempts to answer the question about the reasons for the decrease in the number of Udmurts in 2010–2021. According to the census data, the reduction across the country over eleven years amounted to 30,0 %, in Udmurtia – by almost a quarter.

Materials and Methods. The sources included published materials from the 2010 and 2021 censuses, as well as unpublished current statistics where understanding of previous trends was required. The following research methods are used: historical-comparative, chronological, statistical.

Results and Discussion. The study showed that the assimilation processes played the greatest role in the decline in the number of Udmurts in 2010–2021. This is evidenced by the significant rates of interethnic marriages among the Udmurts; newborns whose father was not Udmurt; who consider Russian their native language. Such a large-scale reduction cannot be explained by depopulation, since the Udmurt birth rate was higher than the national level, and before 1996 the natural increase rate was also higher. It is also obvious that some of the Udmurts could simply not be counted during the last census.

Conclusion. The study showed that it is necessary to improve the ethnic aspect of statistical reporting. We are talking about both reducing the number of people who do not indicate their nationality in population censuses and reviving current statistics on ethnicity. Without solving this problem, it will be extremely difficult to analyze ethno-demographic processes.

Keywords: Udmurts, demographic processes, depopulation, assimilation, population census

Acknowledgments: The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-01604, available at <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>, at the Udmurt State Agricultural University.

For citation: Uvarov SN. Udmurts: assimilation or depopulation? (to the results of the All-Russian population census of 2021). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15:4:461–471. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.461-471.

REFERENCES

1. Vasina TA. Dynamics of Udmurt population in the population structure of the Tatar ASSR and the Republic of Tatarstan in the XX – early XIX centuries. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2013;3:105–110. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/105-110.pdf> (accessed 07.06.2023). (In Russ.)
2. Ezhova NN. The birth rate in Udmurtia and its ethnic features. *Zdorov'e, demografija, ekologija finno-ugorskikh narodov* = Health, Demography, Ecology of Finno-Ugric Peoples. 2014;2:20–23. URL: https://www.igma.ru/attachments/article/868/N2_2014.pdf (accessed 07.06.2023). (In Russ.)
3. Loginova NN, Zhulina MA. Finno-Ugric peoples of the world and Russia: geodemographic aspect. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2011;2–3:75–81. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2011/2-3/75-81.pdf> (accessed 07.06.2023). (In Russ.)
4. Loginova NN, Rebrova TP. Dynamics of the number of Finno-Ugric peoples. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2013;3:89–97. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/3/89-97.pdf> (accessed 07.06.2023). (In Russ.)
5. Malchenkov SA. Formation of regional political identity of the Finno-Ugric republics of Russia: historical context and current state. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2020;4:157–165. (In Russ.)
6. Murzabulatov MV. Finno-Ugric peoples of Bashkortostan. Ufa; 2010. (In Russ.)
7. Myasnikova AB. Demographic losses in Finno-Ugric world in late XX – early XXI century. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University. 2015;2:96–101. (In Russ.)
8. Nikitina GA. Trans-Kama Udmurts: general and special. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016;2:42–50. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2016/2/42-50.pdf> (accessed 07.06.2023). (In Russ.)

9. Nikitina GA. The Udmurt human resource in the 2000s and the 2010s. *Dinamika i inertsiost' vosproizvodstva naseleniya i zamenshcheniya pokolenii v Rossii i SNG*: sb. st. = Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS. Collection of articles. Ekaterinburg; 2016;1:390–395. (In Russ.)
10. Pozdeev IL. Udmurts of the Republic of Tatarstan: practices of preserving and reproducing ethnic culture in a foreign ethnic environment. *Kaleidoskop kul'tur*: sb. materialov po rezul'tatam nauch. ekspeditsii po izucheniiu kul'tury narodov Respubliki Tatarstan = Kaleidoscope of cultures. Collection of materials based on the results of scientific expeditions to study the culture of the peoples of the Republic of Tatarstan. Kazan; 2021:170–179. (In Russ.)
11. Sadikov RR. Udmurts of Bashkortostan: modern trends in national and cultural development. *Vatandash* = Vatandash. 2020;11:128–139. (In Russ.)
12. Sadikov RR. Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan: (history, culture, demography). Ufa; 2016. (In Russ.)
13. Safin FG, Muhtasarova EA, Khaliulina AI. Ethno-demographic and linguistic problems of the Udmurt population in Bashkortostan. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorija i filologija* = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. 2019;29;4:660–668. (In Russ.). DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-660-668.
14. Safin FG, Muhtasarova EA, Khaliulina AI. Ethno-linguistic and ethno-demographic development of Finno-Ugric nations in the Ural-Volga region. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019;11;2:152–167. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
15. Strelkov NS, Savel'ev VN, Gasnikov VK, Sterkhova EL, Popova OP. On the ethnic characteristics of the mortality rate of the population of the Udmurt Republic in modern conditions. *Zdorov'e, demografija, ekologija finno-ugorskikh narodov* = Health, Demography, Ecology of Finno-Ugric Peoples. 2008;3:18–20. URL: <http://rmiac.udmmed.ru/docs/ObEtnichOsobSmer.doc> (accessed 07.06.2023). (In Russ.)
16. Uvarov SN. Demographic and assimilation processes among the Udmurts in the second half of the XX century. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2018;12–1:107–123. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/1919/1907>. (In Russ.)
17. Uvarov SN. On the question of the method of determining the quantitative dimensions of ethnic assimilation in 1959–1989 (on the example of Udmurts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* = Tomsk State University Journal of History. 2023;84:148–153. DOI: 10.17223/19988613/84/19 (In Russ.)
18. Uvarov SN. Deepening interethnic interaction in Udmurtia in the second half of the 20th century and factors. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Journal. 2017;2:69–77. URL: <http://uralhist.uran.ru/pdf/UvarovSN.pdf> (accessed 07.06.2023). (In Russ.)
19. Uvarov SN. Ethno-demographic processes in Udmurtia in 1959–1989. Monograph. Izhevsk; 2019. (In Russ.)
20. Pimenov VV, ed. Udmurts: historical and ethno-graphic essays. Izhevsk; 1993. (In Russ.)
21. Khristoliubova LS. Ethnodemographic processes in Udmurtia. *Fenomen Udmurtii. T. 3. Ideologija i tekhnologija etnicheskoi mobilizatsii. Kn. 1. Udmurtskoe natsional'noe dvizhenie. Nadezhdy. Vozmozhnosti. Realii* = Phenomenon of Udmurtia. Moscow; Izhevsk; 2002;3;1:38–49. (In Russ.)
22. Fauzer VV. The Finno-Ugric people in the modern world. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2011;3:111–125. (In Russ.)
23. Arsentyev NM, ed. Finno-Ugric world: experience of system analysis. Saransk; 2020. (In Russ.)
24. Shamsutdinova NK. Peoples of Bashkortostan in the last third of the XX – early XXI centuries: experience of historical and demographic research. Ufa; 2017. (In Russ.)
25. Chernykh AV. Udmurts of Perm: history and culture. Saint-Petersburg; 2017. (In Russ.)
26. Lallukka S. The East Finnic minorities in the Soviet Union: an appraisal of the erosive trends. Helsinki; 1990.

Submitted 09.06.2023; reviewing 23.06.2023; accepted 28.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. N. Uvarov – Candidate Sc. {History}, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agricultural University, sergey.uvarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

Мотивы творения мира из яйца в мифах прибалтийско-финских народов, коми и мордвы в контексте образа божественной птицы: сравнительный анализ

Александр Сергеевич Иликаев

Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия

Введение. В статье предпринимается попытка обзора и систематизации основных имеющихся космогонических мифов мордвы и коми с участием птиц, а также данных по птичьему культу и образу божественной птицы у указанных этносов с целью выяснения специфики мифа творения мира из яйца у финно-угров Урало-Поволжья в сравнении с аналогичным мотивом у прибалтийско-финских народов.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили научная литература и сборники фольклора. Сравнительный метод позволил сопоставить те или иные элементы мифологических представлений, выявить их общие и особенные черты.

Результаты исследования и их обсуждение. Миф о творении мира из яйца имеется у прибалтийско-финских народов, а также у мордвы и коми. На основе проведенного анализа автор, наряду с версией балкано-европейского заимствования, предлагает версию самостоятельного возникновения мифа творения мира из яйца в прабалтийско-угорской и, шире, прауральской мифологии. Высказывается предположение, что гибридный космогонический миф коми не является результатом взаимодействия с западными соседями, а сохраняет изначальный комплекс представлений, объединяющих в себе мотивы мифа о ныряющей птице и мифа о творении из яйца. Выясняется, что образ божественной птицы может непосредственно восходить к наиболее древнему комплексу космогонических мифов, включающему в себя мотивы братьев-творцов.

Заключение. Наиболее архаичное состояние изначальной космогонии сохранила мифология коми. В то же время образ божественной птицы получил дальнейшую разработку в мордовской мифологии и оказался вписан в патриархальный пантеон во главе с Нишкепазом.

Ключевые слова: творение из яйца, мировое яйцо, божественная птица, прибалтийско-финские народы, коми, мордва

Для цитирования: Иликаев А. С. Мотивы творения мира из яйца в мифах прибалтийско-финских народов, коми и мордвы в контексте образа божественной птицы: сравнительный анализ // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 472–482. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.472-482.

Введение

Новизна данного исследования заключается в систематизации и сравнительном анализе основных космогонических мифов коми и мордвы с участием птиц вообще и мотива творения мира из яйца в частности в контексте образа божественной птицы. Кроме того, автор предлагает гипотезу самостоятельного формирования и развития мотивов мифов о ныряющей птице (МНП) и мифов о творении из яйца (МТЯ) в коми и мордовской мифологии.

Обзор литературы

Миф о творении мира из яйца, в том числе в виде отдельного мотива или фрагмента, принадлежит к числу наиболее популярных у самых различных народов мира. В частности, своеобразные образы птиц (курочки Рябы, утки), которые сносят волшебные яйца, сохранились в восточнославянском фольклоре [1, 133]. Данный миф, как отмечает Б. А. Дорошин, фиксируется у финно-угорских народов Поволжья и восходит к образу богини-матери (архетипу Великой Матери) [5, 156–157]. Если гово-

рить о финно-угорской традиции в целом, то, как указывал еще В. В. Напольских, космогонический сюжет о птице, которая сносит яйцо на лоно первичных вод, так называемый миф о сотворении мира из яйца, прослеживается в основном на материале прибалтийско-финских рун. Тем не менее полноценный миф о сотворении мира из яйца среди народов Урало-Поволжского региона зафиксирован у коми, хотя он и представляет собой сплав МНП и МТЯ. Мордовский миф, по мнению В. В. Напольских, является маргинальной версией МТЯ, поскольку в нем говорится не о возникновении мира из яйца, а о рождении богинь. Также мордовский миф обнаруживает определенную близость к эстонским рунам: в обоих случаях повествуется о мировом дре-ве (кусте), на котором птица вьет гнездо [8, 30–31]. Марийская версия МТЯ, в том числе записанная М. И. Ивановым не так давно, представляется промежуточной между мордовским и коми вариантами [7, 143].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили научная литература и сборники фольклора. Применение сравнительного метода позволяет сопоставить те или иные элементы мифологических представлений, выявить их общие и особенные черты.

Результаты исследования и их обсуждение

В. В. Напольских справедливо полагает, что благодаря эпосу Э. Лённрота сюжет о творении мира из яйца, снесенного уткой, давно заслужил внимание исследователей. Он также замечает, что ученые, сосредоточившись на прибалтийско-финских вариантах, отрицают связь данного мифа с мифом о ныряющей птице [8, 29–30]. Между тем, по мнению составителей новейшего словаря мордовской мифологии (2013), в мордовских космогонических мифах существует мотив поднятия земли со дна первобытного океана ныряющей птицей. Последняя имеет специальное обозначение: Ине Нармунь / Ине Нармонь / Покш нармунь (Великая птица). В целом сам

МНП, в том числе у мордвы, восходит еще к каменному веку¹. У народов восточной половины финно-угорского мира трансформацию в первобытный хаос обычно вносит именно водоплавающая птица (гагара, утка-нырок, утка-чирок и т. д.). В этом случае образ водоплавающей птицы не случаен, поскольку птица-творец как бы связывает стихии: может ходить по земле, плавать по воде и летать по воздуху².

Саамский и карело-финский варианты МТЯ признаются В. В. Напольских самыми архаичными. Их содержание в общих чертах таково: утка (гусь) летит над водами древнего океана, находит место для гнездовья (травинку, колено первосущества), сносит несколько яиц, из которых возникают земля, небо, светила, а также животные [8, 27–28]. Далее достаточно убедительно ученый развивает мысль о том, что МТЯ у прибалтийско-финских народов, а также, по всей видимости, у мордвы и коми не является прауральским по происхождению, в отличие от «нормальных» вариантов МНП, а восходит к балто-славянскому и, в конечном счете, пеласгийскому (догреческому) источнику [8, 31–36]. Признавая, что совершенно исключать наличие у прауральцев МТЯ нельзя, В. В. Напольских все же склоняется к мысли о том, что данный миф невозможно считать не только прауральным, но даже прайнно-угорским [8, 36–37].

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению конкретно мотива о творении мира из яйца у коми и мордвы, есть смысл дать обзор имеющихся мифов типа МНП. Это обусловлено не только тем, что и в первом, и во втором случае активным демиургическим началом выступают птицы (как будет видно из дальнейшего, не всегда водоплавающие), но и синкретическим характером космогонического мифа коми.

Коми-пермяцкий и коми-зырянский варианты МНП имеют очевидную близость к сибирским космогоническим мифам, поскольку в них участвуют утка и гагара. Согласно коми-зырянскому мифу, бог Ен в образе лебедя плюет и из его плевка появляется противник Омоль в виде гагары.

¹ См.: Мордовская мифология: энцикл.: в 2 т. Т. 1. А – К. Саранск, 2013. С. 440.

² Там же.

Омоль ныряет за землей. Ен творит сушу, но Омоль обманывает верховного бога, пробивая в земле дырку, из которой потом появляются различные гады и комары. По мнению В. В. Напольских, возникновение черта-гагары может быть свидетельством влияния европейско-русской традиции. При этом, по мысли исследователя, присутствует противопоставление божественной утки и нечистой гагары, характерное для архаических угро-самодийских космогонических мифов [8, 141]. Ен-лебедь повергает Омоля-гагару в ужас громовыми раскатами своего голоса. Молния опаляет до черноты бока гагары, и та в испуге ныряет в воду. Таким образом в мифе одновременно существует объяснение возникновения грома и особенностей внешнего вида и поведения гагары [10, 198].

Достаточно своеобразным представляется вариант синкретического коми-зырянского МНП, где имеются элементы, сближающие его с польскими и латышскими космогоническими преданиями. После того как Ен терпит поражение в попытке похитить жену Омоля Ань, он вздигает небо, где поселяется со своими голубями. Голуби летают всюду, но их настигают вороны Омоля. Только один голубьозвращается к Ену, неся в клове частичку тины. Когда его начинает догонять ворон, Ен душит злую птицу. Из тины образуется земля, а из воды, пролившейся из глотки ворона, – море. При этом характерно, что Ен и Омоль первоначально пребывали в образе лягушек, живших на первичном болоте [10, 199–200].

Согласно польскому сказанию, дьявол уговаривает утку украсть частичку земли. Но бог замечает это и посыпает за похитительницей ястреба. Когда ястреб настигает утку и принимается ее душить, та, крича, роняет почву из клюва. После этого на земле воздвигаются горы [3, 363].

Еще большее сходство с коми-зырянским вариантом находится в латышском мифе. Бог побеждает и разрывает орла. Кровь птицы образует море, а тело – ил и грязь. Внутри орла оказывается большое яйцо. Бог разбивает его и отбрасывает от себя. Одна часть яйца устремляется наверх и становится небом, другая – падает в море

и, соединившись с тиной, становится землей [8, 32]. Таким образом, польский миф оказывается оригинальной версией МНП, а латышский – МТЯ.

В коми-пермяцком мифе Ен в виде утки плавает по первичному морю, потом велит Кулю-гагаре принести со дна землю. Здесь противостояние утки и гагары выражено последовательнее. Это позволяет В. В. Напольских предположить большую архаичность именно коми-пермяцкого МНП [8, 141].

У мордвы исследователями были записаны три варианта космогонического мифа. В эрзянском варианте Чам-паз, верховное божество, путешествуя по первичному океану, встречает Шайтана, передвигающегося в образе утки. Чам-паз велит Шайтану-утке нырнуть и принести землю, из которой затем творит твердую почву. При этом Шайтан пытается утаить землю, отчего возникают различные неровности. Миф в целом, по мнению В. В. Напольских, чрезвычайно близок к северорусскому, а также марийскому вариантам [8, 140–141]. Еще больше следов воздействия народного христианства несет на себе мокшанский вариант. Верховный бог Вардя-шкай, странствуя по первичному морю в лодке, встречает Шайтана в образе гоголя. Вардя-шкай приказывает Шайтану-гоголю нырять за землей. Тот два раза ныряет неудачно. Третья попытка – с именем бога – увенчивается успехом. Миф также завершается эпизодом «утаивания земли» [8, 141]. Еще один мокшанский вариант МНП В. В. Напольских, хотя и с оговорками, считает наиболее архаичным среди других волжско-финских вариантов. В этой версии бог в образе утки сам ныряет за землей, выплевывает ее, творит сушу. Черт, подсмотрев за богом, создает горы [8, 141].

В «основном» коми-зырянском космогоническом мифе рассказывается о том, как утка-праматерь сносит шесть яиц в первичном океане. Четыре яйца тонут в морской пучине, а из двух утка высиживает демиургов Ена и Омоля. Поведав сыновьям об упущенных яйцах, утка взвивается в небо, а потом, падая, разбивается о воду. Разросшееся тело утки становится основанием земли. Пока Ен ныряет за яйцами, Омоль

затягивает поверхность моря льдом. Но Ен не только разламывает лед громом и молнией, но и творит из одной части яйца на теле матери землю, а из другой – солнце. Из второго извлеченного из моря яйца – добрых помощников-ангелов. Из оставшихся, испачканных илом, третьего и четвертого яиц Омоль создает луну, болота, озера и злых духов³ [2; 8, 29; 10, 198].

В. В. Напольских прямо связывает распространение мотивов МТЯ у западных финно-угров, а также у коми и мордвы с миграцией представителей беломоро-балтийской расы [8, 35]. Думается, это не исключает версии наличия в прошлом у восточных финно-угров специфических, гибридных мифов МНП + МТЯ. В свою очередь, они тоже могли заимствоватьсь балтами и славянами. Для выяснения возможности такого направления религиозно-культурного взаимодействия между народами необходимо более подробно остановиться на орнитоподобных образах в космогонии коми и мордвы в контексте образа божественной птицы.

Для начала снова обратимся к прибалтийско-финскому материалу. Финский исследователь М. Кууси считал орла (орлицу) в руне о снесении яиц на колено Вяйнямейнена изначальным образом калевальского мифа [8, 30]. Такой вывод основывался на схеме исходного космогонического мифа, предложенной исследователем: орел – творец светил символизировал небо, верхний мир, а щука, соотносимая с Вяйнямейненом, – нижний, водный мир [13]. В. В. Напольских возражает М. Кууси, полагая мифологемы водоплавающих птиц, утки и гуся, более древними [8, 30]. Тем не менее стоит обратить внимание на сюжет марийской народной песни, где содержится противопоставление коршуна снесшей в траве посреди речки яйцо гусыне [7, 148]. С руной о снесшем яйцо орле, очевидно, корреспондируют водский (или ижорский) миф о ласточке, которая «летала летним днем, играла темной ночью, искала землю поспать, травку снести яйца» [2], а также

вепсский фрагмент космогонического сюжета. Согласно последнему, утка-нырок (*сотк*) летела через море, опустилась на кочку, снесла три яйца, вывела трех птенцов: «старшего положила в бороздку, среднего в сеточку, младшего в неводок; куда ей самой идти? По дорогам журавлем петь, по болоту постукивать» [2]. Водский и вепсский мифы показывают, что птица могла быть как не связанной с водной стихией, так и водоплавающей.

Известно, что утка и гусь в качестве жертвенной птицы играли большую роль у марийцев и удмуртов. Нередко утка оказывалась наиболее распространенной и предпочтительной жертвой даже высшим божествам, не говоря уже о массе мелких духов. Также у удмуртов зафиксирован обряд содержания и откармливания специальных священных лебедей [8, 76].

Как отмечается в «Мифологии Коми», специального культа утки у коми-зырян и коми-пермяков не обнаружено. Считалось, что водяной может принимать образ утки. В некоторых случаях грудная кость утки сохранялась в качестве оберега. В форме уток изготавливались солонки, которые входили в приданое невесты, пиршественные ковши для употребления пива. Также при строительстве дома под первые венцы могли закладывать утиное крыло⁴.

Архаизм и явная перекличка с сибирскими в коми МНП – противопоставление утки гагаре. Слово, обозначающее последний, характерный больше для районов арктического побережья, вид водоплавающих птиц, встречается в финском (*tohtaja*), саамском (*tohkt*), коми (*tok*), мансийском (*takm*), марийском (*tokta*) языках⁵. Его как будто нет в удмуртском и, тем более, мордовских языках. При этом у марийцев не сохранилось никаких особых примет или обрядов, связанных с гагарой.

Лебедь у коми преимущественно считается чистой птицей. Он одновременно олицетворяет верховное божество Ена и дочь лесного царя, выданную против ее воли за водяного владыку. Вырвавшись на волю,

³ См.: Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми. М.; Сыктывкар, 1999. С. 414.

⁴ См.: Энциклопедия уральских мифологий... С. 370.

⁵ См.: Вершинин В. И. Марий мут-влакын күшеч лиймьышт: этимологий мутер = Происхождение слов марийского языка: этимол. слов. В 2 т. Йошкар-Ола, 2017–2018. Т. 1. А – М, 2017. + Т. 2. Н – Я, 2018. С. 522.

последняя даже становится родоначальницей всех прочих лебедей. Как и у мари и удмуртов, у коми на лебедей не охотились и не ели их мяса⁶.

Наиболее интересным феноменом в контексте сравнения прибалтийско-финских и коми МТЯ представляется коми-пермяцкое этногенетическое предание о злом божестве Шурме, живущем на солнце (как и удмуртская Шунды мумы, которой приносили в жертву утку) со своим вороном. Некогда Шурма требовал человеческих жертв и за это обеспечивал людям невиданное процветание. Но после того как в жертвах было отказано, он наслал на людей ворона. Злобная птица извергала исходящее из клюва пламя, а предводителей племени братьев Остьяса и Ошьяса прогнала далеко на запад. Когда братья попытались вернуться, выпавшее из крыла ворона перо перегородило им путь, образовав горы, а проведенная когтем борозда – водяной поток⁷.

В этом мифе присутствуют, с одной стороны, уже знакомые космогонические мотивы, имеющиеся в славяно-балтском и прибалтийско-финском регионе, а с другой – мотивы, сближающие данный сюжет с мордовскими и даже угорскими материалами, что можно будет увидеть далее.

Интересно высказанное В. В. Напольских соображение о том, что миф о ныряющей птице – творце земли не относится к числу общемировых сюжетов и впервые появился в монголоидной азиатской среде [8, 38, 42]. При этом миф о двух братьях (сестрах) – творцах или миф о птице (животном) – творце имеется у самых разных народов: от австралийцев до индейцев Южной Америки [2]. Особенно показателен миф даяков (о. Калимантан, Индонезия). В нем рассказывается, как два похожих на птиц духа плавали по воде, а потом выхватили из воды два твердых комочека, по форме напоминающих куриные яйца. Из одного духи создали небо, а из другого – землю [2]. Еще более похоже на калевальский сюжет с орлом и на «обычные»

финно-угорские МНП вообще космогоническое предание обских угров. Так, манси был известен миф о том, как крылатый бог Курк ики (Орел-старик) нес на себе над океаном землю-поклажу. Куски земли падали, образуя острова. На одном из таких участков суши, изгнав лесного духа Ялань ики, Курк ики и свил гнездо [2].

Есть соблазн посчитать данный сюжет заимствованием у сибирского или даже палеоазиатского населения, например у эвенков (согласно преданию последних, творец Пуркан отправляет коршуна искать песок-глину) и т. п. Однако скорее речь идет о древнейшей общей для человечества космогонической мифологеме сотворения земли птицей-духом, божеством либо напрямую, либо путем ее извлечения из какого-то иного объекта (яйца или даже мусора, кала). Известен коми-пермяцкий текст: «Кругом было море, земли не было. Пролетела птица – помет упал. С него началась земля...»⁸. Вряд ли коми-пермяки могли заимствовать его, например, у чукчей из цикла мифов о творце Куркиле [2].

В мордовской традиции Ине Нармонь могла воплощаться в образе Ашо Локсей (Белой лебеди). Мордовское слово *Локсей* прабалтийского происхождения, родственно фин. *joutsen*, мар. *йўксö*, коми, удм. *юсь*. В этом случае Великая птица выступала божественной посланницей верховного бога Нишкепаза, посредницей между ним и народом. Считалось, что Ашо Локсей живет непосредственно у престола Нишкепаза, знает все его дела. Белая лебедь ходит по определенным богом путям и выполняет его указания. Когда Ашо Локсей опускается на землю, люди ее не видят, если сами того не захотят. Белая лебедь Нишкепаза отличается необычайной красотой, обладая белоснежными крыльями, шеей, подобной медной трубе, зобом, подобным медной братине, позолоченным клювом, черными ногами⁹.

Ашо Локсей имеет явные антропоморфные черты (как Ильматар-утка в «Калевале»). Так, Белая лебедь навещает дом

⁶ См.: Энциклопедия уральских мифологий... С. 407.

⁷ Там же. С. 338.

⁸ Там же. С. 432.

⁹ См.: Мордовская мифология... С. 72–73.

зажиточного эрзянина. Однако тот отказывается вознести благодарственную молитву Нишкепазу, поскольку у вышнего бога всего один ребенок-девочка, а у него – семь сыновей. Когда вернувшаяся на небо Ашо Локсей рассказывает Нишкепазу о высокомерии человека, бог насыщает мор на семью богача, отнимая у него всех сыновей¹⁰.

Еще одной ипостасью Ине Нармонь выступает Ашо утка (Белая утка). Против древности этого образа может свидетельствовать не финно-угорский, на первый взгляд, облик составляющих его имя слов. Действительно, утка представляет собой прямое заимствование из русского языка, а *Asho* некоторыми исследователями признается тюркизмом. На самом деле определитель *ашо* ‘белый’ в мордовских, как и в марийском, языках не является тюркским заимствованием, поскольку поволжско-финские варианты восходят к прафинно-угорскому *ačka¹¹. Именно белую утку жертвовали богине солнца Шунды мумы удмурты [11, 57]. Гораздо чаще для обозначения утки используются исконные мордовские слова эрз. яксярго, мокш. яксярга ‘утка’ (ср. фин. sotka, мокш. судемка¹², мар. шуэ¹³, удм. сюлы¹⁴, коми сюл-чёж) звукоподражательного происхождения [12, 210; 15].

В целом образ утки менее характерен для мордовской мифологии, хотя утка также может являться помощницей Нишкепаза. Космогонических сюжетов с участием утки у мордвы не сохранилось. Однако в народных песнях встречаются фрагменты мифа о нарушении охотниччьего табу. Так, в одной песне утка высиживает своих птенцов, но приходят охотники и, несмотря на ее мольбы, убивают птицу-мать. От выстрела в Ашо утку начинают дрожать земля, звенеть небо, долы и овраги наполняются птичьей кровью, земля покрывается утиными перьями, небо – утиным пухом.

В другом варианте песни, вернувшись домой, охотник находит свою жену и детей погибшими¹⁵.

Составители словаря мордовской мифологии трактуют данный сюжет с чисто утилитарных позиций как недопустимость покушений на морально-духовные устои живущего почитанием животворящей природы общества¹⁶. Не отвергая целиком этой версии, можно предположить, что изначально во фрагментах об Ашо утке был заложен другой смысл (при древности самой идеи охотничьего табу). Очевидно, что перед нами – своеобразный эсхатологический миф, т. е. предание не о сотворении, а о гибели мира. Можно представить, что в прошлом у мордвы бытовал космогонический миф о том, как утка творит из снесенных яиц землю, небо, долы и овраги, а также использует свою кровь, перья и пух. Это наводит на мысль о возможном сходстве реконструируемого мордовского МТЯ с коми-зырянским мифом.

В обрядах следов почитания лебедей и уток у мордвы осталось еще меньше, чем у коми. Тем не менее следует отметить, что песню об Ашо утке девушки исполняли в начальный день празднично-обрядового действия «Дом девичьего пива», где она выступала не только музыкальным сопровождением, но и своеобразным стержнем празднества¹⁷. Сходные обычаи (յұдыр йұктымаши, Ѽұдыр сий) с исполнением гимнов в честь богинь Вўд-Авы, Мланде-Авы были у мари. «Девичий пир» известен также чувашам [6, 213].

Как отмечает В. Я. Петрухин, у мордвы сохранился миф о Великой птице Ине Нармонь, которая сносит мировое яйцо (Ине ал, Оци ал): из желтка образуется земля, из скорлупы – подземная и небесная твердь. Согласно другому варианту, это происходит на мировом древе, березе или дубе [2; 10, 292]. Интересно, что мировое дерево

¹⁰ См.: Мордовская мифология… С. 72–73.

¹¹ См.: Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 4 (Пиледемс – Уштомс). Йошкар-Ола, 2009. С. 391.

¹² Там же. С. 413.

¹³ См.: Вершинин В. И. Марий мут-влакын күшеч лиймышт. С. 689.

¹⁴ См.: Вершинин В. И. Этимология удмуртских слов. Йошкар-Ола, 2015. С. 194.

¹⁵ См.: Мордовская мифология… С. 74.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

растет на вершине холма в глубине лесной чащи и его корни окружают землю [14, 202]. Пока творец вселенной Чи-паз спит, мировое древо вырастает так, что его корни достигают подземных вод, ими заполняются овраги и ямы, земля вокруг становится сырой, образуется р. Сура. Не желая спать на сырой земле, Чи-паз перебирается на мировое древо, где случайно давит яйцо, снесенное Ине Нармонь. Тогда из него рождается богиня Ангэ-Патай [10, 293].

На первый взгляд, сюжет, объясняющий появление Ангэ-Патай, не имеет никакого отношения к МНП и МТЯ. Тем не менее определенный интерес представляет образ самой Ине Нармонь: «Великая птица, водяная птица / Подняла крылья, / Ударила лапами... / Куда... опустилась? (садилась) / На поле Леши... / Посреди поля лужок, / Посреди луга кочка, / На кочке гнездо свила...»¹⁸. Суммируя сказанное, можно обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, мордовское мировое древо производит впечатление растущего посреди первичного моря осокоря, высокого куста, нежели традиционного дерева на вершине горы. Отсюда подчеркивание темы влаги, ключей, рек. Во-вторых, Ине Нармонь прямо называется «водяной птицей», да и особенности ее «приземления» скорее напоминают спуск лебедя или утки на воду (удары лапами). Кочка посреди луга тоже похожа на торчащую из морских вод кочку из руны «Калевалы».

Выше уже упоминался маргинальный вариант мордовского МТЯ, где Ине Нармонь сносит яйца на великанской березе с тройным корнем. Это дерево, по справедливо-му замечанию В. В. Напольских, является определенной параллелью калевальскому дубу. В эрзянской песне утверждается, что гигантская береза росла еще в дочеловеческие времена. Она обладала тройным корнем и своей кроной заслоняла солнце и луну. Посланная богом Ине Нармонь свила на ней гнездо. В гнезде из яиц вывелись три богини: Мать поля – Норов-ава, Мать

ветра – Варма-ава и Мать леса – Вирь-ава. В другом эрзянском варианте из яиц выпустились не богини, а первые птицы: жаворонок – олицетворяющий начало весенних полевых работ, соловей – символизирующий дом и домашнее хозяйство, кукушка – являющаяся лесной птицей [8, 29; 9, 23; 10, 315].

Составители словаря мордовской мифологии отмечают, что Ине Нармонь выступает как типичная героиня МНП. Вместе с тем сюжет о создании Великой птицей мира из яиц является как бы продолжением МНП. Реконструкция мордовского МТЯ выглядит следующим образом. Ине Нармонь сносит яйцо, которое разбивается. Из верхней части яйца возникает небесный свод, из нижней – земля. Желток становится солнцем, белок – месяцем¹⁹. Очень интересной особенностью мордовского МТЯ представляется то обстоятельство, что из яиц Ине Нармонь в гнезде на Великом древе затем появляются по порядку боги, животные, народы²⁰.

Уже безотносительно видовой принадлежности, как некая фантастическая птица, Ине Нармонь выступает в роли медиатора между Нишкепазом и человеческим родом. Составители словаря мордовской мифологии отмечают, что в этом случае она носит наименование «Великой птицы большой воды». Это лишний раз подчеркивает ее связь с первобытным океаном²¹.

Ине Нармонь обладает красивыми ногами, светящимися оперением, грудью, подобной белой пороше, клювом, подобным острому золотому шилу (ср. описания Ашо Локсей и Ашо утки).

В одной из песен Ине Нармонь представлена в образе божественной птицы, подвергающей испытанию мудрость старейшин. Под белой березой, возвышающейся на макушке большого холма посреди бескрайнего поля, стоит стол, заставленный яствами. За ним сидят седые старейшины. Гостей потчует девушка-красавица. На вершине дерева сидит Ине Нармонь и загадывает

¹⁸ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981. С. 104.

¹⁹ См.: Мордовская мифология... С. 440.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 147.

старикам загадки: какая птица без крыльев летать может? Какой зверь без ног бегать? Какая трава без корней рости? Старики не спрятываются с отгадыванием загадок, тогда им на помощь приходит девушка, называя ответы: солнце, река, человек²². По мнению составителей словаря мордовской мифологии, здесь мы имеем сюжет о превосходстве молодости над старостью и в красоте, и в уме.

Еще более поздним по происхождению является представление функции Ине Нармонь как посредницы между вышним богом и людьми и как символа восхождения к богу и связующего звена между небом и землей²³.

Данные объяснения, очевидно, следует несколько расширить. Выше на примере образа Ашо утка уже указывалось, что в мордовской мифологии, возможно, сохранились фрагменты достаточно древнего МНП с элементами МТЯ. С учетом очень высокой степени антропоморфности Ине Нармонь, подчеркивания ее провидческой природы возможно также, что в прошлом для коми и мордовской мифологии был характерен миф о божественной птице (МБП), снесшей мировое яйцо. Следы подобного мифа можно обнаружить у прибалтийско-финских народов. Прежде всего, Ильматар-утка спускается на воды по повелению небесного бога Укко²⁴. Помимо Ильматар сам Укко может иметь птичьи атрибуты («каменные громовые когти») [10, 98]. Сын Ильматар Вайнемейнен, сводя деревья под посевы, оставляет березу, на которой отдыхает орел²⁵.

Определенную параллель мордовской Ине Нармонь составляет горномарийская сказочная птица Эфи. Описание последней напоминает описание облика Кастарго, одной из дочерей Нишкепаза [10, 301]. Близок к Ине Нармонь и образ удмуртской обрядовой необычайно красивой птицы – павлина (*тугытыш*) [4, 201].

Еще одним подтверждением древнего истока образа мировой птицы служат образы венгерской мифической птицы Турул и

обско-угорской Кальм – посланницы богов. Поскольку дальнейший анализ образов Турул и Кальм выходит за рамки настоящей статьи, отметим лишь, что они имеют отношение к североевразийско-американскому мифу о расхитителе гнезд. Собственно миф о мировом яйце также обнаруживаетя у чувашей и народов Сибири [2].

Думается, необходимо хотя бы гипотетически предположить источник всех мифов типа МНП и МТЯ в прауральской и пифинно-угорской традиции. Прежде всего, нужно исходить из наличия образов орнитоподобных демиургов и божественных птиц. Они отмечаются по всему североевразийскому и североамериканскому ареалу от индейцев, палеоазиатов до славян: образ ворона-творца, образы водоплавающих птиц – творцов, образ иранской птицы счастья Хомай. Особо следует выделить наличие мифа о вороне-творце у коми, обских угров и палеоазиатов, прямо связанного с образами братьев-демиургов. Первоначально здесь речь могла идти о космогоническом мифе, где братья (сестры) – творцы посыпают птицу, которая творит мир, причем мир мог твориться как из тела самой птицы, так и из снесенных ею яиц. Наиболее древнее состояние прауральской и пифинно-угорской традиции сохранила мифология коми, хотя образ живущего на солнце ворона очевидно демонизировался. В мифах мордвы образ божественной птицы получил дальнейшую разработку уже с учетом эволюции патриархальной семьи богов во главе с Нишкепазом. При этом вследствие позднейших контактов с русским населением в обеих традициях возникли варианты МНП, практически не отличимые от народно-христианских легенд о Боге и Черте.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что еще в период пифинно-угорской (как минимум) общности помимо «классического» МНП у предков коми и мордвы имелся МБП, содержащий в себе элемент

²² См.: Мордовская мифология... С. 147–148.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ См.: Калевала / пер. с фин. Л. Бельского. М., 1977. С. 39.

²⁵ Там же. С. 49–50.

МТЯ. Впоследствии у коми он стал напоминать гибрид МНП и прибалтийско-финского МТЯ. У мордвы, сохранившись фрагментарно, он эволюционировал, как и в эстонской традиции, в миф о птице на вершине мирового древа. При этом для восточных финно-угров оставалась актуальной версия мирового яйца, из которого преимущественно возникают не отдельные светила, звезды, а собственно мироздание или его части, включая живых существ. Дальнейшая эволюция МБП в мордовской

традиции была связана с все большей антропоморфизацией образа Ине Нармонь и почти полным ее отождествлением с дочерью (женой) и посланницей главы патриархального пантеона во главе с Нишкепазом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

мар.	мариийский язык
мокш.	мокшанский язык
удм.	удмуртский язык
фин.	финский язык
эрз.	эрзянский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Т. В. Птица в строении восточнославянских мифов о Мировом яйце // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 5–2. С. 131–133.
2. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Космическое яйцо. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 14.01.2023).
3. Веселовский А. Н. Избранное: Традиционная духовная культура. М.: РОССПЭН, 2009. 622 с. (Российские Пропилеи).
4. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миrotекст: образ, символ, ритуал: моногр. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
5. Дорошин Б. А. Архетипический образ птицы-демиурга в мифологических представлениях финно-угров Поволжья: некоторые антропocosмические аспекты // Социосфера. 2010. № 4. С. 156–160.
6. Иликаев А. С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урала-Поволжья: башкиры, марийцы, русские: моногр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 336 с.
7. Иликаев А. С. Мотивы творения мира из яйца в космологических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов: сравнительно-сопоставительный анализ // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 2. С. 140–153. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40547.
8. Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-
- Маклая АН СССР, 1991. 189 с. (Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи).
9. Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 19–28.
10. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: АСТ: Транзит книга, 2003. 463 с.
11. Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). 2-е изд., доп. Уфа: Первая тип., 2019. 320 с.
12. Спиридовон С. Н., Лысенков Е. В., Кузнецова В. А., Водясова Л. П., Макушкина Л. И., Рузанкин Н. И., Лапшин А. С., Гришуткин Г. Ф., Ручин А. Б., Артаев О. Н. Мордовские названия птиц и млекопитающих Республики Мордовия // Труды Мордовского государственного природного заповедника им. П. Г. Смидовича. 2011. Вып. 9. С. 201–218.
13. Туюнен С. В. К вопросу о прародителе огня в карело-финских заговорах // Фольклористика Карелии: сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 109–117. URL: <https://www.vottovaara.ru/k-voprosu-o-praroditele-ognya-v-karelo-finskix-zagovorax.html> (дата обращения: 24.11.2023).
14. Харва (Хольмберг) У. Верования и мифология народов Северной Евразии / пер. с англ. И. В. Кучумова, Т. Г. Миннияхметовой. М.: Касталия, 2022. 354 с.
15. Maticák S. Az erza-mordvin állatnevek ósi képzői // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 2014. Kötet 110. O. 97–130. URL: https://finnugorarts.unideb.hu/adatok/maticak/pdf/052_2-Allatnevek-NyK.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

Поступила 09.03.2023; одобрена 05.04.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. С. Иликаев – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Уфимского университета науки и технологий, jumo@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6773-9053>

Motives of the world creation from an egg in the myths of Baltic-Finnish peoples, Komi and Mordovians in context of the image of the divine bird: a comparative analysis

Alexander S. Ilikaev

*Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia*

Introduction. This article attempts to review and systematize the main available cosmogonic myths of the Mordovians and Komi with the participation of birds; the data on the bird cult and the image of a divine bird to clarify some specifics of the Finno-Ugric population of Ural-Volga area regarding the myth of the world creation from an egg in comparison with the similar Baltic-Finnish motive.

Materials and Methods. The article is based on the scientific literature, and the collections of folklore. The comparative method makes it possible to compare certain elements of the mythological representations, to identify their common and special features.

Results and Discussion. The myth of the world creation from an egg is present in the tradition of the Baltic-Finnish peoples, Mordovians and Komi. Based on the analysis conducted, the author, along with the version of Balkan-European borrowing, suggests a version of the independent origin of the myth of the world's creation from an egg in Finno-Ugric and, more broadly, Proto-Uralic mythology. At the same time, it is possible to assume that the hybrid Komi cosmogonic myth could not be the result of interaction with its Western neighbors but preserve the original complex of representations combining the motives of the myth of the diving bird and the world creation from an egg. Thus, it was found out that the image of a divine bird could directly ascend to the most ancient complex of cosmogonic myths which included the motives of the brothers-creators.

Conclusion. The most archaic state of the original cosmogony has been preserved by the Komi mythology. At the same time, the image of a divine bird was further developed in the Mordovian mythology and was inscribed in the patriarchal pantheon headed by Nishkepaz.

Keywords: creation from an egg, world egg, divine bird, Baltic-Finnish peoples, Komi, Mordovians

For citation: Ilikaev AS. Motives of the world creation from an egg in the myths of Baltic-Finnish peoples, Komi and Mordovians in context of the image of the divine bird: a comparative analysis. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;4:472–482. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.472-482.

REFERENCES

1. Avdeeva TV. The bird in the structure of the East Slavic myths about the world egg. *Evrasiiskii soiuz uchenykh* = Eurasian Union of Scientists. 2014;5–2:131–133. (In Russ.)
2. Berezkin IuE, Duvakin EN. The Space egg. World mythology and folklore: thematic classification and areal distribution of folklore and mythological motifs. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed 29.03.2023). (In Russ.)
3. Veselovskii AN. Favorites: Traditional spiritual culture. Moscow; 2009. (In Russ.)
4. Vladykina TG. Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual. Monograph. Izhevsk; 2018. (In Russ.)
5. Doroshin BA. The archetypal image of the bird-demiurge in mythological concepts of the Finno-Ugric of Volga region: the some anthropocosmic aspects. *Sotsiosfera* = Sociosphere. 2010;4:156–160. (In Russ.)
6. Ilikaev AS. Matriarchal manifestations of early forms of religion in the cosmogonic myths of the peoples of the Ural-Volga region: Bashkirs, Mari, Russians. Monograph. Ufa; 2022. (In Russ.)
7. Ilikaev AS. Motifs of world creation from an egg in cosmological myths of the Baltic-Finnish peoples, Mari and Udmurts: comparative analysis. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* = Historical Journal:

- Scientific Research. 2023;2:140–153. (In Russ.)
8. Napol'skikh VV. Ancient stages of the origin of the Uralic language family's peoples: data of mythological reconstruction (proto-Ural cosmogonic myth). Moscow; 1991;5. (In Russ.)
 9. Napol'skikh VV. The mythologem of the World Tree and mythologies of peoples of the Uralic linguistic family. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2012;6:19–28. (In Russ.)
 10. Petrukhin VIa. Myths of the Finno-Ugric peoples. Moscow; 2003. (In Russ.)
 11. Sadikov RR. Traditional religion of the Trans-Kama Udmurts: history and modern tendencies. Ufa; 2019. (In Russ.)
 12. Spiridonov SN, Lysenkov EV, Kuznetsov VA, Vodiasova LP, Makushkina LI, Ruzankin NI, Lapshin AS, Grishutkin GF, Ruchin AB, Artaev ON. Mordovian names of birds and mammals of the Republic of Mordovia. *Trudy Mordovskogo gosudarstvennogo prirodno-go zapovednika im. P. G. Smidovicha* = Proceedings of the Mordovia State Nature Reserve. 2011;9:201–218. (In Russ.)
 13. Tuiunen SV. On the question of the progenitor of fire in Karelo-Finnish conspiracies. *Fol'kloristika Karelii: sb. nauch. st.* = Folkloristics of Karelia. Collection of scientific articles. Petrozavodsk; 1995:109–117. URL: <https://www.vottovaara.ru/k-voprosu-o-praroditele-ognya-v-karelo-finskix-zagovorax.html> (accessed 24.11.2023). (In Russ.)
 14. Harva (Holmberg) U. Beliefs and mythology of the peoples of Northern Eurasia. Moscow; 2022. (In Russ.)
 15. Maticcsák S. Az erza-mordvin állatnevek űsi képzői. *Nyelvtudományi Közlemények*. Budapest; 2014;110:97–130. URL: https://finnugor.arts.unideb.hu/adatok/maticcsak/pdf/052_2-Allatnevek-NyK.pdf (accessed 29.03.2023).

Submitted 09.03.2023; reviewing 05.04.2023; accepted 28.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. S. Ilikaev – Candidate Sc.{Political Sciences}, Associate Professor, Department of Political Science and Public Relations, Ufa University of Science and Technology, jumo@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6773-9053>

Шаманский микрокосм в символике свадебных головных уборов в удмуртской и русской традиции

Людмила Анатольевна Молчанова

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия

Введение. В статье рассматриваются конструкция и семантика шаманских шапок и свадебных девичьих головных уборов в удмуртской и русской традиции. Автором предпринимается попытка выявить генетическую связь шаманских и свадебных головных уборов.

Материалы и методы. С учетом знаково-символической природы костюма для изучения традиционных головных уборов за основу был взят структурно-семиотический метод с его тремя уровнями исследования: синтаксикой, прагматикой и семантикой. Использованы также принципы художественной антропологии. Эта область искусствоведения изучает произведения искусства как творение человеческих рук, как своеобразный текст, отражающий мировоззренческие установки автора.

Результаты исследования и их обсуждение. Шаманский образ вселенной имеет три уровня по вертикали и четырехчастную горизонталь, что соответствует символике родового дерева. Именно родовое дерево в шаманской идеологии является подателем новых жизней и осуществляет связь поколений – это ключевая фигура шаманской магической практики. Шаманский микрокосм отражен в символике головных уборов невест как в русской, так и в удмуртской традиции. Аналогичная конструкция шаманских и женских свадебных головных уборов подтверждает их древность и общность происхождения, их генетическую связь. Первоначальная идея шаманского родового дерева, источника новых жизней и связи поколений, сохраняется традицией. Она интуитивно и совершенно по-особенному воспроизводится в каждой этнической культуре.

Заключение. В статье исследованы конструкция и семантика шаманских шапок и свадебных головных уборов в удмуртской и русской традиции. На основе сходства конструктивных особенностей этих головных уборов удалось определить семантику и выявить их древнее происхождение и генетическую связь.

Ключевые слова: шаманизм, головной убор невесты, традиция, родовое дерево, мировое дерево

Для цитирования: Молчанова Л. А. Шаманский микрокосм в символике свадебных головных уборов в удмуртской и русской традиции // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 483–492. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.483-492.

Введение

Объектом настоящего исследования стали головные уборы невест в удмуртской и русской традиции. Цель работы – исследовать конструкцию, определить семантику и констатировать генетическую связь свадебных девичьих головных уборов с шаманскими.

Все большую актуальность в наше не-простое время, когда усиливаются разобщенность и даже вражда между людьми и целыми народами, приобретает проблема поиска глубинных общечеловеческих корней в разных культурных традициях. Чтобы подчеркнуть свою идентичность, не нужно изобретать, искусственно создавать собственную, отдельную историю. Нужно обратиться к опыту предков и поискать

там общечеловеческие ценности, которые хранит любая этническая культура. Те мировоззренческие основы, которые выработало человечество в начале своей истории, стали архетипами и укоренились в ментальности каждого этноса. Они непривильяно реализуются в материальной и духовной культуре. В частности, это идея о мировом дереве, истоки которой мы находим в шаманских родовых культурах.

К шаманским ритуалам и символике шаманского костюма обращались многие исследователи. Хорошо изучен состав женских свадебных головных уборов в удмуртской и русской традиции. Но конструкция шаманских шапок и традиционных женских головных уборов не срав-

нивалась, не сопоставлялась для того, чтобы обнаружить их глубинный смысл, их семантику. В настоящей статье это осуществляется впервые. Автором предпринимается попытка выявить идентичность конструкции и семантики девичьих полу-сферических головных уборов с шаманскими, их древнюю мировоззренческую основу.

Обзор литературы

Первые достоверные сведения о феномене шаманства относятся к периоду XVII–XVIII вв. В результате деятельности европейских путешественников, находящихся на службе в России, были описаны идеология шаманства, ритуалы, функции, атрибуты и одежда шаманов сибирских народов. Большое значение имела деятельность академических северных экспедиций. В них участвовали историки, естествоиспытатели, востоковеды Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, Г. И. Новицкий, Д. Г. Мессершмидт.

В XIX и XX вв. исследованием шаманства занимались ученые-этнографы В. Г. Богораз, П. И. Рычков, В. И. Анучин, И. А. Худяков, Д. К. Зеленин, А. М. Золотарев, Л. Я. Штернберг, С. М. Широкого-ров.

Из современных исследователей данной проблемы следует отметить В. Н. Басилова, М. Элиаде, Л. П. Потапова, Т. Ю. Сем.

Удмуртский костюм и головные уборы изучали В. Н. Белицер, С. Н. Виноградов, Н. И. Гаген-Торн, К. М. Климов, Т. А. Крюкова, И. А. Косарева, С. Х. Лебедева, Л. А. Молчанова.

Русский традиционный костюм и его орнаментику исследовали А. К. Амброз, П. Г. Богатырев, Г. П. Дурасов, Г. С. Маслова, Б. А. Рыбаков, В. В. Стасов, В. А. Фалеева, С. П. Исенко, М. Н. Мерцалова, Р. М. Кирсанова, Н. М. Калашникова, И. И. Шангина, И. П. Работнова.

О символике мирового дерева в традиционной культуре писали Б. А. Латынин, В. Н. Топоров, А. Н. Афанасьев, Д. К. Зеленин, В. Я. Пропп, В. А. Городцов, Б. А. Рыбаков, В. В. Иванов, А. К. Байбурин и др.

Материалы и методы

В работе исследуются коллекции головных уборов из музеев Удмуртской Республики, Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, а также литературные источники по теме и их иллюстративный материал.

С учетом знаково-символической природы костюма в статье за основу взят структурно-семиотический подход, который содержит три аспекта исследования: синтаксику, pragmatiku и семантику. Синтаксику посвящена изучению синтаксиса знаковых систем, структуры сочетаний знаков. Прагматику интересуют отношения между знаковой системой и теми, кто ее воспринимает и использует. Семантика интерпретирует знаки и знакосочетания, выявляя их содержание, смысл.

Кроме того, в работе использованы принципы художественной антропологии. Эта область искусствоведения изучает произведения искусства как творение человеческих рук, как своеобразный текст, отражающий мировоззренческие установки автора. Являясь произведением традиционного искусства, рукотворная вещь отражает ментальные установки не одного автора, а целого этноса. В связи с этим интересно проследить, как универсальные идеи, воплощенные в шаманских головных уборах, по-разному материально воплощаются в русской и удмуртской традиции, в частности в строении и декоративном оформлении головных уборов невест.

Результаты исследования и их обсуждение

Шаманский микрокосм

Шаманизм – явление универсальное. Он возник на почве охотничьей магии, тотемизма и анимизма. Исследователи сходятся во мнении, что шаманизм с его родовыми культурами – всеобщая стадия в развитии человеческого общества [10]. У народов, сохранивших охотничий уклад, шаманизм существует до сих пор. Археологические находки и рисунки на скалах на территории Европы, Северной и Центральной

Азии свидетельствуют о существовании шаманских ритуалов уже в верхнем палеолите (45–10 тыс. лет до н. э.) [9, 288]. Представления о тотемном звере-предке и матери-праодительнице, о мифическом браке зверя и женщины имеют палеолитические корни. В эпоху неолита (6–3 тыс. до н. э.) формируются понятия о родовом дереве и родовой горе как утробе матери и трехъярусной космической вертикали, лестнице в небо и под землю. В Монголии и Прибайкалье встречаются наскальные рисунки женщин-рожениц в виде дерева [7].

Именно родовое дерево в шаманской идеологии является подателем новых жизней и осуществляет связь поколений. Это ключевая фигура шаманской магической практики. Каждый род обладает своим деревом, которое постепенно вырастает в родовое дерево всего человечества, становится мировым. Мировое дерево имеет три яруса по вертикали. В верхнем ярусе в виде птиц гнездятся души будущих детей. В среднем – обитают рогатые копытные; это также мир людей, земной мир. В нижнем ярусе, в подземелье, в древесных корнях помещаются рыбы, земноводные, пресмыкающиеся и животные, имеющие шерсть, – медведи, бобры и т. д. По горизонтали мировое дерево отличается четырехчастной схемой. Четыре ее угла указывают направления сторон света, это могут быть мифологические персонажи, божества и т. д.

Схема шаманского головного убора проста и универсальна: обод (часто металлический) вокруг головы и возвышение в виде двух дуг-полусфер, крестообразно соединенных, или в виде остроугольного колпака с кисточкой из птичьих перьев. Ниже налобного обруча на лицо спускается густая баҳрома: темный, лохматый, неопределенный низ. Вверх вырывается светлый конус или сфера из ткани, разделенной швами на четыре части (рис. 1 и 2).

Таким образом, микрокосм шаманского головного убора отражает символику всех трех сфер вселенной. Средний мир – полоса, обвивающая чело. Верхний мир – крестообразное возвышение, купол или остроконечный конус – гора, вершина которой обозначена перьями птиц. Нижний

Рис. 1. Каркас шаманской шапки

Fig. 1. Frame of a shaman's hat

Рис. 2. Шаманская шапка-полусфера с баҳромой по низу и перьями наверху

Fig. 2. Shaman's hemispherical hat with fringe at the bottom and feathers at the top

мир предков – корни родового дерева – обозначен баҳромой, шерстью или мехом, а также всевозможными привесками: бисером, блестками, раковинами каури – знаками водной стихии.

Гора является символом мироздания и аналогом мирового дерева. Алтайский шаман обращается к родовой горе как к подательнице жизни [9, 224]. Во время камлания он путешествует на тот свет за

душами будущих детей. Параллели можно увидеть в поведении невесты-сговоренки в русской традиции.

Символика свадебных головных уборов

В традиционной культуре с наступлением половой зрелости коллектив «метил» девушку особым головным убором. В бесписьменном обществе женщина выступала «знаконосцем». Формы и узоры ее одежды являлись своеобразным текстом, «полотняным фольклором», с помощью которого родовой коллектив передавал важную информацию потомкам, осуществляя связь поколений. Детский костюм не выделялся особыми знаками, но по мере взросления девочки ее одежда насыщалась символикой, достигала максимального наполнения ею в свадебном комплексе и удерживалась на этом уровне в течение всего детородного периода.

В удмуртской традиции переход девушки в статус невесты отмечался обрядом *ныл сюан* ('девичья свадьба'). После него девушку называли *быдэ вуэм* ('невеста на выданье'). Строго обязательным в этом празднике был момент переодевания – ряжения. Важнейшим атрибутом ряженой девушки служил головной убор, специально изготовленный для данного обряда. Он состоял из проволочного круга вокруг головы. В центре круга укреплялся кусок брюквы в виде полусфера с воткнутыми в него веточками с бумажными цветами. Края круга обшивались материей с бахромой и свисающими вниз лентами. Убор надевался поверх платка и крепился под подбородком завязками.

На наш взгляд, ритуальная шляпа воспроизводит микрокосм шаманской шапки, а значит, и модель вселенной с тремя мирами. Тот же проволочный (металлический) обруч вокруг головы, над ним возвышается плод с древесными ветками и цветами, а от очелья вниз спускаются бахрома и ленты. Кроме того, обходя дворы, девушки в песнях вспоминали какую-то птицу, которая их собрала, переодела и отправила на праздник.

Исследователь удмуртского фольклора профессор Т. Г. Владыкина, рассуждая о

семантике головного убора невесты, соотносит его с «дивьей красотой» в русской традиции. «Дивья красота» – символ девичества, но это не только девичий головной убор в виде венка или ленты. Она могла воплощаться в разных символических конструкциях и образах, например свадебного пирога-курника, украшенного ветками и бумажными цветами (в Вятской губернии), березовых ветвей или елочки, куколки или пучка колосьев. В весенних девичьих хороводах украшенное дерево прямо ассоциировалось с головным убором – «дивьей красотой». В удмуртской традиции заменой девушки-невесты был стакан топленого масла с воткнутым в него гусиным пером. «В этом реальном, вещественном символе переплетаются, очевидно, представления о женщине как рождающем начале, о женщине как связующем звене между предками и потомками, а посему и о женщине-птице», – утверждает Т. Г. Владыкина [2, 116].

В русской традиции просватанная девушка до венчания считалась невестой-сговоренкой и должна была «умереть». В этот период ее жизнь резко менялась, что отражалось во внешнем облике, одежде, манере вести себя. Всем своим телом она демонстрировала символическую смерть: переставала ходить, видеть, говорить, словно бы прощаюсь с миром живых. Голову невесты покрывали черной фатой или куколем – головным убором для покойников, после чего она уже не занималась никакой работой, не выходила из дома, не показывалась посторонним, не садилась за общий стол, голову не причесывала. Были закрыты все зеркала. С девушкой никто не разговаривал, к ней нельзя было прикасаться. Лица «умершей» никто не должен был видеть.

Предки после смерти уходят к корням родового дерева и возрождаются в его ветвях в виде детских душ – так мыслится мифологическим сознанием бесконечно повторяющийся жизненный цикл. Таким образом, смерть, по народным представлениям, органично вписывается в круговорот жизни, является рождающей смертью [1, 148]. Для рождения ребенка, возвращающегося из потустороннего

мира, требуется наличие прохода между мирами, разрушение границы между ними, т. е. ритуальная смерть невесты. Дорога за душой оказывается дорогой смерти и воскрешения. Таким образом, «печальный» характер одежды невесты в первый день свадьбы оказывается связанным не только с темой смерти девушки и рождением замужней «бабы», но и с мотивом хождения на тот свет за душами будущих детей к ветвям родового дерева.

«Умирание» невесты сопровождалось несколькими ритуалами. Эти обряды были связаны с волосами девушки, с омовением ее тела, с девичьим головным убором. Множество поэтических воплощений «дивьей красоты» дают нам русские девичьи песни, исполняемые во время обрядов накануне свадьбы. В одной из них «дивья красота» как живое существо покидает невесту, в другой – девушка носит свою повязку-ленту на тарелочке и ищет ей место, в третьей – «дивья красота» летит от невесты прочь, как сизокрылая птичка, в четвертой – невеста сама бросает ленту в окошко [8, 126]. Насколько различны образы-воплощения «дивьей красоты» в песенном фольклоре, настолько различны и материальные ее воплощения в виде головных уборов: это и лента-косник, и коруна, и почёлок, и перевязка, и венец. Однако, если присмотреться, их строение сводится к тому же шаманскому микрокосму, трехъярусной вертикали родового дерева. А поведение невесты-говоренки, ее ритуальная смерть соотносится с шаманским путешествием за душами будущих детей.

Основу девичьего убора составляет простая налобная лента или ободок вокруг головы. Такую ленту начинали носить девочки в 10–12 лет. Изначально это мог быть венок из живых цветов или плетеная полоска из природных материалов – бересты или кожи. Само слово «венок» («венец») является производным от глагола «вить» и восходит к лат. *vieo, vieve* – ‘плести’ [5, 76]. Венок – серединная часть в вертикали мирового дерева, обитаемый земной мир.

По мере взросления головной убор девушки усложнялся, к нему добавлялись

Рис. 3. Головной убор русской невесты-сговоренки

Fig. 3. Headdress of a Russian arranged bride

Рис. 4. Головной убор удмуртской девушки *takya*

Fig. 4. Headdress of the Udmurt girl *takya*

верхняя и нижняя сферы мироздания. Девичья перевязка более полно отражает эту вертикаль. Ее широкая (до 25 см) серединная часть украшалась вышивкой, искусственными цветами, иногда приобретала форму конуса. Снизу по очелью прикреплялась поднизь – сетка из бисера или жемчуга, которая спускалась на лоб. Это нижний мир, корни дерева, стихия воды. Верхний мир был представлен птицей символикой – в виде перышек селезня или гусиных пушков. В уборе девушки-говоренки широкую повязку вокруг головы дополнял конус колпака с кисточкой, под который она прятала волосы (рис. 3).

Удмуртская девичья шапочка *takya* повторяет строение шаманской шапки. Здесь же основа – очелье вокруг головы, а над

Рис. 5. Бесермянская девичья шапочка

Fig. 5. Besermyanskaya girl's cap

ним – полусфера, на которой обозначены перекрестья. В данном случае их два и они образуют на макушке восьмилучевой крест (рис. 4).

Еще ярче сходство с шаманской шапкой демонстрирует девичья шапочка бесермянок, особой локальной группы в Удмуртии. По своему строению бесермянская такъя такая же, как и удмуртская, только она полностью покрыта монетами, бисером и раковинами каури, а ее макушку венчает башенка – маленький конус (рис. 5).

Переход невесты в новый статус, обряд смены головного убора на свадьбе чрезвычайно важен, это переломный момент в жизни женщины. Он включает манипуляции с волосами, смену прически и надевание женского головного убора, гораздо более сложного, чем девичий.

Попытаемся выяснить, что маркирует новый статус невесты. На первый взгляд, убор, который она получает на свадьбе, очень сложен и нефункционален. И в русской, и в удмуртской традиции он состоит из многих частей, и традиция зачем-то заставляет «громоздить» эти башни на голове и носить их до старости. Предположим, что функция такого убора не узкоутилитарна, он функционален в другом аспекте, а понятия, идеи, которые таким образом транслируются, важнее удобства в носке.

В удмуртской традиции явно не выражен момент «умирания» невесты, но зато в комплекте *айшон* – *сюлык* четко пред-

ставлена пространственная структура мирового дерева [11].

Удмуртскую невесту полностью переодевали в доме жениха, расплетали ей косу и меняли прическу. Лоб перевязывали красной шерстяной нитью и заправляли под нее волосы, затем по обеим сторонам головы закручивали прядки волос – получались своеобразные «гирыки» у висков. Прическа называлась *чзырем* ('завиток на висках'). Сделав прическу, надевали чалму – полотенчатый головной убор, вышитые концы которого сзади заправляли за пояс. На чалму водружали *айшон* – высокий (до 40 см) берестяной колпак, обтянутый матерью и украшенный серебряными монетами, к верхнему концу которого прикреплялась кисть; сверху нацикливали покрывало с бахромой *сюлык*.

По свидетельству этнографов, такой головной убор имел статус ритуального, что отразилось на его вышивке. Она рельефна, массивна, торжественна. Исполненная черным крученым шелком на белом холсте, вышивка по технике и по фактуре была уникальной и применялась только на свадебном покрывале. Основу узора составляли крупные древовидные фигуры, расположенные по четырем углам. В центре помещалось пятое дерево, растущее вертикально.

Своей четырехчастной композицией и обозначением мировой оси в центре *сюлык* напоминает древние жертвенные алтари индоевропейских народов. Для жертвенника была характерна четырехугольная форма со столбами или шестами по углам и вертикально укрепленным мечом в центре. Такие алтари можно сравнить с ритуальными сооружениями народов Сибири, символизировавшими шаманское дерево во время родовых молений. В основе подобных сооружений лежала одна общая идея общения с миром богов посредством вертикального столба, дерева, мировой оси. Был такой жертвенный алтарь и у удмуртов. Его сходство с композицией *сюлыка* поразительно. Еще более удивительно то, что жертвенник, сооружаемый в священной роще на родовых молениях, также именовался *сюлыком*. На этот жертвенник помещалась

ритуальная пища, а весь обряд назывался *вылэ мычон* ('вверх возносимое') [3].

Сюлык-алтарь и сюлык-платок – и удмуртская женщина под ним сама как мировое дерево, как символ связи с предками и потомками. Удмурты в своей магической практике не только жертвенник выстраивали наподобие сюлыка, но и сам головной убор применяли в обрядовой практике. Ему приписывалась особая магическая сила. Айшон жены жреца хранился и использовался как ритуальный предмет в родовом святилище и передавался из поколения в поколение, пока не истлеет [6].

В русской традиции не сохранилось подобных обрядов с женским головным убором, но его состав и форма говорят о многом. Несомненно, символика головного убора связана с дохристианскими верованиями и уходит своими корнями в глубокую древность. Речь идет о *сороке*, которая, на наш взгляд, воплощает ту же идею мирового дерева, что и удмуртский айшон. Но если у удмуртов это мировая гора в виде берестяного конуса и ясно читаемых деревьев на четырехугольном поле платка, то в русской традиции со всей конкретностью проступает «животный» элемент.

Сорока – головной убор, заменяющий девичий. Впервые он надевался невестой на свадьбе и носился ею до окончания детородного периода. В разных российских регионах он имел разные названия, состав и конструкцию, но его основные элементы можно зафиксировать как инвариантные, стабильные. Прежде всего, это кика, кичное чело – холщовая шапочка с твердым возвышением в виде рогов, копыта, лопаты или полукруга. Кика – налобная часть убора. Его затылочная

часть (позатыльник) делалась в виде бисерной сетки, а раньше – из соболиного или бобрового меха [4, 514]. Собственно сорока – это чехол на кику, покрывавший голову сверху и состоявший из трех частей: чела, крыльев и хвоста. Нередко убор дополнялся налобником с бахромой и платком. В некоторых случаях число деталей сороки доходило до одиннадцати, но именно стабильные элементы отражали суть головного убора.

В основных элементах сороки можно увидеть символику всех трех миров вселенной. Кика – рогатые копытные – средний мир; позатыльник из шерсти или бисера – нижний, земля-вода; сама сорока с головой, крыльями и хвостом – древесный верх. В развернутом виде данная часть головного убора действительно напоминает птицу.

Первичная идея шаманского родового дерева – источника новых жизней и связи поколений – сохраняется традицией. Эта идея, важнейшая для первобытного сознания, транслировалась из поколения в поколение на протяжении тысячелетий и в конце концов стала архетипом. «Впечатавшись» в ментальные структуры мозга, она интуитивно воспроизводится в традиционном искусстве и совершенно по-особенному в каждой этнической культуре.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования удалось определить семантику и конструктивные особенности шаманских шапок и свадебных головных уборов в удмуртской и русской традиции. На основе сходства их строения и использования в обрядовой практике были выявлены их древние истоки и общее происхождение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Альбедиль М. «Смерть и рождение – вся нить бытия»: ритуальный символизм тела // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 20. С. 145–164. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya-mody/m20-2011/16970-smert-i-rozhdenie-vsya-nit-bytiya-ritualnyy-simvolizm-tela.html>

(дата обращения: 01.12.2023).

2. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: пробл. жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. 354 с.
3. Емельянов А. И. Курс этнографии вотяков. Вып. 3. Остатки стариных верований и обрядов у вотяков. Казань: Казанская тип. изд. подотдел., 1921. 158 с.
4. Забылин М. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Принтшоп, 1990. 616 с.
5. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: ГНОЗИС, 2014. 317 с.
6. Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск; Л.: Удмуртия, 1973. 158 с.
7. Новгородова Э. А. Дающая жизнь // Наука и религия. 1984. № 5. С. 64–65.
8. Семенова Т. С. Народное искусство и его проблемы. М.: Сов. художник, 1977. 246 с.
9. Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: в 2 т. СПб., 2011. Т. 2. 496 с.
10. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. М.: Академ. проект, 2014. 399 с.
11. Molchanova L. A. “Syulyk” as a significant symbolic detail of the Udmurt woman’s image // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, № 3. С. 138–142.

Поступила 21.03.2023; одобрена 20.04.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Л. А. Молчанова – кандидат исторических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования Удмуртского государственного университета, lusmolchan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8379-3450>

Shamanic microcosm in the symbolism of wedding headdresses in the Udmurt and Russian traditions

Lyudmila A. Molchanova

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russia*

Introduction. The article deals with the design and semantics of shaman hats and wedding maiden headdresses in the Udmurt and Russian traditions. The author makes an attempt to identify the genetic connection between shamanic and wedding headdresses.

Materials and Methods. Taking into account the symbolic nature of the costume, the structural-semiotic method with its three levels of research: syntaxics, pragmatics and semantics was taken as a basis for the study of traditional headdresses. In addition, the principles of artistic anthropology are used in the work. This field of art studies works of art as a creation of human hands, as a kind of the unique text reflecting the author's worldview.

Results and Discussion. The shamanic image of the Universe has three levels on vertical and a four-part horizontal. All this is reflected in the symbolism of the ancestral tree. It is the ancestral tree in shamanic ideology that is the giver of new lives and carries out the connection of generations, this is the key figure of shamanic magical practice. This shamanic microcosm is reflected in the symbolism of brides' hats in both the Russian and Udmurt traditions. A similar design of shamanic and women's wedding headdresses confirms their antiquity and common origin, their genetic connection. The primary idea of the shamanic ancestral tree, the source of new lives and the connection of generations is preserved by tradition. It is intuitive and completely reproduced in a special way in every ethnic culture.

Conclusion. The article examines the design and semantics of shaman hats and wedding maiden headdresses in the Udmurt and Russian traditions. Based on the similarity of the design features of these hats, it was possible to determine the semantics and identify their ancient origin and genetic relationships.

Keywords: shamanism, bride's headdress, tradition, ancestral tree, world tree

For citation: Molchanova LA. Shamanic microcosm in the symbolism of wedding headdresses in the Udmurt and Russian traditions. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15:4:483–492. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.483-492.

REFERENCES

- Al'bedil' M. "Death and birth are the whole thread of existence": ritual symbolism of the body. *Teoriia mody: odezhda, telo, kul'tura* = Fashion theory: clothing, body, culture. 2011;20. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya-mody/m20-2011/16970-smert-i-rozhdenie-vsya-nit-bytiya-ritualnyy-simvolizm-tela.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.)
- Vladykina TG. Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics. Izhevsk; 1998. (In Russ.)
- Emel'ianov AI. Course of ethnography of Votyaks. Remains of ancient beliefs and rituals among the Votyaks. Kazan; 1921;3. (In Russ.)
- Zabylin M. Russian people: Its customs, rituals, legends, superstitions and poetry. Moscow; 1990. (In Russ.)
- Kovshova ML. Semantics of headdress in culture and language. Costume code of culture. Moscow; 2014. (In Russ.)
- Kriukova TA. Udmurt folk fine art. Izhevsk; Leningrad; 1973. (In Russ.)

7. Novgorodova EA. Giving life. *Nauka i religiya* = Science and religion. 1984;5:64–65. (In Russ.)
8. Semenova TS. Folk art and its problems. Moscow; 1977. (In Russ.)
9. Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the XVIII–XX centuries. Saint-Petersburg; 2011;2. (In Russ.)
10. Eliade M. Shamanism. Archaic techniques of ecstasy. Moscow; 2014. (In Russ.)
11. Molchanova LA. “Syulyk” as a significant symbolic detail of the Udmurt woman’s image. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2017;11;3:138–142.

Submitted 21.03.2023; reviewing 20.04.2023; accepted 28.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

L. A. Molchanova – Candidate Sc. {History}, Associate Professor, Department of Computer Technologies and Art Design, Udmurt State University, lusmolchan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8379-3450>

IX ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: УГРЫ»

IX ALL-RUSSIAN SYMPOSIUM “CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF WESTERN SIBERIA: UGRIANS”

8 декабря 2022 г. на базе Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета прошел IX Всероссийский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: угры», посвященный 200-летию Сибирской реформы М. М. Сперанского и 250-летию со дня рождения реформатора.

Начало проведения симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» было заложено в 1998 г., когда состоялся первый Сибирский форум, организованный сотрудниками Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. С 1998 по 2004 г. состоялось семь симпозиумов. Первый из них был посвящен сибирским татарам, второй – обским уграм, третий – русским старожилам Сибири, четвертый – самодийцам, пятый – тюркским народам Сибири, шестой – вновь уграм, седьмой – русским переселенцам в Западную Сибирь.

В 2018 г. по инициативе сотрудников Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН и Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева был проведен восьмой симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», на котором было принято решение возоб-

Эмблема
IX Всероссийского симпозиума
«Культурное наследие народов
Западной Сибири: угры»

Emblem
of the IX All-Russian symposium
“Cultural Heritage of the Peoples
of Western Siberia: Ugrians”

новить проведение форумов, посвященных вопросам изучения народов Западной Сибири. Пандемия внесла свои корректизы, поэтому следующий симпозиум состоялся только через четыре года.

В работе девятого симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: угры» приняли участие коллеги из Москвы, Тулы, Кемерова, Казани, Уфы, Тюмени, Тобольска.

На пленарном заседании прозвучали разноплановые доклады, охватившие ряд направлений современных исследований в области этногенеза, этнической истории, генофонда и истории государственного

управления народами Российской империи.

Этнической истории обских угров посвятила свое выступление одна из ведущих этнографов-угроведов современной России Елена Петровна Мартынова, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Она охарактеризовала феномен этнической мобилизации на обско-угорских материалах, собранных во время экспедиций, раскрыла инициированные этнической интеллигенцией процессы по формированию групповой сплоченности коренных народов ХМАО – Югры, определила особенность обско-угорской этнической мобилизации, которая выражалась не в массовых протестных движениях, а в групповых и персональных креативных инициативах.

Одно из интересных и актуальных направлений современных исследований, связанных с изучением генофонда народов Западной Сибири, представила Мария Борисовна Лавряшина, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой молекулярной и клеточной биологии Кемеровского государственного медицинского университета Минздрава России. Под ее руководством был подготовлен еще ряд докладов о генных исследованиях среди угров и других народов Запад-

ной Сибири, которые вызвали оживленное обсуждение.

В работе сессий симпозиума активное участие приняла профессор из Москвы Елена Владимировна Балановская, доктор биологических наук, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией популяционной генетики человека ФГБНУ «Медико-генетический научный центр имени академика Н. П. Бочкова». Собравшихся заинтересовал подготовленный под ее руководством доклад А. Т. Агджоян «Генофонд обских угров в контексте народонаселения северной Евразии: геногеография ветвей гаплогруппы N Y-хромосомы».

Симпозиум был приурочен к 200-летию Сибирской реформы М.М. Сперанского и 250-летию со дня рождения реформатора. В проблемном докладе Алексея Юрьевича Конева, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН, были подняты значимые вопросы, касающиеся Устава об управлении инородцев 1822 г., системы управления, самоуправления и суда коренных народов Сибири, историографии Сибирской реформы М. М. Сперанского.

Форум явился площадкой для обсуждения актуальных тем угореведения, проблем этногенеза народов Западной Сибири. На четырех сессиях («Этногенез угорских народов Западной Сибири по данным геногеографии, археологии, этнографии, лингвистики и других наук», «Живые традиции (материальная и духовная культура угров)», «История угорских народов по данным археологии», «Этническая история и межэтнические взаимодействия угров Западной Сибири и сопредельных территорий») прозвучали содержательные доклады по истории, этнографии, этногенезу, лингвокультурологии, фольклору угорских народов, также были обсуждены вопросы взаимодействия народов, прожива-

Участники IX Всероссийского симпозиума
«Культурное наследие народов Западной Сибири: угры»

Participants of the IX All-Russian symposium
“Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia: Ugrians”

ющих на территории Западной Сибири.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России Роза Гафаровна Буканова в своем докладе подняла актуальный вопрос о важности изучения угорского компонента в этногенезе башкир. Обращаясь к трудам В. Н. Татищева, Ф. И. Страленберга, С. И. Руденко, Р. Г. Кузеева, Н. А. Мажитова и др., она раскрыла историографический аспект данной проблемы.

Главный редактор журнала «Туган жыр. Родной край» Дамир Мавляевевич Исхаков, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН, построил доклад на анализе устного предания сибирских татар – легенды об Илек-алпе, зафиксированной неоднократно у заболотной группы сибирских татар. Исследователь отметил, что в данной легенде, которая может быть отрывком более крупного произведения, обнаруживаются следы угров, вошедших во взаимодействие с такими этническими формированиями, как «сыпьыр».

Доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета Янкель Гутманович Солодкин в докладе «Восстание остыков и

“самояди” Березовского уезда в 1595 г. (некоторые дискуссионные вопросы)» обратился к сложным процессам колонизации края и попытался уточнить хронологические рамки восстания коренного населения.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан Закирьян Галимьянович Аминев посвятил выступление топонимике Южного Урала. Исследователь оспорил мнение некоторых ученых, связывающих топонимы Бишаул-Унгар, Варяш, Магаш, Кунашак, Уршак и ряд других с пребыванием предков венгров на Южном Урале, и привел доводы в пользу того, что все эти названия находят объяснение из самого башкирского языка или из других тюркских языков.

Дискуссионный доклад был представлен аспирантом кафедры генетики и фундаментальной медицины Кемеровского государственного университета Борисом Александровичем Тхоренко, который обратился к проблеме геномной адаптации к дефициту витамина D и распространенности туберкулеза среди коренного населения северных территорий России (коми, манси, ненцев, хантов).

Практика традиционного природопользования была раскрыта в докладе кандидата педагогических наук, доцента кафедры

сервиса, туризма и индустрии гостеприимства Тюменского государственного университета Лидии Ефимовны Куприной.

Сопоставительный анализ тюркских (башкирских) и обско-угорских (хантыйских и мансиjsких) пословиц, поговорок, отражающих национальную культуру, провела в докладе кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского и других родных языков и литературы Института развития образования Республики Баш-

коростан Зубаржат Фаниловна Шайхисламова.

Анализ памятника сибирской письменности «Краткое описание о народѣ остяцкомъ», который содержит уникальное описание жизни коренного населения Сибири – остяков, выполненного историографом Григорием Новицким на основе личных наблюдений, представила доктор филологических наук, профессор Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиала) Тюменского государ-

ственного университета Маргарита Степановна Выхрыстыюк.

В заключение отметим ведущие аспекты обсуждения на симпозиуме: этническая история и межэтнические взаимодействия населения Западной Сибири и сопредельных территорий; вопросы традиционной материальной и духовной культуры, лингвистики, литературы и фольклора угорских народов; сохранение и использование культурного наследия народов Западной Сибири.

Маргарита Степановна Выхрыстыюк –
доктор филологических наук,
профессор кафедры филологического образования
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Россия,
m.s.vykhrystyuk@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>

Светлана Раиловна Муратова –
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин и методик преподавания
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Россия,
s.r.muratova@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9088-795X>

Margarita S. Vykhrystyuk –
Doctor of Philology,
Professor, Department of Philological Education,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia,
m.s.vykhrystyuk@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>

Svetlana R. Muratova –
Candidate Sc. {History}, Associate Professor,
Department of History, Law,
Socio-Economic Disciplines and Teaching Methods,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia,
s.r.muratova@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9088-795X>

ОБЪЕДИНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

UNITING FINNO-UGRIAN WRITERS

20–22 сентября в Ханты-Мансийске состоялась Всероссийская конференция финно-угорских писателей с международным участием, организатором которой выступило Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Конференция, прошедшая под эгидой Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО и Международной организации северных регионов «Северный форум», стала ярким событием Международного десятилетия языков коренных народов.

Главная цель форума – содействие развитию литературы, языков и культуры, укрепление культурных связей и сохранение этнической идентичности финно-угорских народов. Площадками его проведения стали Государственная библиотека Югры, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Югорский государственный университет и др.

Почетными гостями конференции выступили Я. Пустая, президент Ассоциации финно-угорских литераторов (Будапешт, Венгрия), И. Н. Плескачевская, белорусская писательница, журналист-международник, эксперт по постсоветской истории России и Белоруссии (Гомель, Республика Беларусь), В. Б. Думанов, руководитель общественной организации «Кантемир» (Кишинев, Республика Молдова). В приветственном слове к собравшимся губернатор Югры Н. В. Комарова высказала пожелание, что участники конференции – литературоведы, специалисты по языкоизнанию, этнографы, переводчики, сотрудники библиотек и учебных учреждений – сформируют комплексное представление о феномене финно-угорской литературы и культуры, исходя из общей цели – развивать литературу, язык, культуру, сохранять этническую идентичность народов России.

На мероприятие съехались литераторы из разных городов и регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманска, Челябинска, Республики Мордовия, Республики Коми, Республики Марий Эл, Удмуртской Республики, Республики Карелия, Ямало-Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Обсуждая на площадках форума современное состояние и перспективы развития финно-угорской литературы, они были единодушны в том, что литература позволяет чувствовать единство финно-угорского мира и выстраивать дальнейшие взаимоотношения в форме общих гуманистических ценностей.

Программа конференции включала два пленарных заседания, семь тематических секций, два круглых стола. Помимо основной программы, участники смогли посетить детскую и взрослую образовательные программы, выставку-презентацию изданий «Финно-угорский книжный мир».

На пленарных заседаниях выступающие говорили о значимости финно-угорской литературы в укреплении духовных основ в жизни человечества, о ее современном состоянии и основных тенденциях развития. На других площадках обсуждались практики перевода в литературах финно-угорских народов России, особенности исследования финно-угорской литературы. Прошли презентации

ции изданий, встречи с авторами и открытие выставки «Финно-угорский книжный мир». Состоялся круглый стол «Народная дипломатия через культурный диалог финно-угорских народов», на котором участники заслушали обзорный доклад об истории финно-угорских народов, их расселения и традиций государственности, познакомились с особенностями становления и развития культурных связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с Венгрией и Финляндией.

Будучи участником круглого стола и представляя Ассоциацию финно-угорских университетов, Т. А. Дятлова отметила, что традиционная культура, литература и музыка служат инструментами народной дипломатии. «Образовательные организации, входящие в Ассоциацию, являются ведущими научно-образовательными центрами по исследованию материального и духовного наследия финно-угорских народов. Наша общая задача – способствовать расширению образовательно-культурного пространства, становлению молодой литературы, для чего активно поощрять поиски в литературе, создавать условия для расширения кругозора молодых писателей, в том числе через интернет-ресурсы и IT-решения, путем установления контактов с литераторами других регионов и стран и освоения их опыта, тем самым, обеспечить формирование преемственности финно-угорской литературы».

В рамках образовательной программы начинающие писатели и поэты приняли участие в работе Литературной мастерской, где представили свои произведения для профессионального разбора. Юные гости конференции в Мастерской иллюстрации познакомились с направлениями визуально-го сторителлинга. В Мастерской автора они погрузились в финно-угорскую культуру, получились создавать персонажей на материале обско-угорского

фольклора, побывали на мастер-классе по разработке сюжета, начали групповую работу по созданию литературных произведений. В Финно-угорской медиашколе – узнали о том, что такое этножурналистика.

За три дня площадки форума посетили более 1 200 человек. Обширный состав участников и гостей конференции показывает, какой интерес проявляют писатели, публицисты, издатели,

ученые, представители власти и общественности к вопросам развития и изучения финно-угорской литературы. Опираясь на исторические корни, особое мировоззрение, безграничную любовь к родной земле, являясь неотъемлемой частью великой русской литературы, финно-угорская литература способна обогатить и наполнить новыми смыслами современное культурное пространство.

Татьяна Александровна Дятлова –
кандидат экономических наук, доцент,
руководитель финно-угорского направления
Югорского государственного университета,
координатор Ассоциации финно-угорских университетов,
Ханты-Мансийск, Россия,
ta_dyatlova@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9000-0113>

Елена Николаевна Ломшина –
кандидат философских наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия,
enlomshina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>

Tatyana A. Dyatlova –
Candidate Sc. {Economics}, Associate Professor,
Head of the Finno-Ugric Department of Ugra State University,
Coordinator of the Association of Finno-Ugric Universities,
Khanty-Mansiysk, Russia,
ta_dyatlova@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002- 9000-0113>

Elena N. Lomshina –
Candidate Sc. {Philosophy},
Head of Research Laboratory of Finno-Ugric Culture,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,
enlomshina@mail.ru,
[https:// orcid.org/0000-0002-7367-4685](https://orcid.org/0000-0002-7367-4685)

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАРЕЛОВ КЕСТЕНЬГСКОГО КРАЯ

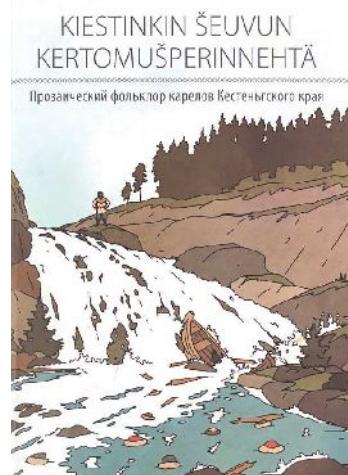
PROSE FOLKLORE OF THE KARELIANS OF THE KESTENG'S TERRITORY

Рецензия на книгу: Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края / сост. М. В. Кундозерова. – Петрозаводск; Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2023. – 456 с.

Book review: Prose folklore of the Karelians of the Kesteng's territory / compiled by M. V. Kundozerova. – Petrozavodsk; Ulyanovsk: Regional Printing House "Printing House", 2023. – 456 p.

Книга «Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края» является продолжением сборника фольклорных текстов «Песенный фольклор кестеньгских карел», переизданного в 2020 г.¹ Первое издание сборника с идентичным названием было осуществлено в 1989 г. известным фольклористом Н. А. Лавонен². С этого времени никто из исследователей не обращался к комплексному исследованию и иллюстрации фольклорной традиции карелов Кестеньгского (ныне Лоухского) района.

Очевидно, что современная сложившаяся ситуация с карелами требует пристального внимания к языку и культуре карельского этноса. Во-первых, итоги Всероссийской переписи населения 2021 г. показали, что в период с 2010 по 2021 г. численность карелов – титульной нации Республики Карелия – сократилась почти вдвое. Во-вторых, с 2017 г. карельский язык включен в так называемую Красную книгу языков, или в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения».

В связи с этим необходим активный процесс ревитализации и сохранения карельского языка и культуры карелов. Актуальными являются исследования по грамматическому строю, лексике карельского языка, фольклору, литературе, этнографии, этнографии карелов и др.

Сборник «Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края» является первой комплексной публикацией устного прозаического наследия олангских и кестеньгских карелов,

проживающих на территории Республики Карелия (Лоухский район) и Мурманской области (Кандалакшский район). В издании эта территория именуется Кестеньгским краем. Составителем сборника, автором вводной и вступительных статей к частям «Сказочная проза» и «Несказочная проза» стала научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммарамхивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) кандидат филологических наук Мария Владимировна Кундозерова. Структуру сборника образуют вводная статья от составителя, две части, примечания и приложения.

В вводной статье уделяется внимание исследованию карельской фольклорной традиции рассматриваемого ареала. Автор отмечает, что «фольклорная проза карелов Кестеньгского края становилась объектом изучения лишь частично, в основном в рамках публикации текстов» (с. 13). В этом ключе упоминаются сборник карель-

¹ См.: Песенный фольклор кестеньгских карел. 2-е изд. / сост. Н. А. Лавонен; науч. ред. А. С. Степанова; отв. ред. М. В. Кундозерова. Петрозаводск, 2020.

² См.: Песенный фольклор кестеньгских карел / изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989.

ских сказок³, хрестоматия «Карельский фольклор»⁴, монографии «Персонажи карельской мифологической прозы»⁵, «Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева»⁶ и др. Сборник основывается на богатой источниковской базе: это рукописные коллекции Научного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН, записи Фонограммарида ИЯЛИ КарНЦ РАН, личные полевые материалы М. В. Кундозеровой, материалы из путевых заметок, статей и книг путешественников и др., из которых были извлечены 139 произведений прозаического фольклора. В издании тексты представлены на языках оригиналов (карельском, финском) с переводом на русский язык; также несколько образцов приведены на русском языке.

Первая часть издания «Сказочная проза» содержит сказки о животных, волшебные, новеллистические, бытовые сказки, сказки-анекдоты и легендарные сказки. Вступительная статья включает материал об истории собирания сказок, информацию о респондентах и некоторых сюжетах. Первым собирателем сказок Кестеньгского края стал финский лингвист, фольклорист Элиас Лённрот в 1836–1837 гг.⁷ Полные тексты сказок были записаны финским исследователем Арвидом Генетцом в 1871–1872 гг. и опубликованы в сборнике «Karjalan kielen näytteitä» («Образцы карельской речи», 1936)⁸. После этого на протяжении 70 лет сказки не собирались; их регулярноефиксирование возобновилось только в 1939 г.

Сбором материала занимались студенты Петрозаводского государственного университета под руководством В. Я. Евсеева (1956, 1957, 1959 гг.), сотрудники КарНЦ РАН А. С. Степано-

ва и Н. А. Лавонен (1967, 1969, 1972 гг.), П. М. Зайков (1973 г.). С 1975 по 1990 г. Н. А. Лавонен предприняла серию планомерных выездов для сбора и изучения фольклорной традиции Кестеньгского района (с. 21–22). После двадцатилетнего перерыва экспедиционная деятельность возобновилась в 2010 г., далее в 2019, 2021 и 2022 г. К сожалению, в эти периоды практически не было записано ни одной сказки. Вероятно, это связано с тем, что информанты уже не помнят сказочного материала.

М. В. Кундозеровой выполнена полная опись сказок рассматриваемого региона, представленная в примечаниях к рецензируемому изданию. Всего в описи упоминаются 157 текстов, из которых 29 включены в сборник: 4 – о животных («Repo ta Kontie» – «Лиса и медведь», «Kiššaprojat ta gerö» – «Котята и лиса», «Repo itkijänä» – «Лиса-плакальщица», «Nakrehen starina» – «Репка»), 17 – волшебных (например, «Kultalintu» – «Золотая птица», «Mušta lammas» – «Черная овца», «Kolme keşryäjyä» – «Три пряхи», «Čuarinpojan apulaini» – «Помощник царевича» и др.), 7 – новеллистических, бытовых, сказок-анекдотов и др. (например, «Viisaš tytär» – «Умная дочь», «Kuin köyhä poika miehet petti» – «Как бедняк мужиков обманул», «Matti ta rappu» – «Матти и поп», «Hauki, riekko ta repo» – «Щука, куропатка и лиса» и др.), 1 – легендарная («Kolme vellie ta Jumala» – «Три брата и Бог»).

Вторая часть «Несказочная проза» содержит предания, легенды, рассказы о Топозерском монастыре и мифологическую прозу. Во вступительной статье достаточно широко представлена информация об особенностях каждого жанра.

Впервые предания были записаны в Кестеньгском крае финскими путешественниками в 1837 г., их сбор продолжался до 1914 г. В приложении М. В. Кундозеровой указаны все имена собирателей, их маршруты, материалы и в качестве примечаний область знаний (фольклор, этнография, лингвистика и т. д.) (с. 383–398). Далее записи зафиксированы уже в советский период начиная с 1956 г. Всего в архивах и опубликованных источниках выявлено 186 преданий: о заселении и освоении края (это самая обширная группа), об аборигенах края, о кладах, о борьбе с внешними врагами, о разбойниках. В сборнике представлено 31 предание (например, «Kiestinkin muotostumin» – «Появление Кестеньги», «Tuhkalan ensimmäiset eläjät» – «Первые жители Тухкалы», «Lappalaiset Korpijärvellä» – «Лопари на озере Корпиярви»).

Легендарная проза Кестеньгского края достаточно скучна. Это объясняется отсутствием особого интереса собирателей к этому жанру, так как у них в приоритете были руны, притчания, сказки, былички и бытальщины. Все 11 легенд включены в рецензируемый сборник (например, «Kuin kuuta tervatih» – «Как луну дегтем мазали», «Skokuna – Jumalan pelašto» – «Лягушка – Божья корова», «Ryhän Pohročan uni» – «Сон Святой Богородицы», «Kuutoman tervoaja» – «Смолильщица луны»).

Раздел историко-легендарной прозы завершается пятью рассказами о Топозерском монастыре, который являлся крупным старообрядческим центром Северной Карелии и имел большую значимость. Этот монастырь просуществовал со второй половины XVII в. до

³ См.: Карельские народные сказки / изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963.

⁴ См.: Карельский фольклор: хрестоматия / подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1992.

⁵ См.: Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы: исследования и тексты быличек, бытальщин, поверий и верований карелов. М., 2012. Ч. 1.

⁶ См.: Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.

⁷ См.: Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / науч. ред., авт. вступ. ст. и примеч. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1985.

⁸ См.: Leskinen E. Karjalan kielen näytteitä. З. Helsinki, 1936.

второй половины XIX в. К сожалению, устных преданий о появлении Топозерского монастыря не зафиксировано, есть только упоминание в путевых заметках А. Эрвасти, что его основателями были беглые соловецкие монахи⁹. В связи с этим в сборник включены только те рассказы, в которых повествуется о последних этапах существования монастыря: об угрозе закрытия, о дележе церковных книг, о судьбе икон и др.

Самый большой блок издания составляет мифологическая проза: 58 текстов (былички, бывальщины и поверья). Вероятно, это связано с тем, что при сборе фольклорного материала данные тексты вызывают наибольший интерес своей загадочностью и таинственностью сюжетов как у исследователей, так и у респондентов. Первые записи мифологических текстов на русском языке были сделаны в с. Кереть в 1941 г. Представленная по годам запись нарративов указывает на то, что этот жанр фольклора собирался регулярно и с 1969 г. в достаточно большом количестве. Всего с 1941 по 2022 г. зафиксировано 163 текста, которые разделены на группы по персонажам: о встрече с Крещенской бабой, с хозяевами воды, с хозяевами леса, с хозяином дома, с нечистой силой в бане, с хозяевами хлева, с ночной плачей, с хозяйкой загадок, с давящим кошмаром. В сборник включены нарративы из

каждой указанной группы (например, “Vierissänakka šolahtau taivahašta” – «Крещенская баба спускается с неба», “Vienemäntä antau kyšumykšie” – «Хозяйка воды задает вопросы», “Vetehini einuštai kuolomua” – «Водяной предвещает смерть», “Pirtinisäntä jyräjäy podvolkalla” – «Хозяин дома гремит на чердаке», “Painajaini tulou yöllä” – «Давящий кошмар приходит ночью» и др.).

После двух частей фольклорной прозы следуют примечания. Они содержат паспортные данные текстов, а также некоторые комментарии к существующим вариациям и области распространения сюжетов сказочной и несказочной прозы, их структуре (например, кумулятивная, основанная на повторе), топонимические и этимологические зарисовки и некоторые воспоминания респондентов (от кого или где информант слышал сказку) и др.

Далее приводятся список и фото исполнителей, список собирателей и путешественников, указатель географических названий, карта Кестеньгского края, описание сказок, описание историко-легендарной прозы, описание мифологической прозы, список коллективных прозвищ, а также списки использованной литературы и сокращений. Важный, интересный и новейший материал содержится в таблице с коллективными прозвищами (территория распространения, карельский вариант антропони-

ма, буквальный перевод и народно-этимологическое переосмысление).

Издание заканчивается десятью приложениями, которые включают таблицу исследователей/собирателей, их маршрутов и материалов; выдержки из дневников о путешествиях в Топозерский край А. Шёгрена в 1826 г. и С. Гаврилова в 1896 г.; полевой дневник В. Евсеева, Д. Лажиева в Лоухский район в 1956 г.; воспоминания А. С. Степановой об экспедициях в Лоухский и Кандалакшский районы в 1967, 1969, 1972 гг.; экспедиционные отчеты Н. А. Лавонен о поездках в Лоухский район в 1975, 1979, 1981, 1990 гг. Все материалы были изучены и использовались при подготовке сборника.

Несомненно, сборник прозаического фольклора карелов Кестеньгского края является уникальным изданием, которое можно использовать как в научной работе, так и в процессе преподавания. Составителем М. В. Кундзеровой проделана огромная скрупулезная работа по сбору и систематизации фольклорных текстов, изучению теоретической литературы и источниковой базы. Издание вносит большой вклад в сохранение и популяризацию языка и культуры карелов. Данная книга будет полезна фольклористам, языковедам, этнологам, краеведам и историкам, а также всем читателям, интересующимся приведенными в ней материалами.

⁹ См.: Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Helsinki, 1918. S. 176–177.

Татьяна Владимировна Пашкова –
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии
Петrozаводского государственного университета,
Петрозаводск, Россия,
tvashkova05@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Tatyana V. Pashkova –
Doctor of History,
Head of Department of Baltic-Finnish Philology,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia,
tvashkova05@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

СТАРОТЕРИЗМОРГСКАЯ ВЫШИВКА: СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

EMBROIDERY OF STARAYA TERIZMORGA: PRESERVING CULTURAL HERITAGE

Рецензия на книгу: Живое древнее искусство: традиционная вышивка села Старая Теризморга / рук. проекта С. А. Видясова; авт. текста И. Н. Кудашкина; сост.: А. В. Чевтайкина [и др.]. – Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2023. – 180 с.

Book review: Living ancient art: traditional embroidery of the village of Staraya Terizmorga / project manager S. A. Vidyasova; the text by I. N. Kudashkina; editor A. V. Chevtaykina [and others]. – Saransk: Konstantin Shapkarin Publishing house, 2023. – 180 p.

Реализация проекта Президентского фонда культурных инициатив «Живое древнее искусство. Старинные мокшанские орнаменты»¹ сотрудниками Центра национальной культуры Старошайговского района Республики Мордовия позволила не только оцифровать важный элемент культурного кода мордовского народа – старотеризморскую вышивку, но и внесла значительный вклад в изучение исторического прошлого и культурных традиций мокшан, сохранение национальной идентичности, формирование самосознания и воспитание будущих поколений.

Итогом работы стало издание книги «Живое древнее искусство: традиционная вышивка села Старая Теризморга», презентация которой прошла 29 сентября 2023 г. в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее имени И. Д. Воронина. Автором

текста и составителем является заведующая отделом этнографии указанного музея И. Н. Кудашкина. Мокшанские узоры с. Старая Теризморга легли в основу современной модной коллекции стилизованных национальных костюмов «Масторланга» («Вселенная»), которую продемонстрировали участники этно-арт-театра «Варма» («Ветер»).

Созданию цифрового архива старинных орнаментов предшествовала масштабная исследовательская работа. В селах Старошайговского района с конца 1980-х гг. осуществлялись «подворные обходы», опросы местных рукодельниц об уникальных элементах декоративно-прикладного искусства. Таким образом удалось собрать коллекцию, в которую вошли 400 узоров мокшанской вышивки.

Подчеркнем, что вышитая женская рубаха транслирует

информацию о социальном статусе женщины, ее семейном положении, уровне доходов, наличии супруга и детей, количестве несовершеннолетних в семье, отношении к труду и многом другом.

Мастерицы Старой Теризморги, занимающиеся вышивкой, поделились своими впечатлениями о смысловом наполнении визуальных образов, подчеркивая их отличие от художественных символов соседних территорий: «Стараемся делать то, что у нас, в Теризморге. Вот обряд совершился у нас, ритуал или свадьба... Именно в Теризморге. И мы уже передаём на свои полотна по вышивке, что было традиционное, теризморгское. Есть село Лемдяй, у них там тоже вышивка, традиционная, но мы уже ею не занимаемся. Мы лемдяйский орнамент не берём, он нам не нужен. Мы стараем-

¹ См.: Живое древнее искусство. Старинные мокшанские орнаменты. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/public/application/item?id=c56f76da-b450-4a01-832c-0fd95900460c&ysclid=lnk9keceyz511531582>.

Женские национальные костюмы муниципальных районов Мордовии
(этнографический музей, с. Старая Теризморга)

Women's national costumes of the municipal districts of Mordovia
(ethnographic museum, the village of Staraya Terizmorga)

ся свою вышивку показать»². Техника вышивки имеет свои особенности: «Техника вышивки чтобы соответствовала, гладь мы не употребляем в костюмах. Вышиваем по старинным эскизам. От этого не отходим...»³. Местные жители выразили свою обеспокоенность, связанную с сохранением мокшанских традиций: «Ковалёва, известьный мастер в республике, говорила нашим языкам. Тот огонёк, который мы имеем у себя, ту тревогу, которую мы имеем, она выразила в своём творчестве. Она говорит: „Нужно придерживаться. Если костюм сделали, костюм куклы-мокшанки, нужно, чтобы по параметрам он соответствовал. Чтобы нижние, задние орнаменты не на шее были, не спереди. А ведь время пройдёт, эта кукла останется, кому-то подаренная,

потом скажут, что это традиция, что именно так носили рубашку мордовскую»⁴.

По содержанию вышедшая книга представляет собой документально-художественное издание, повествующее об элементах мокшанского национального костюма, материалах и способах его изготовления, используемых нитях, цветовой композиции декора рубах, способах получения основных цветов с применением природных материалов, местах расположения узоров. Особенности костюмного комплекса рассмотрены в исторической ретроспективе. Здесь же можно познакомиться с красочным Каталогом вышивки с. Старая Теризморга: в него вошла большая часть собранных орнаментов. Показаны способы вышивки «назад иголку», «переплетенный шов», «роспись», «косой крест», «косая стяжка»,

«мережка», несколько видов изнаночной техники.

При подготовке работы были использованы три вида источников: альбомы старинных орнаментов, фотоматериалы, научные публикации. Следует отметить, что документы из архива старинных орнаментов впервые введены в научный оборот и с помощью оцифровки защищены от дальнейшей утраты. На фотографиях национального костюма можно увидеть изменения его структуры, происходившие в разные десятилетия прошлого века. Большое внимание уделено праздничному варианту. Фотографии элементов вышивки зараживают своей энергетикой, пробуждают желание прочитать зашифрованные послания.

Каталог вышивки с. Старая Теризморга состоит из пяти разделов: 1) вышивка рукава, 2) вышивка спины, 3) вышивка ниж-

² Результаты фокус-групповой дискуссии с жителями с. Старая Теризморга, проведенной сотрудниками Научного центра социально-экономического мониторинга 11 апреля 2023 г. в рамках разработки темы «Система этнокультурного брендинга территорий Республики Мордовия (кейс с. Паракино Большеберезниковского района и с. Старая Теризморга Старошайговского района)».

³ Там же.

⁴ Там же.

него края рубахи, 4) орнаменты онавы, 5) схемы орнаментов мокшанской вышивки.

Сочетанию орнаментов, расположенных по линии середины плеча у шва пристрачивания рукава и по всей длине, посвящен первый раздел. Кроме геометрических элементов на них изображались петухи, зайцы, голуби, различные растения, цветы. Рассмотрены изменения, происходившие в разные годы второй половины XX в.

У мокшан Старой Териэморги наиболее красочные вышивки выполнялись на верхней части спины. Здесь располагалась «дуга» – композиция в виде треугольника вершиной вниз, в который была заключена необходимая информация (даты, имена, пожелания). О комплексе вышивок заднего полотнища рубахи вдоль боковых швов и на лопаточной части спины можно узнать во втором разделе. Рассказывается, как эволюционировали эскизы, отмечается усложнение композиции со временем.

В третьем разделе приводится аутентичное видение комбинации вышивок нижнего края рубахи, расположенных на переднем, заднем и боковых полотнищах. Например, спереди размещались узор урмаць ('Замок. Защита от болезни'), сложный ленточный орнамент, окаймляющий нижний край и разрез переднего полотнища.

Онава – это своеобразный оберег для молодоженов, а потом для их новорожденных детей. Она представляет собой большое холщовое покрывало, выполненное из домотканого льняного холста, которое набрасывали на «кибитку» невесты и ее приданое. «Кибитка» устанавливалась в телеге, которая везла невесту в церковь. Если новобрачная направлялась на венчание пешком, онавой укрывали непосредственно саму невесту. Покрывало вышивали четыре подруги невесты, выполняя на нем двенадцать орнаментальных розеток, ни одна из которых не повторялась. Им также застилали спальное место, зыбку с ребенком. Оно хранилось в семье «от дурного глаза». В четвертом разделе показаны орнаменты двух покрывал 1909 и 1924 гг.

Систематизация зарисовок в специальном альбоме началась в 1996 г. Схемы орнаментов зарисовывались на листах в клетку, на миллиметровой бумаге ручкой или цветными карандашами. Часто цвета вышивки обозначались буквенно-символами. Работа по возрождению традиционного костюма была начата вышивальщицей М. М. Гераськиной. Сбор фрагментов орнаментов и зарисовок продолжили мастера декоративно-прикладного творчества М. А. Волгапова,

В. И. Бакаева, Н. М. Кадерова, В. П. Ямашкина, Н. С. Кадерова, А. И. Цыганова, А. В. Чевтайкина и др. Кроме того, в настоящее время А. И. Цыганова руководит кружком «Бабушкин сундучок», передавая свои знания подрастающему поколению. На занятиях творческих мастерских воспроизводятся не только костюмы, но и предметы декоративного текстиля (скатерти, салфетки, полотенца, покрывала, занавесы). Пятый раздел презентует как традиционные рисунки, так и образцы современной вышивки.

Книга предназначается для широкой аудитории читателей, которые интересуются семиотикой традиционной мокшанской вышивки, вопросами сохранения и популяризации мордовской национальной культуры. Она несомненно вызовет интерес у искусствоведов, историков, дизайнеров, художников, преподавателей и студентов художественных специальностей, педагогов дополнительного образования и учащихся детских художественных школ, мастеров декоративно-прикладного творчества. Данная работа представляет собой самостоятельный исторический источник, воспроизводящий большой пласт информации об обычаях, верованиях, природе и национальном характере.

Надежда Александровна Лимкина –
*старший научный сотрудник
отдела мониторинга территориального управления
Научного центра социально-экономического мониторинга,
Саранск, Россия,
limkinana@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-6123-8397>*

Nadezhda A. Limkina –
*Senior Research Fellow,
Department of Territorial Administration,
Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
Saransk, Russia,
limkinana@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-6123-8397>*

ВИКТОР ИВАНОВИЧ
ФЕДЮНИН –
ИЛЛЮСТРАТОР,
ГРАФИК, ЖИВОПИСЕЦ.
К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ХУДОЖНИКА

VIKTOR I. FEDYUNIN
IS AN ILLUSTRATOR,
GRAPHIC ARTIST,
PAINTER.
TO THE 75th
ANNIVERSARY
OF THE ARTIST'S
BIRTH

В настоящее время мы являемся свидетелями того, что Республика Мордовия начинает активно развиваться, становясь площадкой для проведения большого количества форумов, конференций, фестивалей, дающих хороший старт для реализации творческого потенциала среди молодежи. В связи с этим важно помнить, кто стоял у истоков развития современной культуры мордовского народа.

Красота нашей великой и необъятной страны служила вдохновением для многих поэтов, писателей, композиторов и художников. При этом главным источником, пробуждающим творческие силы, часто выступала именно малая родина. Одним из таких деятелей, воспевающих в своих произведениях красоту и величие родного края, является художник-иллюстратор, график и живописец Виктор Иванович Федюнин, в декабре 2023 г. отметивший 75-летие.

Виктор Иванович родился 7 декабря 1948 г. в с. Болотниково Лямбирского района Мордовской АССР. В детские годы судьба подарила ему знакомство с самодеятельным художником Владимиром Аникиным,

Виктор Иванович Федюнин

Viktor I. Fedyunin

работы которого оставили в душе мальчика неизгладимый след и предопределили его дальнейшую судьбу. Общение с природой, катание на лошадях и купание с друзьями в реке, помочь взрослым на сенокосе – всё это уже с раннего детства наполняло внутренний мир будущего художника яркими красками и художественными образами.

Свои первые зарисовки Виктор Иванович начал делать в

шесть лет, изображая на листах бумаги всё, что его окружало. В третьем классе он смог нарисовать портрет любимого девушки, Филиппа Степановича. Мальчик увлекался чтением книг советских и зарубежных авторов. Особое впечатление на него произвел роман английского писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо». Художник-иллюстратор книги Владимир Конашевич создал индивидуальный, узнаваемый стиль оформления сказок, смог увлечь ребенка игровыми, живыми композициями, этичностью фантазии и красочной декоративностью рисунка.

Любовь мальчика к рисованию заметили в семье и в 1960 г. отдали учиться в Сарансскую детскую художественную школу № 1. Директором школы в тот период был Петр Федорович Рябов, преподававший молодым дарованиям композицию. Среди многообразных художественных направлений Виктор особое внимание уделял рисунку и до настоящего времени благодарен Борису Игнатьевичу Росленко-Риндзенко. С особой теплотой он вспоминает живописное мастерство Любови Сильвестровны Шаниной-Трембачевской. Виртуозно

Работы мастера

Master's works

владея акварельной техникой, она передавала ее ученикам, учила видеть мир во всем его цветном многообразии. В одной параллели с В. И. Федюниным учились ребята, которые также стали впоследствии известными как в Республике Мордовия, так и за ее пределами. В их числе – Валерий Макаров, Вячеслав Ливанов, Иван Черапкин, Маргарита Сурина, Геннадий Котлов, Владимир Якутров, Вячеслав Кабанов¹.

Трудовую деятельность Виктор Иванович начал очень рано, параллельно продолжая обучение в вечерней студии живописи. Одним из ярких и любимых воспоминаний художника является работа в пионерском лагере «Строитель» в с. Сабаево. Молодому человеку в то время было 16 лет, и он чувствовал в себе силы для творческого роста. В пионерском лагере ему предстояло оформить галерею с портретами пионеров-героев (написанными масляными красками на холсте) и панно с портретом В. И. Ленина. Это была очень ответствен-

ная по тем временам работа не только для молодого портретиста, но и для профессионального художника. Виктор Иванович справился с поставленной задачей: его работу высоко оценило руководство пионерского лагеря. Впоследствии ему много раз поручали выполнить портреты видных партийных деятелей страны и республики.

В советское время В. И. Федюнин работал в Саранске в кинотеатрах «Октябрь», «Юность», а также на заводах города, где занимался оформлением рекламы, афиш, плакатов, вывесок, транспарантов, а также аллей трудовой славы. Более 30 лет трудился в средствах массовой информации. Начинал работать в редакции газеты «Молодой ленинец» (впоследствии – «Республика молодая»). 14 лет посвятил газете «Мокшень правда». Редколлегия газеты неоднократно с благодарностью отмечала его работу.

Виктор Иванович не боялся работы и любил ее, поэтому активно сотрудничал с нацио-

нальными журналами «Мокш», «Сятко» («Искра»), с детскими журналами «Якстеръ тяштеня» («Красная звездочка»), «Чилисема» («Солнышко»). Состоя в должности художественного редактора журнала «Якстеръ тяштеня» около 14 лет, он вел плодотворную деятельность: работал с внештатными художниками и содействовал развитию таланта художественно одаренных школьников.

Еще одну грань творческой деятельности В. И. Федюнина составили художественное оформление и иллюстрирование книг. К этой работе, которая велась под руководством талантливых художественных редакторов Л. В. Попова и Ю. В. Смирнова, он подходил очень ответственно и с огромной любовью. Каждая такая работа – не только полет творческой фантазии, но и знакомство с новыми людьми – авторами произведений.

Для того чтобы создать правдивые образы, показать читателям истинный замысел писателя, художнику необходимо

¹ См.: Скворцова Л. Г., Раслова Н. В. Современные художники Мордовии: Виктор Иванович Федюнин // В тесном соседстве: Мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2013. С. 649.

В. И. Федюнин и Ю. М. Пальтин на открытии выставки «Виктор Федюнин – художник, оживляющий сказки»
V. I. Fedyunin and Yu. M. Paltin at the opening of the exhibition “Viktor Fedyunin – an artist who brings fairy tales to life”

мо погрузиться в литературное произведение, стать его частью. Чем глубже удастся погрузиться в созданный писателем мир, тем ярче, выразительнее и убедительнее будут иллюстрации. Виктор Иванович за свою трудовую деятельность оформил более 60 изданий книг².

В. И. Федюнин сотрудничал с редакциями детских журналов, иллюстрируя как поэтические произведения, так и прозу. Им написано более 200 портретов мордовских писателей и ученых, опубликованных в журналах.

В то время, когда вся республика готовилась к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российской государства, художник активно сотрудничал с Мордовским книжным издательством. Итогом совместной деятельности стал выход в свет книги «Масторава» (2012 г.), в которой иллюстра-

ции помогают читателям понять тайный смысл великого произведения, делают его прекрасным, гармоничным и доступным для понимания³. В. И. Федюнину удалось передать внутреннюю тональность поэмы языком графики, выразить ее идеиную и философскую направленность при помощи смысловой и эмоциональной наполненности иллюстраций.

Работы иллюстратора имеют большое значение, так как текст не существует отдельно от рисунка, они тесно связаны друг с другом. Художник как бы дополняет автора. Его работы способствуют развитию воображения как у юных, так и у взрослых читателей. Иллюстрации формируют у них эстетическое чувство и художественный вкус.

В 2020 г. вышла в свет энциклопедия «Мордовская мифология», к жанрово-тематическим

статьям которой Виктор Иванович выполнил 34 иллюстрации в цветном изображении и 18 в черно-белом⁴. Художник смог осмысливать мифологические образы и создать иллюстрации, ориентирующие на этнические традиции национальной культуры.

Книги, украшенные иллюстрациями В. И. Федюнина, неоднократно становились победителями конкурсов и входили в число лучших. В частности, книга «Детские и молодежные игры мордвы» В. С. Брыжинского по результатам общероссийского конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги 2016 года» вошла в топ-50 региональных изданий⁵. Годом ранее книга В. А. Юрченкова «Мордва Российской империи» вошла в шорт-лист конкурса Ассоциации книгоиздателей России в номинации «Лучшая

² См., например: Чистякова Е. В. Разин и разинцы на мордовской земле. Саранск, 1986; Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993; Глехов А. И. Дороги привели в Берлин: [О боевом пути и встречах ветеранов 321-й – 82-й Запорож. гвард. стрелковой дивизии]. Саранск, 1996; Маршал Ахромеев: роковой август: Ст., очерки, интервью, воспоминания. Саранск, 1997; Пальгин Ю. М. Сиянь кснав: ёвкс. Саранск, 2014.

³ См.: Масторава: Мордовский народный эпос / сост.: Г. Я. Меркушкин [и др.]. Саранск, 2012.

⁴ См.: Мордовская мифология: энцикл. / науч. ред. В. А. Юрченков, Г. А. Куршева, Н. Г. Юрченкова, И. В. Зубов. Саранск, 2020.

⁵ См.: Брыжинский В. С. Детские и молодежные игры мордвы. Саранск, 2016.

книга, способствующая развитию регионов России»⁶.

В. И. Федюнин проделал огромную работу при создании национальных изданий в Мордовском книжном издаельстве. Он отвечал за составление иллюстративного материала и художественное оформление тематических рисунков в двухтомном издании энциклопедии «Мордовия»⁷. Всё это способствовало тому, что указом Главы Республики Мордовия от 22 марта 1999 г. за заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Мордовия». В 2007 г. Виктор Иванович был награжден Почетной грамотой Государственного комитета РМ по национальной политике.

В 2012 г. художник был участником выставки «Искусство Республики Мордовия» в Московском государственном выставочном зале «Новый Манеж», которая была посвящена 1000-летию единения мордовского народа с народами Российской государства, а также всероссийских художественных

выставок «Россия – Родина моя!» в Саранске и «Единение» в Нижнем Новгороде.

В 2023 г. был организован ряд экспозиций, посвященных творчеству Виктора Ивановича. 21 марта в музее истории Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва открылась выставка «Герои книжных страниц», на которой были представлены иллюстрации к изданиям «Масторава», «Мордва Российской империи» и др.

3 апреля в рамках Недели детской книги начала работу выставка «Виктор Федюнин – художник, оживляющий сказки», где были продемонстрированы его иллюстрации к детским книгам и журналам.

28 апреля в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее имени И. Д. Воронина открылась персональная выставка В. И. Федюнина под названием «Художник-график, иллюстратор, живописец». В число работ, представленных в экспозиции, вошли иллюстрации к литературным произведениям, портреты известных деятелей

Республики Мордовия и родственников художника, а также пейзажи, написанные на холсте. Позднее выставка была открыта для посещения участников Всероссийского молодежного фестиваля национальных культур «Мы вместе!».

В настоящее время Виктор Иванович продолжает трудиться. Он пишет портреты, пейзажи, натюрморты. Среди его работ также можно найти репродукции картин как отечественных, так и зарубежных мастеров кисти.

Увлеченность живописца делом неиссякаема, именно она помогает ему находить идеи для своих будущих произведений, а также силы для их воплощения. Его умение показать красоту окружающего нас мира восхищает и заслуживает уважения. Французский писатель Анатоль Франс говорил: «Художник должен любить жизнь и доказывать нам, что она прекрасна». Эти слова имеют прямое отношение к Виктору Ивановичу Федюнину, ведь его творчество зажигает в людях огонь и помогает увидеть прекрасное даже в том, что на первый взгляд кажется обыденным.

⁶ См.: Мордва Российской империи / сост. В. А. Юрченков. Саранск, 2014.

⁷ См.: Мордовия: Энцикл.: В 2 т. Саранск, 2003–2004.

Лариса Геннадьевна Скворцова –
кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической
истории и информационных технологий
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия,
skvorcova@isi.mrsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7372-5331

Anastasia Andreevna Raslova –
магистрант,
направление подготовки «Отечественная история»
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия,
anastasya_ras@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0176-1069

Larisa G. Skvortsova –
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Economic History and Information Technology,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,
skvorcova@isi.mrsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7372-5331

Anastasia A. Raslova –
Master's Student, the Field of Study "Russian History",
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,
anastasya_ras@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0176-1069

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЦЫГАНКИНА (1925–2023)

21 ноября 2023 г. ушел из жизни широко известный в России и за рубежом учений – лингвист, финно-угровед, крупнейший специалист по мордовским языкам доктор филологических наук, профессор Дмитрий Васильевич Цыганкин. Он был одним из наиболее ярких деятелей науки Республики Мордовия, а также представителем поколения защитников нашей Родины от фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Дмитрий Васильевич родился 22 октября 1925 г. в эрзянском селе Мокшалей Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Чамзинский район Республики Мордовия) в многодетной крестьянской семье. В 1940 г., имея за плечами семь классов Мокшалейской неполной средней школы, поступил учиться в Большема-

ресевскую среднюю школу. Не окончив ее, в феврале 1943 г. 17-летним юношей был призван на фронт.

В составе дивизиона артиллерийской инструментальной разведки Д. В. Цыганкин воевал на Западном, 3-м Белорусском фронтах. Участвовал в освобождении Орши, Минска, Борисова, Витебска. Закончил свой боевой путь в апреле 1945 г. под Кенигсбергом. Оставался в рядах Вооруженных сил до 1950 г., сначала в Белоруссии, затем в Германии, в г. Галле. Здесь получил среднее образование в вечерней школе для офицеров части.

В 1950 г., после демобилизации, Д. В. Цыганкин поступил на историко-филологический факультет Мордовского государственного педагогического института им. А. И. Полежаева. В 1954 г. окончил институт с присвоением специальности

«Учитель русского языка и литературы, мордовского языка и литературы». Вся дальнейшая его жизнь будет посвящена изучению мордовских языков.

В октябре 1954 г. Дмитрий Васильевич поступил в аспирантуру при Институте языкоznания Академии наук СССР (сектор финно-угорских языков). Под руководством доктора филологических наук, профессора К. Е. Майтинской написал и в 1958 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Шугуровский диалект Большеберезниковского района Мордовской АССР». После защиты кандидатской диссертации был принят на кафедру мордовских языков Мордовского педагогического института на должность ассистента, затем старшего преподавателя, доцента. С 1962 по 1972 г. был проректором по учебной части и научной работе вуза.

Трудовая биография ученого более полувека связана с Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарёва. В течение 20 лет (1972–1991 гг.) он заведовал кафедрой мордовских языков, параллельно (1980–1987 гг.) занимая пост декана филологического факультета. В 1978 г. в Тарту защитил докторскую диссертацию на тему «Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование)», через год был утвержден в звании профессора.

В университете Д. В. Цыганкин основал научную школу сравнительного изучения мордовских языков в контексте языков других народов, сформировал блестящую плеяду финно-угроведов, ныне кандидатов и докторов наук. Под его научным руководством защищены 25 кандидатских и 2 докторские диссертации. Как ветеран Великой Отечественной войны он был образцом беззаветного служения Отечеству, величественным и вдохновляющим примером для студенческой и аспирантской молодежи.

Ученый – автор внушительного списка научных и учебно-методических изданий: статей, монографий, словарей, учебников, учебных пособий, программ для вузов и школ. В сокровищницу книжного фонда Мордовии вошло большое количество написанных им работ: «Фонетика эрзянских диалектов» (1979), «Словообразование в мордовских языках» (1981), «Топонимическая система мордовских языков» (1983), «Память земли» (1993), «Память, запечатленная в слове. Словарь географических названий Республики Мордовия» (2005), «Морфемика и словообразование мордовских языков» (2006), «От Суры... до Мокши: названия рек и озер Республики Мордовия» (2010) и др. По учебникам и учебным пособиям для вузов и национальных школ, изданным Д. В. Цыганкиным и под его редакцией, уже несколько поколений учащихся школ и вузов изучают мордовские языки. Статьи профессора неоднократно печатались в нашем журнале.

Д. В. Цыганкин являлся членом-корреспондентом Фин-

но-угорского общества (Хельсинки), членом редакционной коллегии журналов “Linguistica Uralica” (Таллин), “Onomastica Uralica” (Дебрецен – Хельсинки), “Сятко” (Саранск) и энциклопедии «Мордовия», был активным участником международных и отечественных финно-угорских конгрессов, симпозиумов и научных конференций.

Труды ученого были оценены по достоинству: он был заслуженным деятелем науки Мордовской АССР и Российской Федерации, дважды лауреатом Государственной премии Республики Мордовия в области науки и техники, лауреатом премии Главы Республики Мордовия. Награжден орденом Славы III степени Республики Мордовия, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Кенигсберга».

Выражаем глубокие соболезнования родным, близким и коллегам Дмитрия Васильевича Цыганкина и скорбим вместе с ними.

*Редакция журнала и коллектив
Межрегионального научного центра финно-угроведения*

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты докторской и кандидатской степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography; 5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:

Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*

Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*

Корректор *Е. В. Савойская*

Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – рисунок Е. М. Корнеева «Лапонцы» из книги «Народы России, или Описание обычая, нравов и костюмов разных народов Российской империи»;

4-я стр. – фрагмент творческой работы А. Тумайкиной «Свадебный текстильный комплект». Вышивка, 2015

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:

N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*

Layout design *L. V. Kalachina*

Correction by *E. V. Savoiskaia*

Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – “Lapons” from “The Peoples of Russia, or Description of the customs, characters and costumes of various Peoples of the Russian Empire” by E. M. Korneev;

page 4 – fragment of creative work by A. Tumaykina “Wedding textile set”. Embroidery, 2015